СОЧИНЕНІЯ и ПЕРЕВОДЫ

2134 13

СТУДЕНТОВЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковскаго Университета, читанныя 1822 года Іюня 30 числа по окончанїи экзаменовъ ихъ.

56761.

Перечнв. 1950

ВЪ ХАРЬКОВѢ,
Въ Университетской Типографіи,
1822 года.

СПбГУ

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА им. Горького

Со дозволенія Цензуры.

СПбГУ

СПбГУ

СПбГУ

I. Опытъ исторической очевидности промысла Божія у всѣхъ народовъ и во всѣхъ вѣкахъ (*).

рѣчь, произнесенная при публичномъ испытаніи учениковъ Слободско-Украинской Гимназіи Учителемъ Историческихъ наукъ Степаномъ Есипорскимъ.

Еслибы человѣкъ, не лишася того безцѣннаго дара, который возвышаетъ его надъ прочими твореніями видимой природы, остался при одномъ какомъ либо изъ внѣшнихъ чувствъ и даже такомъ, которое занимаетъ тѣснѣйшій и скуднѣйшій кругъ: еслибы пресѣклися почти всѣ впечатлѣнія, производимыя на него внѣшними предметами, и онъ сталъ какъ бы заключенъ въ себѣ одномъ: то и тогда, восхищаяся внимательнымъ наблюденіемъ надъ однимъ собою, онъ безъ сомнѣнія возкликнулъ бы изъ глубины сердца: *есть Богъ.* Что же, Д. С.! должна чувствовать мыслящая душа, которая движется уже не однимъ какимъ либо слабымъ орудіемъ, но многими, сильнѣйшими, тѣсно другъ съ другомъ соединенными и онымъ соединеніемъ усугубляющими силы ея и свои! Вознесется ли въ тѣ неизмѣримыя пространства, гдѣ въ чинѣ и порядкѣ вращаются милліоны міровъ: какую тамъ величественную,

(*) Сія рѣчь посвящена Ректору ИМП. Х. Университета В. Я. Джунковскому.

гармоническую пѣснь Творцу услышитъ она отъ сихъ безгласныхъ и, кажется неодушевленныхъ, (*) громадъ! Помысли, вѣщаютъ онѣ, о тягости нашей, разсмотри взаимную связь нашу, изслѣдуй законы нашего движенїя и скажи намъ: кто чудесно повѣсилъ насъ на тѣхъ зыбяхъ тончайшаго ѳира, которыя не могутъ держать на себѣ ниже малѣйшей частицы бренїя? Кто премудро связалъ насъ невидимою и въ существѣ своемъ непостижимою силою взаимнаго притяженїя? Какая могущественная длань сообщила намъ ту силу верженїя, которая, въ противность физическимъ законамъ ея, не квадратами уменьшается въ своемъ отдаленїи отъ точки верженїя, но самыя тмы вѣковъ, съ удивленїемъ протекая мимо насъ, священно хранятъ ея одинаковость? Снидетъ ли на землю, разсмотритъ ли со вниманїемъ и сїе великолѣпное жилище бреннаго облаченїя своего: и здѣсь не только солнце премудро разпоряженными сїянїемъ и теплотою, не только земля богатствомъ и пользою произведенїй, не только благопріятныя измѣненїя погодъ и временъ; но самые, такъ называемые, ужасы природы: удары громовъ, потрясающїе сердце земли, изверженїя вулкановъ, съ ревомъ и трескомъ покрывающїя огненными потоками цвѣтущїе города и села, громогласно свидѣтельствуютъ и бытїе Всевышняго, и Его премудрость, и Его непрестанное о сохраненїи порядка вещей попеченїе.

(*) Jeder Weltkörper ist durch geistige Bande in sich verbunden und ein beseeltes Wesen. Платонъ изд. Г. Аста, стр. 359.

Проникнетъ ли наконецъ и во мрачныя нѣдра земли: какая и здѣсь представится взорамъ ея необозримая, богатѣйшая, чудеснѣйшая лабораторïя! Какïе удивительные препараты, непостижимые процессы! Кто же здѣсь Химикъ? вопрошаетъ она; ищетъ его, повергается, и, исполненная благоговѣнïя, возклицаетъ: не небеса токмо, Господи, но и земля, и преизподняя повѣдаютъ славу Твою!

И подлинно, Д. С.! Какая лира могла возпѣть Гимнъ Творцу, достойнѣйшïй того, какой неумолкно поетъ ему природа? какая ученость или Витïйство человѣческïя могли наставлять смертнаго въ познанïи Его и Его Божескихъ совершенствъ яснѣе, убѣдительнѣе, какъ наставляютъ въ нихъ разсматриванïе не только устроенïя вселенныя, но даже устроенïя того малѣйшаго насѣкомаго, или того ничтожнаго прозябенïя, которыя мы иногда небрежно попираемъ ногами?

Но въ одномъ ли только мïрѣ вещественномъ Богъ изволилъ открыть себя человѣку толь явственно и толь выразительно? Одного ли только мïра вещественнаго устроенïе и управленïе Онъ благоволилъ принять на Себя; а мïръ нравственный, духовный и слѣдовательно ближайшïй къ себѣ отдалъ на произволъ случая? Нѣтъ, Д. С.! По мѣрѣ той, сколько духу Божïю, дѣйствующему въ насъ, позволено, для назиданïя нашего, проницать въ безконечныя глубины Божества, можно сказать, что даже управленïе мïра вещественнаго неиначе возможно, какъ только посредствомъ мïра духовнаго. Какъ управлять веществомъ? Оно само по себѣ мертво: надобно сперва одушевить его, ожи-

сотворить его, и потомъ уже, посредствомъ тоя же самыя животворящія силы, движать его по своимъ намѣреніямъ. И дѣйствительно: мы усматриваемъ, что одушевленіе таковое возпринимаетъ начало свое въ самихъ первыхъ стихіяхъ мїра. Свѣтильникъ разума весьма ясно открываетъ его даже тамъ, гдѣ грубому матеріализму представляются однѣ механическія и химическія дѣйствія природы; открываетъ далѣе, что отъ сихъ первыхъ началъ или основаній вещества оное одушевленіе, подобно крови текущей по тончайшимъ жилкамъ органическаго тѣла, разливается по всѣмъ цепямъ существъ, возходитъ на разныя степени, объемлетъ, наполняетъ, оживотворяетъ собою вселенную, не отдѣляяся отъ начала своего, изъ котораго истекаетъ, т. е. отъ всеобщаго начала жизни и разума (*). А по сему: что суть оныя, весьма достойныя нашего вниманія, явленія: сила притяженія въ тѣлахъ небесныхъ, механическія и химическія дѣйствія въ тѣлахъ неорудной природы, образовательное стремленіе, жизненное начало, душа человѣческая, душа вообще разумная въ прочихъ существахъ сотворенныхъ? Ето суть капли океана, наводняющаго вселенную; ето суть частицы или силы души вселенныя, а сія есть сила Вездѣсущаго и Всеизполняющаго. Слѣдовательно: онѣ то суть духи, которыхъ Мїроправитель творитъ Своими Ангелами, Своимъ пламенемъ огненнымъ; онѣ

(*) Pflanzte Er (Gott) dem Körperlichen die Seele und der Seele die Vernunft ein, und fügte das Ganze in ein schönes Gebilde zusammen. Стр. 356 того же изд.

то суть орудія, которыми Всемогущій все движетъ и всемъ управляетъ; орудія въ отношеніи къ мїру вещественному, сами же образуютъ мїръ духовный, образуютъ небо и степени его. Сими то орудіями вращаются тѣла небесныя и движутся вся внутренняя и внѣшняя земли; сими же орудіями рѣшаются и жизнь и смерть, и благоденствїе и несчастія, и побѣды и пораженія, и величїе и паденїе царствъ. Ибо тамъ, гдѣ Всемогущій соизволяетъ положить какъ бы нѣкоторый предѣлъ Своему всемогуществу, гдѣ въ существа Имъ сотворенныя, вливаетъ Онъ дары разума и воли, дабы чрезъ слїяніе ихъ содѣлать видимымъ, сколько возможно видѣть слабымъ взорамъ смертныхъ, пресвѣтлый образъ Свой въ мудрости и добродѣтели: тамъ начинается и святѣйшее Его правосудіе и мїроправленіе собственно нравственное какъ частное, такъ и государственное; ибо и Государство есть не иное что, какъ соединеніе большаго или меньшаго количества частицъ или силъ души вселенныя, украшенныхъ дарами разума и воли. Кратко сказать: поелику вся вселенная, отъ Ангела до первоначальнаго зародыша жизни, отъ величественнаго солнца до ничтожной песчинки, проникнута, одушевлена, оживотворена и силою Божїею движется точно такъ, какъ тѣло душею: то что можетъ быть внѣ Его владычества, или гдѣ можетъ быть положенъ предѣлъ Его управленїю?

Кто однако откроетъ, кто покажетъ намъ очевидность промысла Божїя и въ нравственномъ мїроправленїи столь же явственно и столь ощути-

тельно, какъ внѣшняя природа намъ открываетъ и показываетъ очевидность управленія мїра вещественнаго? Исторїя рода человѣческаго, Д. С., есть почти единственный источникъ сея очевидности. Тма духа языческаго для премногихъ покрываетъ ее и понынѣ; но конечно будетъ время, когда Геній, озаренный и содѣйствуемый свыше, изъ науки удовлетворяющей по большей части суетному и неограниченному любопытству знать то, что прежде насъ было, преобразитъ ее въ науку великую, — въ науку Богопознанїя, и покажетъ свѣту, что она есть истинный архивъ дѣлъ суда Божїя, а не случая и не человѣческихъ.

А дотолѣ — разкроемъ ее на нѣсколько минутъ Д. С.! разкроемъ ее, дабы только удостовѣриться намъ, что не на однихъ Царей простирается тотъ судъ, котораго приговоръ написанъ былъ рукою, внезапно явившеюся Небонедїю, Царю Вавилонскому, въ слѣдующихъ словахъ: *дни царствїя твоего изчислены; ты свѣшенъ на вѣсахъ и оказался легокъ: царство твое раздѣлено и отдано Мидянамъ и Персамъ;* дабы удостовѣриться также, что не однѣхъ частныхъ лицъ касаются слова, произнесенныя Божественными устами Спасителя нашего: *въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ* (*): но что судъ оный и сей святѣйшїй законъ простираются на весь нравственный мїръ, на всѣ времена и вѣки.

Пиръ I, Царь Молоссовъ, иначе называемый Неоптолемомъ, по взятїи Трои, убилъ Царя ея, старца Прїама, у самаго алтаря; по возвращенїи же изъ

(*) Матѳ. гл. 7, зач. 20, ст. 2.

Фригіи былъ потомъ и самъ убитъ на ступеняхъ храма Дельфійскаго. Таковая участь его возбудила удивленіе даже въ язычникахъ и Историки ввели пословицу: *Неоптолемское отмщеніе.* О! сколько Исторія человѣчества представляетъ Неоптолемскихъ отмщеній, въ которыхъ поразительнѣйшій слышится гласъ, убѣждающій насъ признать надъ собою десницу, управляющую нами, воздающую намъ!

Извѣстный оный Митридатъ VI, Царь Понтійскій, влекомъ будучи жадностію къ приобрѣтеніямъ, приказываетъ тайно убить шурина и искренняго друга своего Аріанта, Царя Киппадокійскаго, дабы овладѣть его царствомъ. Потомъ, имѣя войну съ сыномъ его, племянникомъ своимъ, и уже предъ самимъ начатіемъ сраженія, призываетъ его будто для переговоровъ о мірѣ и въ виду обѣихъ армій вѣроломно вонзаетъ въ него кинжалъ. Если бы сіи, падшія отъ рукъ его жертвы, имѣли время излить чувствія сердца своего: то безъ сомнѣнія возкликнули бы: о! да испытаютъ и дѣти твои такое же вѣроломство! да испытаешъ ты его самъ отъ родныхъ дѣтей своихъ! Судія Всевѣдущій не имѣетъ нужды въ словахъ устъ: Онъ внемлетъ воплю сердца несчастныхъ и — четире сына Митридатовы, бывшіе главною подпорою ему въ старости его и несчастіяхъ, измѣнически предаются своимъ непріятелямъ; а послѣдній, самый любимый, наслѣдникъ его короны, вѣроломнѣйшимъ образомъ предаетъ его самаго въ руки жесточайшихъ враговъ его Римлянъ. Митридатъ вопіетъ къ небу, и въ проклятіяхъ своихъ предаетъ его всѣмъ бѣд-

ствїямъ жизни, всѣмъ мукамъ ада; а самъ терзается тѣмъ необыкновеннымъ мученїемъ, что ядъ не можетъ прекратить жизни его. Историки увѣдомляютъ, что Митридатъ еще съ молодости привыкъ къ употребленїю онаго. Но въ такомъ отчаянномъ положенїи своемъ онъ могъ бы употребить и большее количество онаго и сильнѣйшаго. Слѣдовательно ядъ не можетъ прекратить жизни его не потому, чтобъ не имѣлъ силы на разрушенїе состава его; но потому, что не бывалъ орудїемъ его вѣроломствъ. Итакъ Митридатъ принужденъ наконецъ самъ въ себя вонзить такое же орудїе смерти, какое вонзилъ въ вышепомянутыя жертвы. Не очевиденъ ли здѣсь судъ Божїй?

Войны и участь Пира II, Царя Епирскаго, также достойны вниманїя. Молодой, пылкой, превосходнаго ума и сердца Государь сей, вмѣсто того, чтобъ посвятить дары сїи мїру и благодеяствїю своего народа, рѣшается подражать Александру Македонскому. Дабы въ послѣдствїи наслаждаться покоемъ, онъ намѣреваетъ подвергнуть скипетру своему Италїю, завоевать Сиракузы, овладѣть Египтомъ, содѣлаться повелителемъ Грецїи и Востока. Итакъ подъ предлогомъ помощи Тарентинцамъ, онъ идетъ сперва въ Италїю. Извѣстно, что здѣсь перевѣсъ справедливости былъ на сторонѣ Римлянъ, хотя и они также не совсемъ были правы. Ходъ войны совершенно соотвѣтствуетъ вѣсамъ правосудїя. Слоны доставляютъ побѣду Пиру въ наказанїе Римлянамъ за неизбѣжанїе войны; потомъ слоника дѣлается причиною пораженїя Пирова въ наказанїе ему за коварную готовность его

помогать угнѣтеннымъ, въ наказанїе Тарентинцамъ за ихъ негостеприимство и дерзость въ отношенїи къ Римлянамъ. Изъ Италїи подъ тѣмъ же предлогомъ Пиръ идетъ въ Сиракузы: и успѣхъ тотже. Подъ тѣмъ же предлогомъ онъ пускается въ Грецїю; начинаетъ со Спарты: надобно, говоритъ онъ, сперва побѣдить мущинъ. О какъ провидѣнїе смѣется надъ расчетами человѣческими, когда они противны бываютъ расчетамъ Божескимъ! Здѣсь женщины обращаютъ его въ бѣгство: онъ идетъ въ Аргосъ; но здѣсь уже оканчивается долготерпѣнїе Божїе. Пиръ нечаянно поскальзывается; съ него спадаетъ шлемъ; женщина, тутъ же стоявшая на кровлѣ дому, пускаетъ въ него черепицу, раздробляетъ ему голову, и Монархъ, который въ битвахъ сражался съ храбростїю рядоваго солдата, тотъ, мимо котораго пролетали тысячи смертей и онъ оставался невредимъ, тотъ упадаетъ и оканчиваетъ жизнь свою отъ слабой, неловкой руки женской. Могло ль сто быть дѣломъ случая?

Подобная же страсть къ завоеванїямъ Деспотовъ Персїи и высокомѣрїе Сатраповъ ихъ были причиною войны Грековъ съ Персами. Судъ Божїй здѣсь, равно какъ и во всѣхъ произшествїяхъ Грецїи былъ очевиденъ. 10,000 Грековъ торжествуютъ надъ 100,000 войска Дарїева. Заблужденїе умовъ приписываетъ сей необыкновенный успѣхъ мужеству, свободѣ духа, искусству военному и т. п.; но провидѣнїе скоро потомъ даетъ Грекамъ совершенно противный урокъ. Тотъ же самый Мильтїадъ, который съ Марафона возвратился покрытый славою, съ маленькаго острова Пароса, (на которомъ

и теперь неболѣе 2,000 жителей) возвращается покрытый ранами и стыдомъ и, вмѣсто трофеевъ, получаетъ темницу. Откуда такое неравенство успѣховъ? Тотъ же самой Военачальникъ, тѣ же самые воины. Аѳиняне, говоритъ Исторія, не имѣли причины воевать противъ Паросянъ: Мильтіадъ, обольщенный самонадѣяніемъ, выступилъ противъ нихъ за личную обиду; впрочемъ во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ сего похода онъ не сдѣлалъ ни одной погрѣшности, равно какъ и на славной для него битвѣ Маратонской. Судъ Божій даруетъ потомъ побѣды Грекамъ уже не надъ тысячами, но надъ милліонами Персовъ, и Ксеркса, который мечталъ быть нетолько Царемъ Царей, но повелителемъ даже стихій, заставляетъ у казненной и окованной имъ стихіи искать своего спасенія въ бѣгствѣ. Но и сія ярчайшая струя свѣта Божія не разгоняетъ темноты покрывавшей философскіе умы Грековъ: они совершенно предаются высокомѣрію и самонадѣянію своему. Аѳины начинаютъ угнѣтать прочія области; Аѳины умышляютъ погибель Спарты, но испытываютъ Неоптолемское отмщеніе: стѣны ихъ разрушаются, флотъ уничтожается и главы побѣдителей Дарія и Ксеркса, мечтавшія господствовать надъ Спартою, склоняются подъ иго 30 тирановъ Спартанскихъ. Спарта торжествуетъ, но не поучается. Ликургъ наставилъ ее искать успѣховъ оружія только въ желѣзномъ сердцѣ своемъ. Она отправляетъ 10,000 воиновъ своихъ въ Персію въ помощь мятежнику противъ законнаго Государя. Ими предводительствуетъ Ксенофонтъ, знаменитый и Полководецъ, и Философъ, и Историкъ.

Какъ бы не быть успѣху, когда 300 Спартанцевъ нѣкогда обратили въ бѣгство великую армїю Персовъ? Но дѣло было неправое: и успѣхъ вышелъ, какъ извѣстно, противный. Спарта возжигаетъ потомъ войну Ѳивейскую. Невоинственность Ѳивянъ и надежду легко овладѣть землею ихъ она дѣлаетъ себѣ достаточными причинами къ войнѣ сей: за то же Левктру и Мантинею она дѣлаетъ вѣчными памятниками стыда и уничиженїя своего. Вслѣдъ за сею войною поселяется въ Греческихъ республикахъ совершеннѣйшїй раздоръ: нѣтъ изъ нихъ ни одной, которая не дышала бы злобою, мщенїемъ, которая не искала бы погибели другой; всѣ становятся виновны по взаимнымъ отношенїямъ своимъ: и всѣхъ ихъ Филиппъ подвергаетъ точно такой же участи, какой онѣ старалися подвергнуть одна другую.

Возвышенїе и паденїе Македонїи были также очевиднымъ дѣломъ суда Божїя. По смерти Царя ея Пердики III, во время пребыванїя въ Ѳивахъ брата его Филиппа, она терзалася незаконными искателями престола; сосѣды ея раздували въ ней огнь раздора; многїя земли ея уже были въ ихъ рукахъ; Аѳиняне ревностно содѣйствовали умноженїю всѣхъ ея несчастїй. — Прибѣгаетъ изъ земли чуждой Филиппъ: и въ самомъ цвѣтѣ юности, въ самомъ разстроенномъ состоянїи государства не только приводитъ все въ порядокъ, но покоряетъ Пеонянъ, разбиваетъ Иллирянъ, беретъ города у Аѳинянъ, отнимаетъ земли богатыя золотомъ у Ѳракїямъ. Всѣ однако сїи побѣды, всѣ сїи успѣхи Филиппъ приписываетъ не правому дѣлу своему, а уму,

оборотливости, искуству военному, счастію своему. Посему предается самонадѣянію, позволяетъ себѣ всякія хитрости и обманы и въ мирное время поражаетъ Елатею, побѣждаетъ потомъ и соединившихся Грековъ; но изпытываетъ наконецъ истинное Неоптолемское отмщеніе. По возвращеніи своемъ изъ Коринѳа онъ празднуетъ радостнѣйшее торжество бракосочетанія дочери своей: скрытный врагъ его среди самаго торжества сего вонзаетъ въ него кинжалъ и прекращаетъ жизнь его. О! — какъ сей скрытный врагъ сходенъ съ Филиппомъ въ отношеніи его къ Грекамъ! Какъ ударъ сей среди торжества сходенъ съ ударомъ, которымъ Филиппъ среди мира поразилъ Елатею и Грековъ!

Возходитъ на престолъ Македонскій Александръ. Въ сіе время владыки Востока держали въ рукахъ своихъ скиптры большею частію похищенные, желѣзные, обагренные кровію невинныхъ; Азіатская нѣга всѣми сладостями своими покоила ихъ на престолахъ; народы ихъ казалися имъ сотвореннымъ для ихъ прихотей, ихъ затѣй, и, стеная подъ бременемъ злоупотребленія ихъ довѣрія, сами по примѣру ихъ, предавалися всякимъ порокамъ и неправдамъ. А посему, *позвижде*, какъ говоритъ св. писаніе, *Богъ отъ конецъ земли* (*), позвижде имъ Александра. Но суетный Александръ себя велитъ почитать богомъ, а тѣмъ дѣла свои дѣлаетъ себѣ преступленіемъ и получаетъ достойное наказаніе: жизнь его прекращается въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ, среди обширнѣйшихъ плановъ

(*) Исаіи гл. 5, ст. 26.

его и намѣреній, и наградою всѣхъ его талантовъ и его подвиговъ остается ему одно то горестное предчувствіе, что похороны его будутъ весьма кровопролитны. И дѣйствительно: много жертвъ онъ принесъ своему властолюбію: за то же и весь родъ его былъ жертвою властолюбія Пердики, Антигона, Кассандра; а Македонія, Македонія, которая рукоплескала своему Герою, которая мечтала быть повелительницею странъ отъ Дуная до Ганга — О! ей возмѣрилося точно тою же мѣрою, какою она мѣрила другимъ! Бывъ кровавымъ позорищемъ властолюбивыхъ искателей престола, хищныхъ Галловъ и внутреннихъ смятеній болѣе $1\frac{1}{2}$ вѣка, она стала наконецъ добычею властолюбія Римлянъ. Несчастная! гордилася ты, когда одинъ и первый Александръ твой писалъ мечемъ своимъ законы полсвѣту; но каково было тебѣ смотрѣть, когда другой и уже послѣдній твой Александръ служилъ писцемъ у Римскаго Судіи города Албы!

Изъ губителей Александровой фамиліи особеннаго замѣчанія достоинъ Кассандръ. Дабы утвердиться на престолѣ, онъ приказываетъ убить мать Александрову Олимпіаду, супругу его, прекрасную Роксану и малолѣтнаго сына его Александра же. Царствуетъ потомъ благополучно, и злодѣяніе, кажется, остается ненаказаннымъ: но умираетъ онъ, и — съ сѣмействомъ его дѣлается тоже самое, что онъ сдѣлалъ съ сѣмействомъ Александровымъ. Два сына его: Антипатръ и Александръ, движимы будучи такимъ же властолюбіемъ, какъ и отецъ ихъ, ищутъ обагрить руки свои въ крови братъ брата; а Антипатръ — о!

ужаснѣйшее злодѣяніе! дабы утвердиться на престолѣ, приказываетъ убить родную мать свою въ собственныхъ глазахъ. Какая премудрая ращетливость! Роксана для Кассандра была точно тоже, что родная мать для сына его Антипатра.

Участь Карѳагена и человѣческимъ безпристрастнѣйшимъ судомъ не могла бы быть рѣшена иначе, какъ такъ, какъ она рѣшена. Ему не слѣдовало препятствовать Римлянамъ, союзникамъ своимъ, владѣть нѣкоторыми мѣстами въ Сициліи; ибо права на нее были у нихъ одинаковы, т. е. права сильнаго: а посему первая Пуническая война, которой жадность Карѳагена была причиною, и рѣшена тѣмъ, что онъ потерялъ Сицилію. Во вторую Пуническую войну были виноваты Римляне, что въ мирное время вѣроломно отняли у Карѳагенянъ Сардинію; былъ виноватъ Аннибалъ, что собственно не за обиду отечества, а изъ ненависти къ Римлянамъ нарушилъ возобновленный предшественникомъ его Аздрубаломъ миръ; былъ виноватъ Карѳагенъ, что одобрилъ поступокъ своего Генерала и согласился на несправедливую войну; тѣмъ же болѣе, что потеря Сардиніи уже была вознаграждена приобрѣтеніемъ Испаніи. Всѣ виноваты, и всѣ получаютъ достойнѣйшее наказаніе. Римляне въ продолженіе 14 лѣтъ терпятъ почти безпрестанныя пораженія; ни Пиринеи, ни Алпы, ни мужество ихъ не могутъ остановить быстраго теченія Аннибалова; по развалинамъ городовъ и селъ ихъ, по кровавымъ трупамъ ихъ согражданъ, ихъ Сенаторовъ, ихъ Консуловъ онъ достигаетъ почти самаго Рима; Карѳагенъ плещетъ руками, что кровь

Римская льется уже почтивъ стѣнахъ Рима. Но побѣждается потомъ и самъ Аннибалъ! Гдѣ же? также въ предѣлахъ самаго отечества своего. Какъ? не мужествомъ Сципіона и Римлянъ; но премудрость и сила Божіи, дабы не помрачить необыкновенныхъ воинскихъ талантовъ его, или дабы посмѣяться суетности ихъ, дѣлаютъ животныхъ орудіями его пораженія; потомъ ядъ прерываетъ жизнь его такъ, какъ страсть его къ войнѣ, какъ ненависть его къ Римлянамъ прервали миръ и спокойствіе многихъ народовъ; жадный Карѳагенъ наказывается потерею всѣхъ владѣній своихъ внѣ Африки.

Третья Пуническая война и совершенное разрушеніе Карѳагена представляютъ ужасную и трогательнѣйшую картину. Кажется онъ падаетъ отъ совершенной несправедливости: отъ патріотическаго фанатизма Катонова, отъ властолюбія и жадности Римлянъ, отъ коварства Сципіона 2го, отъ измѣны собственнаго Полководца. Но подъ сею то мнимою несправедливостію скрывается и Святѣйшее правосудіе Міроправителя. Если бы погибель Карѳагена совершилася по случаю такого дѣла, въ которомъ онъ былъ бы виноватъ: то ему возмѣрилося бы не тою же мѣрою, какою онъ мѣрялъ другимъ. Римляне овладѣли Карѳагеномъ точно такъ и по тѣмъ же побужденіямъ, какъ и по какимъ онъ овладѣлъ Сициліею, островами Средиземнаго моря и Испаніею; и даже основаніе Карѳагена разрушено Римлянами такъ, какъ оно было положено Дидоною.

Что о тебѣ сказать великій и страшный Римъ! Должно бы говорить много; но скажу мало. Если

бы твое возвышеніе и твое паденіе зависѣли отъ тѣхъ причинъ, которымъ приписываетъ ихъ Монтескю (*): то не замѣчалося бы такой поразительной соотвѣтственности въ ихъ обстоятельствахъ и даже въ ихъ временахъ. Царствованіе твоего Октавія есть какъ бы солнцестоятельная точка твоего величія. Какая то премудрая ращетливость поставила ее почти на самой срединѣ между Тарквиніемъ Гордымъ, со времени котораго ты началъ дѣйствовать самовластно; со времени котораго мирныя добродѣтели, насажденныя въ тебѣ Нумою Помпиліемъ, начали уже препираться со страстію къ славѣ воинской, а потомъ мало по малу и совершенно уступили ей мѣсто въ сердцѣ твоемъ: и между Ромуломъ Августуломъ, коего царскіе знаки наемникъ твой Одоакръ уже отослалъ въ даръ Зинону, подобно какъ нѣкогда главу Великаго Помпея твоего отослалъ въ даръ Кесарю данникъ твой Птоломей; со времени котораго разноплеменные народы поразили тебя многочисленными ударами въ самомъ пепелищѣ твоемъ, подобно какъ нѣкогда Кесарь твой пораженъ былъ въ самомъ Сенатѣ твоемъ. О! какія въ сихъ ужасныхъ внутреннихъ терзаніяхъ твоихъ явлены были тебѣ предзнаменованія будущей судьбы твоей, когда уже все твое воздастся тебѣ! Не въ однѣхъ сновидѣніяхъ промыслъ предпоказуетъ будущность царствъ. Гордый Римъ! Ты долженъ со вниманіемъ смотрѣть на твоего Суллу, когда онъ дерзновенно возходилъ на степень Диктаторства по трупамъ болѣе ста

(*) Essai sur la grandeur et la décadence de l'empire Romain.

Сенаторовъ и болѣе ста тысячь убіенныхъ имъ гражданъ твоихъ! Онъ былъ живой образъ твой въ отношеніи тебя къ порабощеннымъ тобою народамъ; конецъ жизни его былъ предзнаменательный образъ конца твоего политическаго бытія.

Взглянемъ еще на минуту Д. С.! на нынѣшнія Европейскія державы! одинаково ли и на нихъ простираются уставы суда Божія. О! они неизмѣняемы, вѣчны, всеобщи.

Португальцы открываютъ неизвѣстныя дотолѣ земли, и, вмѣсто того, чтобъ обнять новонайденныхъ собратій своихъ по человѣчеству, чтобъ поступками своими показать имъ знаки и своего Христіянства, и высшей степени своего образованія, они налагаютъ на нихъ тяжкія оковы рабства, похищаютъ ихъ земли, увозятъ ихъ сокровища. Едва однако проходитъ полвѣка, какъ отечество ихъ испытываетъ такую же участь отъ Испаніи, а похищенныя ими земли и сокровища такимъ же образомъ похищаются у нихъ Голландцами.

Фанатизмъ Испанцевъ упитываетъ лютость свою кровію болѣе двадцати милліоновъ Американцевъ: но почти въ тоже время и тотъ же самой фанатизмъ, облекшися въ убійственные доспѣхи инквизиціи, производитъ такіе же неслыханные ужасы въ самомъ нѣдрѣ Испаніи. Потомъ гнѣвъ Божій видимо поражаетъ державу сію въ царствованіе Филиппа II. Исторія извѣстная. Англійская Королева Елисавета отказала фанатику и гордецу сему въ рукѣ своей. Въ отмщеніе онъ воздвигаетъ противъ нея флотъ, которому Европа дотолѣ подобнаго невидала и даетъ ему названіе *непобѣдимаго*.

Какое самонадѣяніе! Тогда однако, когда флотъ сей еще не коснулся мѣста своего назначенія, когда еще не разверзся адъ, который онъ вмѣщалъ въ себѣ, уже десница Божія, въ видѣ бури, сокрушаетъ его, а съ нимъ и могущество Испаніи. Съ тѣхъ поръ и по нынѣ Испанія платитъ долгъ Америкѣ; съ тѣхъ поръ и по нынѣ собственно счастіемъ своимъ несчастная держава сія почти невидитъ болѣе ясныхъ дней.

Карлъ VI, Король Французскій, положилъ начало довольно длинному ряду поразительныхъ Неоптолемскихъ отмщеній въ Англіи. Не имѣя достаточныхъ, да и никакихъ причинъ къ войнѣ, онъ покушался нанесть ударъ Англіи, какъ Римляне Карѳагену: но планы его разрушены и онъ наказанъ сумасшествіемъ. Соперникъ его Генрихъ V, Король Англійскій, будучи тѣмъ еще не доволенъ, вторгается въ предѣлы Франціи, поражаетъ силы ея, достигаетъ наконецъ самой столицы. Здѣсь могъ бы онъ уже остановиться и сказать: я отмстилъ — довольно; но нѣтъ: онъ простираетъ виды свои гораздо далѣе: законнаго наслѣдника престола убѣждаетъ объявить врагомъ отечества и, подъ предлогомъ брачнаго родства, похищаетъ его корону. Можетъ ли корона сія долго оставаться на его головѣ? Можетъ ли онъ передать ее своему потомству? Противно небесному правосудію и то, и другое: А посему едвали прошелъ годъ, какъ Генрихъ V умираетъ; потомъ, подобно слонихѣ противъ Пира, подобно бурѣ противъ флота Филиппова, воздвигается противъ сына его Генриха VI — кто же? Слабое твореніе, дѣвица д'Аркъ,

извѣстная дѣвица Орлеанская. Рѣшительными побѣдами она срываетъ съ головы его похищенную корону Франціи и торжественно вѣнчаетъ ею неправедно удаленнаго отъ наслѣдія Дофина. Тѣмъ зло только прекращено, но еще не наказано. Война двухъ Розъ терзаетъ отечество его, Англію, 30 лѣтъ и оканчивается тѣмъ, что Генрихъ VI и сынъ его заключаются въ темницу. Превозмогшій надъ нимъ Едуардъ IV, дабы утвердиться на престолѣ, прикавываетъ убить ихъ обоихъ. Не много однако спустя умираетъ и самъ Едуардъ. Правленіе государства и опека надъ двумя малолѣтными сынами его, изъ которыхъ одинъ уже возведенъ былъ и на престолъ, поручены дядѣ ихъ. Разпоряженіе, кажется, благоразумное. Кто могъ подумать, чтобъ дядя, правитель государства, опекунъ малолѣтныхъ сиротъ, опекунъ самаго Государя, рѣшился попрать толь священныя титла и очернить память свою похищеніемъ престола? Но того мало: дабы утвердиться на немъ, онъ приказываетъ убить обоихъ питомцевъ своихъ: и юнаго Короля и брата его, дѣтей Едуардовыхъ. *Такъ дѣти платятъ долгъ отцовъ! такъ кровь пролитая отцами платится кровію дѣтей; дѣтей собственно невинныхъ, но да изполнится мѣра, въ нюже мѣрили отцы ихъ!* — Загарается потомъ междуусобная война, и наконецъ самъ дядя и похищенный имъ престолъ и очерненную злодѣяніемъ жизнь свою теряетъ на мѣстѣ сраженія. Какая очевидность промысла Божія! какая точность въ мѣрѣ и возмѣреніи!

Да кто укажетъ хотя одно изъ достовѣрныхъ произшествій въ Исторіи рода человѣческаго, гдѣ бы не очевиденъ былъ судъ Божій? Какаго царства судьба рѣшилася противъ уставовъ его святѣйшаго правосудія? Не должналь была Швейцарія получить свободу свою, не смотря на несоразмѣрность силъ своихъ съ Австріею? Не должналь была Голландія получить свободу свою, не смотря также на совершенную несоразмѣрность силъ своихъ съ Испаніею? Не должналь была Марія Терезія удержаться на отцовскомъ престолѣ, не смотря на всѣ козни вѣроломства и воздвигнутыя имъ противъ нея силы? Не довольно ли наказана Франція за похищеніе Неаполя (*), или престола Испаніи (**)? Не довольно ли потерпѣла Австрія за возженную ею войну Протестантскую? Не довольно ли отмщены: кровь Карла I на Кромвелѣ, или кровь Царевича Димитрія на Годуновѣ? Не должналь была Швеція за грѣхи свои во время самозванцевъ въ Россіи пасть ко стопамъ Петра Великаго и просить у него мира? Не достойнуюль участь возприяла Польша отъ руки Екатерины II за зло, которымъ она терзала Россію въ тѣже и другія несчастныя времена? Наконецъ не достойную ли казнь терпѣла Европа съ той ужасной минуты, когда на ешафотѣ Франціи зазвенѣлъ толь безбожный топоръ, до самаго того времени, когда на престолѣ ея опять зацвѣла толь благовонная вѣтвь дому

(*) Въ 1269 году Луд. Свят.
(**) Лудов. XIV.

Бурбоновъ? — Еще ли Промыслу надобно было дѣйствовать очевиднѣе того, какъ онъ дѣйствовалъ уже въ наши ужасныя времена, когда миловалъ насъ? О блистательное солнце! о свѣтъ полуденный! Ты явилъ Себя и въ необыкновенномъ избранiи Вождя, и даже, смѣю сказать, въ предназначенiи его для совершенiя сего великаго дѣла неизповѣдимыхъ судебъ Твоихъ, въ предназначенiи весьма явственно напечатлѣнномъ въ самомъ незабвенномъ имени: Кутузовъ (*); Ты явилъ Себя и въ неописанномъ мужествѣ воиновъ нашихъ, и въ искуствѣ неискусныхъ ратниковъ нашихъ и мирныхъ поселянъ, и даже въ геройствѣ слабыхъ твореній, дотолѣ отъ одного слуха о войнѣ ужасавшихся, соотечественницъ нашихъ; Ты явилъ Себя и во всеобщей готовности нашей на все для спасенiя любезнѣйшаго отечества нашего, и въ мудрыхъ устроенiяхъ и распоряженiяхъ правительства нашего, и въ такихъ величайшихъ погрѣшностяхъ *Воеводы ада*, какiя дотолѣ съ нимъ почти никогда не случались; Ты явилъ Себя и въ чудесномъ сохраненiи драгоцѣннѣйшей для человѣчества жизни возлюбленнаго Помазанника Твоего, Августѣйшаго МОНАРХА нашего среди толикихъ опасностей, и въ укрѣпленiи силъ Его на понесенiе толь тягостнаго бремени и трудовъ и печалей, и въ неимѣющихъ примѣра Его кротости и миролюбiи тогда, когда Милость и Истина Твои уже превознесли и

(*) Его составляютъ слова: Франц. Coup (ударъ) и Руское нузъ.

осїяли Его толикимъ свѣтомъ славы Твоея: но несравненно болѣе, ощутительнѣе, блистательнѣе Ты явилъ намъ Себя въ томъ, чего мы уже никакъ не можемъ приписать ни нашему уму, ни нашему искуству, ниже силамъ человѣческимъ вообще: Ты явилъ Себя въ неслыханной люттости зимы. Она то преимущественно, сїя то десница Твоя, облеченная въ стихїю, поразила, какъ не чистыхъ и зловредныхъ животныхъ, толь ужасныя и числомъ и дѣлами враждебныя силы, которыя въ то время по праведному и премудрому допущенїю Твоему покрывали и терзали нещастное отечество наше. О! Боже Праведный, Боже Милосердый! Въ какихъ громахъ уста Твои тогда гремѣли намъ и всей землѣ: *видите, видите яко Азъ есьмъ, и нѣсть Богъ, развѣ Мене; Азъ убїю и жити сотворю, поражу и Азъ исцѣлю* (*).

Перестанемъ же утопать въ обуревающихъ насъ волнахъ самолюбїя и самонадѣянїя нашего! Признаемъ и надъ собою владычество всемъ управляющаго промысла Божїя! Облобызаемъ десницу, воздающую намъ по заслугамъ нашимъ, по заслугамъ сердца нашего, десницу, возмѣривающую намъ и дѣтямъ нашимъ тою же самою мѣрою, какою мы мѣряемъ Богу и ближнимъ нашимъ! Удостовѣримся въ глубинѣ души нашей, утвердимся непоколебимо въ той святѣйшей истинѣ Евангельской, что не только царства, но ниже власъ главы нашея немогутъ погибать безъ воли Божїей!

(*) Второзаконїя гл. 32. с. 39.

Юные, любезнѣйшіе соотечественники мои, которыхъ я имѣю честь быть наставникомъ! Сего одного убѣжденія, сего драгоцѣннѣйшаго камени ищете вы во всемъ дальнѣйшемъ ученіи вашемъ Исторіи рода человѣческаго; всѣ же прочія сокровища, во множествѣ разсыпанныя по необозримому полю ея и сокровища большія сихъ приложатся къ нему сами собою.

СПбГУ

II. О промыслѣ.

Вольнослуш. А. Аѳанорцова.

Бытіе и силы всѣхъ тварей, находящихся въ мірѣ семъ, Богъ сохраняетъ посредствомъ своего промысла. Кто усумнится въ существованіи сего явнаго признака неизчерпаемаго милосердія Всеблагаго Отца? — Кто дерзнетъ отрицати дѣйствія неизглаголанной Благости Божіей? Есть Богъ — есть и промыслъ; мы не можемъ признавая Бога вмѣстѣ отвергать его промыслъ; иначе мы представили бы Его существомъ праздным, безъ всякаго знанія, чуждымъ всякаго о насъ попеченія. Совѣсть — сей внутренній нелицемѣрный Судія всѣхъ нашихъ добрыхъ и худыхъ поступковъ, служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что есть Высочайшій Правитель и Всевѣдецъ нашихъ дѣлъ, сердечныхъ чувствій и помышленій; есть Богъ о насъ промышляющій. — Обратимъ наше вниманіе на дѣйствія въ природѣ, которыя свыше всякаго познанія человѣческаго. — Тамъ порокъ, преодолѣвая всѣ усилія добродѣтели, торжественно возносится надъ стонущею подъ игомъ его правдою, но наконецъ истина въ свою очередь получаетъ возмездіе за минутное посрамленіе и сіяетъ съ новымъ блескомъ. — Необыкновенныя явленія на обширной сценѣ Нравственнаго и Физическаго міра, коихъ ни причина, ни цѣль намъ неизвѣстны, раждаютъ въ насъ удивленіе и невольно заставляютъ признать невидимую Десницу верховнаго существа, кото-

рое по своей волѣ правитъ сими дѣйствіями. — Не уже ли духъ невѣрія овладѣвшій человѣкомъ будетъ искать еще большихъ доказательствъ? — Не уже ли и самая святость слова Божія, гдѣ мы находимъ множество примѣровъ Божественнаго промысла, недостаточна искоренить въ насъ пагубныя сѣмена злочестія и убѣдить насъ въ существованіи онаго?

Цѣль промысла двоякая: первая и главнѣйшая есть слова Божія. Пророкъ Давидъ въ 148 псалмѣ говоритъ: „*Хвалите Господа съ небесъ; хвалите Его „въ вышнихъ*“ . . . Сими словами онъ призываетъ всѣ твари, дабы онѣ свидѣтельствовали о Божіемъ могуществѣ и славѣ Его; онъ совѣтуетъ намъ, дабы мы изкореняя изъ сердецъ нашихъ и малѣйшій зародышъ сумнѣнія, съ твердостію и Христіанскимъ упованіемъ полагались во всемъ на Его Божественное милосердіе. — Вторая цѣль промысла есть какъ временное, такъ и вѣчное благо людей добродѣтельныхъ. О семъ говоритъ Свя. Апо. Павелъ (въ посл. къ Римл. гл. 8, ст. 28). „*Вѣмы же, „яко любящимъ Бога, вся послѣшествуетъ во благое „сущимъ по предвѣдѣнію званнымъ*.„ Да и дѣйствительно, что можетъ быть лучшею наградою за праведное, богобоязненное, житіе душъ добродѣтельныхъ, и за непоколебимую ихъ увѣренность въ промыслѣ, какъ не временное и вѣчное блаженство? —

Способы, коими дѣйствуетъ промыслъ — многоразличны. — Иногда дѣйствуетъ онъ посредствомъ естественныхъ причинъ: иногда по причинамъ сверхъ-естественнымъ, превышающимъ

нашъ разумъ. — Такъ угнѣтенные постыднымъ рабствомъ въ Вавилонѣ; претерпѣвая ужасныя бѣдствія и скорби, нося отчаяніе въ сердцахъ, — древніе Израильтяне вспомнили о Томъ, Кто невидимо о нихъ печется; и Кого они, оглушенные порокомъ и безбожіемъ во дни гибельнаго разврата, забыли. — Они вспомнили, и надежда на Божественное милосердіе и на лучшую участь, обратила ихъ ко Всеблагому Отцу, всегда готовому принять истинно кающихся. Они обратились на путь добродѣтели и униженный Іерусалимъ снова увидѣлъ сыновъ своихъ въ прежней славѣ и могуществѣ. — Такъ Моисей избавляетъ своихъ соотчичей отъ работы Египетскія чудесами, кои свыше всякаго обыкновеннаго понятія людей, и убѣждаетъ гордаго Фараона согласиться на ихъ свободу. —

Промыслъ печется не о всѣхъ тваряхъ одинаково. Родъ человѣческій есть предметъ, для коего Всеблагій являетъ болѣе знаковъ своей Благости и щедротъ. — Но гораздо болѣе печется промыслъ Божій о людяхъ добродѣтельныхъ и благочестивыхъ, нежели порочныхъ и въ нечестіи погруженныхъ: „*На сіе убо и труждаемся и поношаемы „есмы, яко уловахъ на Бога живаго, иже есть Спа„ситель всѣмъ человѣкамъ паче же вѣрнымъ.*„ — говоритъ Св. Апо. Павелъ въ своемъ посланіи. — Но какъ разнообразны, какъ удивительны средства попеченія о насъ Всевышняго! — Щастіе и нещастіе, скорби и радости повидимому безъ всякаго порядка и цѣли посылаются на людей добродѣтельныхъ и порочныхъ. Нѣтъ! Вездѣ видна премудрая воля Творца, вездѣ слѣдствіе какъ зла, такъ и блага

имѣютъ одинъ конецъ — наше спасенїе. — Естьли иногда Фїалъ бѣдствїй изливается на порочнаго, то исправленїе его жизни и обращенїе къ добродѣтели есть цѣль гнѣва Божїя. — Ибо человѣкъ развратный, погруженный во тьму грѣховную, коего сердце и умъ сильно заражены ядомъ порока, бубучи жестоко пораженъ нещастїями, скоро приходитъ въ себя. Онъ обращаетъ взоръ свой на прошедшую жизнь, видитъ въ ней непрерывную цѣпь безчестнаго существованїя, гнусныя и вредныя поступки и признаетъ, что нещастїе есть единственное благодѣянїе, посылаемое отъ благихъ небесъ, для его исправленїя. Раскаянїе вмѣстѣ съ надеждою, что Милосердый Отецъ еще терпитъ и ждетъ его исправленїя вновь поселяетъ въ его душѣ сѣмена добродѣтели и такимъ образомъ причисляетъ его къ стаду избранныхъ. — Разсматривая жизнь Порфиророднаго Пророка Давида въ минуты его скорби, мы видимъ его изливающаго теплыя молитвы, видимъ въ немъ примѣрныя добродѣтели: прощающаго обиды враговъ своихъ съ кротостїю. Безпримѣрнымъ и пламеннымъ краснорѣчїемъ исполненные псалмы его большею частїю суть излїянїя, кающагося сердца. Не станемъ же роптать на нещастїя, но вмѣстѣ съ Давидомъ умиленнымъ сердцемъ будемъ просить оныхъ отъ Бога, и въ часы минутнаго прискорбїя воскликнемъ: „*неуклонися гнѣвомъ отъ раба твоего.*“ Естественно ли разумному существу считать сїи средства пекущагося о насъ Промысла и служащїя къ нашему спасенїю, за вредъ и произносить жалобы на Провидѣнїе?

Иногда Богъ, по неисповѣдимымъ судьбамъ своимъ, попускаетъ бѣдствіямъ обремѣнять людей добродѣтельныхъ; но они бывъ чисты совѣстію и спокойны духомъ съ благоговѣніемъ и безъ ропота принимаютъ скорби и печали отъ невидимой руки своего Создателя. Ибо увѣренность на будущую лучшую жизнь, *гдѣ ни плачь, ни воздыханія*, не будутъ возмущать ихъ спокойствія и вѣчное блаженство будетъ наградою терпѣнія. — Вотъ основанія, на коихъ крѣпко и непоколебимо утверждена надежда наша на промыслъ. Чего неиспытали мученики за вѣру? — Какихъ еще бѣдствій недоставало къ ихъ жестокимъ страданіямъ, но тверды и непоколебимы остались они среди всѣхъ испытаній, въ той утѣшительной надеждѣ, что все сіе есть средство къ спасенію, отъ промысла подаваемое.

А посему, да не устрашаютъ насъ непредвидѣнныя бѣдствія и неудачи, искоренимъ изъ сердца нашего пагубное малодушіе, и небудемъ роптать на промыслъ, который испытываетъ наше терпѣніе и пріуготовляетъ намъ большую награду за то малое добро, которое мы теряемъ здѣсь. —

Не будемъ завидовать щастію порочныхъ, но болѣе будемъ сожалѣть о нихъ, ибо они лишены самаго драгоцѣннѣйшаго блага, т. е. надежды на Бога. — Уповая на промыслъ, мы не должны оставлять въ небреженіи нашихъ способностей, но во всѣхъ своихъ занятіяхъ просить и надѣяться отъ промысла благополучнаго успѣха. — Наконецъ возмемъ себѣ за правило-всеобщее, и полезнѣйшее, чтобы въ щастіи не превозноситься, въ нещастіи не унывать.

III. Разсужденіе о необходимости основанія Философіи на Религіи.

Студ. Д. Сапфирова.

Между многочисленными науками, порожденными умомъ человѣческимъ, ни одна не имѣетъ столь высокой и сообразной съ назначеніемъ свободно-мыслящихъ существъ, цѣли, какъ истинная Философія. — Она, достигши возможной степени совершенства, обильные проливаетъ источники существенныхъ выгодъ на всю жизнь человѣческую, разсматриваемую какъ со стороны нравственной, такъ и со стороны Физической ея природы. — Просвѣщая разумъ неложными истинами открываетъ человѣку прямой путь, ведущій его къ истинному благополучію въ жизни временной, и указываетъ средства, могущія споспѣшествовать ему въ пріуготовленіи къ блаженной небесной жизни.

Впрочемъ Философія, важность которой самое имя ея показываетъ, сія Философія откуда можетъ заимствовать то совершенство, тотъ духъ, которыхъ требуютъ важныя истины въ ней излагаемыя? Какое основаніе быть можетъ столь прочно и незыблемо для сего огромнаго зданія, которое бы поддерживало его вѣчно безъ всякаго измѣненія?

Христосъ въ высокомъ ученіи своемъ открылъ смертнымъ всѣ тѣ истины, всѣ тѣ средства, по которымъ истинные послѣдователи его возносятся выше смертности, выше сферы чувственной жизни. — Слѣдовательно Философія, чтобы въ полномъ смыслѣ соотвѣтствовала своему значенію, необходимо должна основываться на Божественной Религіи Христіанской. — И это будетъ предметомъ краткаго моего разсужденія. —

Въ состояніи невинности всѣ мысли, желанія и намѣренія первосозданнаго человѣка освѣщены были чистѣйшимъ свѣтомъ небесныя истины. — До самой ужаснѣйшей минуты паденія Божественный свѣтъ сей, бывъ въ безпрерывномъ соединеніи съ человѣкомъ, возжигалъ въ немъ собою ту внутреннѣйшую простую точку ума, которая составляла главное основаніе онаго. Свѣтъ, изъ сей точки ума, возженной Божественнымъ огнемъ, изливавшійся на окружающія его предметы, не только служилъ яснымъ освѣщеніемъ оныхъ, но проницая въ самое внутреннѣйшее каждаго, просто, безъ всякаго многотруднаго изслѣдованія сообщалъ человѣку полное свѣденіе о свойствахъ, истинной цѣнѣ и достоинствѣ каждаго предмета, объ отношеніи ихъ между собою и дальнѣйшей цѣли ихъ существованія. — Словомъ, невинной человѣкъ въ простотѣ и совершенной покорности къ путеводительницѣ его — небесной истинѣ, во всемъ созерцалъ одну только истину. Но коль скоро началъ онъ всматриваться, такъ сказать, въ предметы самъ съ собою, довольствуясь ясностію собственнаго свѣта, сталъ размышлять объ нихъ — а слѣдовательно и выходить

изъ точки простаго созерцанія; то немедленно небесный свѣтъ, какъ бы почитая себя въ такомъ случаѣ искуснымъ болѣе, сокрылся отъ человѣка, проникнутаго самолюбіемъ; и съ сей-то минуты та самая часть его природы, которая до сего времени была единственнымъ органомъ Божескихъ вліяній, содѣлалась вмѣстилищемъ гнуснаго эгоизма. —

Такимъ образомъ человѣкъ, удалившійся отъ свѣта истины единственно чрезъ тщеславіе, которое вдохнуло ему ложную мысль о превосходствѣ его разума, перелилъ собственный духъ свой, омраченный гордостію, въ духъ своего потомства. —

Все погрузилось въ сумракъ, который цѣлыя тысящелѣтія омрачилъ умы смертныхъ. —

Чада, падшія въ родителѣ своемъ, будучи увлекаемы быстрымъ потокомъ чувственныхъ побужденій, конечно низверглись бы въ совершенный хаосъ, естьли бы провидѣніе, оставивъ на произволъ своимъ страстямъ, выпустило ихъ во все изъ виду; естьли бы оно безпрерывно не назидало всѣхъ путей человѣка, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы при первой мысли, родившейся въ душѣ обратиться къ потерянному свѣту истины, поселить непоколебимую надежду въ достиженіи онаго.

Но люди, усыпленные чувственностію не внимали нѣжному гласу всеобщаго Отца.

Врожденное стремленіе къ истинѣ, при тускломъ мерцаніи оставленнаго самому себѣ разума, вмѣсто желаемыхъ успѣховъ въ открытіи оной, самой сумракъ покрывавшій всю область умственныхъ способностей, превратилъ наконецъ въ не-

проницаемую тьму невѣжества. — Тогда при глубокомъ повреждѣнїи нравственности, жрецы и съ пылкимъ воображеніемъ рожденные стихотворцы, изобрѣли собственныхъ боговъ по своевольной своей фантазїи, учредили религїю по чувственнымъ понятїямъ; и тѣмъ самымъ довершили забвеніе, единаго, всеблагаго, всемогущаго, всесвятѣйшаго, высочайшаго Существа — Религїя жрецовъ и стихотворцовъ дышала одною чувственностїю, слѣдовательно освѣщала всѣ пороки и заблужденїя. —

Впрочемъ, не смотря на заблужденїя, наводнившїя всю вселенную, основываясь на всеобщей исторїи произшествїй, кромѣ мужей, Самимъ Богомъ избранныхъ для сохраненїя небеснаго свѣта истины, каждой вѣкъ ознаменованъ былъ какимъ либо произшествїемъ, которое ясно показываетъ дѣйствїе Божїей любви къ роду человѣческому, обнаруживающееся чрезъ великихъ и праведныхъ мужей. Въ семъ отношеніи между самыми язычниками возникали, такъ сказать, изъ ничтожества великїе генїи, превосходившїе обыкновенную сферу познанїй своего времени. — Ежели ихъ добродѣтели и услуги, оказанные человѣчеству во всякое время имѣютъ неотъемлемое право, на уваженїе всѣхъ, умѣющихъ цѣнить достоинства человѣка, то тѣмъ болѣе на уваженїе ихъ соотечественниковъ, благодѣйствїемъ своимъ единственно имъ обязанныхъ. По сему-то въ языческїя времена часто благодарное потомство обоготворяло и воздвигало жертвенники великимъ людямъ, добродѣтелями своими Божествамъ ихъ уподобившимся. Изъ какого же источника они почерпали все потребное

для своего усовершенствованія? всѣ правила для добродѣтельной жизни и обширныя свѣденія непосредственно заимствовали, какъ сами признаются, отъ Боговъ и Религіи.

Est Deus in nobis; agitante calescimus illo:
Impetus hic Sacrae seminer mentis habet, говоритъ Овидій, (Faſt. libr. IV.) Иначе сіи великіе мужи не только не удостоились бы жертвъ, однимъ богамъ посвященныхъ, но даже подверглись бы проклятію, какъ нарушители вѣры и религіи ихъ предковъ.

Читая Исторію Философовъ древнихъ, нельзя не примѣтить, что Богъ не переставалъ тайно сообщать духу человѣческому истины коихъ человѣкъ удалился чрезъ паденіе; *Magister ex occulto Deus* (гов. Сенека). Зороастръ, самый древній Философъ Персидскій по одному соображенію Физическаго мїра къ духовному, видимаго къ невидимому, судя по тогдашнему времени, весьма высокое имѣя понятіе о высшемъ началѣ вещей, и основываясь единственно во всемъ на религіи, весьма полезныя и нравоучительныя наставленія оставилъ въ книгѣ своей Зенда — Веста. — Почему нѣсколько уже вѣковъ книга сія почитается у Персовъ какъ священный даръ, отъ Боговъ чрезъ человѣка имъ низпосланный. —

Есть также превосходныя мысли въ разсужденіи источника познаній человѣческихъ у нѣкоторыхъ Арабскихъ Философовъ. — Вотъ мудрое наставленіе Дуаину Альрефидель начальника Софіевъ, данное имъ одному ревностному любителю наукъ: „Для чего пришелъ ты въ сію страну, говоритъ онъ, и какое твое намѣреніе? Ежели ты хочешь

познать всѣ вещи, которыя въ семъ мірѣ находятся; то къ чему трудишся напрасно? ты не прямой путь избралъ къ познанію ихъ. Ибо Богъ всѣ сіи вещи вѣдаетъ. Ежели ты мнѣ скажешъ, что ищешъ Бога, и трудишся для того, чтобы его найти: то знай, что Богъ всюду есть, гдѣ бы ты ни находился; слѣдовательно вотще ищешъ ты его внѣ себя.“— Сюда можно отнести достойную замѣчанія надпись, сдѣланную на гробѣ одного Персидскаго Государя, которая заключается въ слѣдующихъ словахъ: „Все, что не Богъ, есть ничто. Богъ и сіе довлѣетъ. Всякое слово, къ Богу не относящееся, суетно, и всякое добро, не отъ него происходящее, есть одна тѣнь добра.“ Въ сихъ краткихъ выраженіяхъ сколь много заключается превосходнаго! такъ мыслить и разсуждать свойственно человѣку съ духомъ кротости и съ глубокимъ чувствомъ естественной слабости въ произведеніи добра.

Греція въ блистательныя времена наукъ произвела многихъ достославныхъ мудрецовъ не только именемъ, но и соотвѣтственными названію своему дѣлами. Не говоря о прочихъ, довольно представить въ примѣръ Сократа, чрезъ высокое понятіе о Богѣ и нравственности содѣлавшагося жертвою истины; и Божественнаго Платона, который всѣ философскія истины почерпалъ изъ понятія о Богѣ. — Онъ погружаясь въ чистѣйшія идеи, полагалъ, что все изъ верховнаго начала изліянное во внѣшность есть ничто иное, какъ образъ или отпечатокъ живаго Бога — а потому всѣ вещи въ существѣ своемъ могутъ быть познаваемы только

въ отношенїи ихъ къ высочайшему началу, только въ Богѣ.

Маркъ Аврелїй и Антонинъ были не только великїе Философы, но вмѣстѣ и великїе Монархи въ Римѣ. — Истинно благодѣтельное и мудрое правленїе ихъ Государства въ точности оправдало Платоновы слова: что народы тогда только могутъ быть щастливы, когда Государи ихъ будутъ Философы, или когда Философы будутъ ихъ Царями. —

Подлинно, что можетъ оживотворить разумъ и доставить ему достаточныя силы въ наклоненїи воли къ добру, что можетъ возбудить въ человѣкѣ чувствованїя человѣколюбїя, кротости и великодушїя, что можетъ доставить ему надежныя средства въ достиженїи высокой цѣли его назначенїя? — Ничто, кромѣ Философїи, основанной на понятїяхъ истинной Религїи. *Multum prodest viro Philosophia, si religione imbutus est animus.* (Лактанцїй.) На противъ нѣтъ ничего гибельнѣе не только для человѣка въ частности, но даже для цѣлыхъ народовъ, какъ философїя, основанная на одномъ гордомъ разумѣ человѣческомъ, который въ самомъ отвлеченномъ смыслѣ, собственно самъ ничего не знаетъ, кромѣ своего я. —

Весьма справедливое на щотъ разума сдѣлалъ замѣчанїе одинъ Арабскїй Философъ — „собственный твой разумъ, говоритъ онъ, ни что иное есть какъ заблужденїе, слѣдовательно помощь вѣры необходимо нужна. Провести одно мгновенїе безъ познанїя истины, значитъ пребыть въ заблужденїи. Согласоваться съ собственными чувствами и познанїями, значитъ шествовать обширнымъ пу-

темъ злочестїя и идолопоклонствовать самому себѣ; ибо, такъ какъ ты не можешъ мыслить и разсуждать ни очемъ другомъ, кромѣ о случайномъ существѣ; то всѣ твои мысли и разсужденїя ни къ чему другому руководствовать тебя не могутъ, какъ ко мраку гордости и упорства. И такъ надлежитъ совершенно отстать отъ сей привязанности къ собственнымъ своимъ познанїямъ, поелику обозрѣвши существа, найдешъ ты, что нѣтъ собственно другаго истиннаго существа кромѣ единаго Бога.“ И дѣйствительно, сколько сей превознесенный ложными философами разумъ, своимъ стремленїемъ къ независимости не только отъ всякой высшей власти, но даже отъ самаго Бога, уже въ новѣйшїя времена причинилъ бѣдствїй въ цѣлыхъ государствахъ. Францїя особенно претерпѣла отъ опустошительнаго наводненїя, причиненнаго, такъ ложно называемою, здравою философїею, коея духъ стремился къ тому, чтобы изъ круга познанїй человѣческихъ изгнать всѣ положительныя истины религїи, и на мѣсто оныхъ ввести нравственное начало или законъ, долженствовавшїй освѣщать весь кругъ познанїй человѣческихъ, не предвидѣвъ того, что сїе самое нравственное начало или законъ въ душѣ человѣческой есть блудящая планета, которая не заимствуя свѣта отъ духовнаго солнца, становится грозною, къ погибели ведущею звѣздою. —

Всякой тогда, упоенный ложными истинами таковой Философїи, хотѣлъ все знать изъ себя, все доказывать изъ собственнаго разума — хотѣлъ быть т. е. Богомъ — хотѣлъ изъ себя знать до-

брое и лукавое — и сїе запрещенное внушенїе отъ древа познанїя добра и зла, сїя змѣиная лесть, или ядъ змїя искусителя причиною всего зла между людьми. По етому сколько новая Философїя, основанная на такъ называемомъ здравомъ разумѣ, унизила человѣчество! — Не естьли это неоспоримое доказательство, что Философїя безъ Религїи кромѣ зла ничего произвесть не можетъ? — Потому что разумъ въ естественномъ состоянїи человѣка не имѣетъ въ самомъ себѣ никакого источника истины; но одну только способность испытывать понятїя, получаемыя имъ изъ другаго источника истины: справедливы ли они, или ложны, добродѣтель ли то, или порокъ, правда или неправда. — Поелику одинъ Богъ и Его Религїя суть чистѣйшїй источникъ всякїя истины — Отсюда единственно человѣкъ можетъ заимствовать и силу и искуство собственный разумъ свой употреблять на то, къ чему онъ способенъ, пользоваться имъ и воздерживать его, попускать ему дѣйствовать, гдѣ должно, и заставлять его молчать, приводить въ почтительное безмолвїе, гдѣ пристойно. —

Одинъ благоразумный Философъ наблюдаетъ сїи предѣлы и всячески остерегается преступить оные! —

Нѣтъ никакого сомнѣнїя, что одна Религїя Христїанская есть истинная и не можетъ войти ни въ какое сравненїе со всѣми прочими до селѣ существующими Религїями въ разсужденїи усовершенствованїя нравственности и познанїй человѣческихъ. Духъ Христїанской Религїи есть въ высшей степени духъ любви, кротости, и человѣко-

любїя. — Въ каждой Христїанской душѣ есть свидѣтель, вопїющїй, что она есть единственный путь къ достоинству человѣка. Стоитъ только сравнить добродѣтели Христїанъ съ добродѣтелями язычниковъ, то найдемъ въ Христїанствѣ весьма много добродѣтельныхъ душъ, въ неизвѣстности живущихъ, предъ которыми Епиктетъ и Сенека суть только обыкновенные люди. Добродѣтели язычниковъ, не имѣя истиннаго основанїя, суть только мнимыя добродѣтели; но быть украшену любовїю къ ближнему, тихою и чистою радостїю, внутреннимъ и глубокимъ миромъ, великодушнымъ перенесенїемъ встрѣчающихъ въ жизни сей нещастїй, плѣнительною дружественностїю ко всѣмъ, добродушною осторожностїю во всѣхъ случаяхъ, твердою и несомнѣнною вѣрою, и упованїемъ на отеческую любовь Божїю, кротостїю, смиренїемъ предъ всѣми, внутреннею чистотою сердца, и истиннымъ цѣломудрїемъ; — обладать всѣми означенными добродѣтелями свойственно одному только Христїанину, питающемуся плодами духа Христова. —

Такимъ образомъ кто, провождая жизнь предъ лицемъ Божїимъ, въ состоянїи съ удостовѣренїемъ внутренняго чувства, сказать: *не азъ живу болѣе, но живетъ во мнѣ Христосъ;* тотъ ни къ чему другому не стремится, какъ только къ одному добру; поелику обитаетъ въ немъ источникъ всякаго добра — умъ его обогащенный прямыми истинами, свободно проникаетъ въ страну духовную — высшую; поелику руководствуетъ имъ высочайшая мудрость — Христосъ. — *Въ немъ суть вся сокро-*

вища премудрости и разума сокровенна; словомъ, тотъ достигаетъ высшей степени совершенства или уподобленїя *Богу*, поелику живетъ въ немъ высочайшїй образецъ всѣхъ совершенствъ.

Слѣдовательно Философїя что бы быть истинною Философїею: необходимо должна заимствовать истины для образованїя ума и сердца и всей вообще натуры духовной человѣка, отъ вѣчной премудрости — Христа, внѣ-Котораго нѣтъ другаго пути ни къ истинѣ, ни къ чистымъ познанїямъ. — Одинъ онъ есть *путь, истина и животъ!*

СПбГУ

IV. Разсужденіе объ истинной твердости.

(Переводъ съ Французскаго.)

Студен. І. Александровича.

Истинная твердость души есть сопротивленіе, которое она противуполагаетъ всѣмъ искушеніямъ и всѣмъ нещастіямъ жизни. Сіе сопротивленіе отнюдь не предполагаетъ, что бы мы были къ онымъ нечувствительны; ибо, для перенесенія того, чего мы не чувствуемъ, не требуется силы; но она насъ поставляетъ превыше искушеній, и приводитъ насъ въ состояніе дѣйствовать или чувствовать безъ порабощенія воли.

Дѣйствіе сей добродѣтели состоитъ въ томъ, что она приводитъ насъ въ состояніе достигать съ терпѣливостію великой цѣли, которую мы имѣемъ въ виду. Она противится приманкамъ удовольствія, превозмогаетъ препятствія, и терпѣливо сноситъ огорченіе; — руководствуемые ею идутъ твердыми и неробкими стопами на поприщѣ своего званія, могутъ многое претерпѣть, но рѣдко упадаютъ духомъ.

Сія добродѣтель является не только въ величайшихъ злоключеніяхъ, но также и въ случаяхъ представляющихся ежедневно, и если сіи послѣднія испытанія менѣе горестны, за то можетъ быть

они часто бываютъ труднѣйшїя. Истинная твердость, по сему будетъ, переносить пороки и слабости другаго, сїи малѣйшїя противурѣчїя, случающїяся въ жизни, и которыя, будучи взяты отдѣльно могутъ казаться легкими, но кои однакожъ имѣютъ великое влїянїе на нашъ нравъ и на всегдашнее расположенїе души. —

Наши собственныя слабости и наше несовершенство, подаютъ также случай являться сей добродѣтели; никто не можетъ хвалиться неизмѣннымъ постоянствомъ души; и одна изъ существенныхъ чертъ истинной твердости есть та, что бы не покаряться движенїю, котораго нельзя избѣгнуть, что бы не почувствовать и не ослабѣвать въ своей должности, какое бы ни было положенїе, въ которомъ мы находимся.

Вотъ тотъ великїй характеръ, которымъ отличается истинная твердость: она постоянна и неизмѣнна, одинакова во всѣ времена, во всѣхъ испытанїяхъ, и во всѣхъ состоянїяхъ сердца; она неподлежитъ, ни обстоятельствамъ, въ которыхъ мы находимся, ни тѣлесной силѣ, ни насилїю страстей, но она насъ дѣлаетъ способными являть всю силу, которую мы имѣемъ и которой мы часто незнаемъ пространства; наконецъ, будучи всегда непоколебима, она имѣетъ свое пребыванїе *въ волѣ*. —

Безъ сей добродѣтели нельзя было бы полагаться ни на какую другую Тѣ, кои раждаются въ свѣтъ съ щастливѣйшими наклонностями, скоро въ немъ найдутъ трудности, которыя происходятъ ли отъ слабости другихъ, или отъ ихъ собственной, они не могутъ исполнять своихъ

должностей безъ тяжкихъ усилій. — По сему если они неимѣютъ довольно твердости чтобы продолжать свой путь посреди сихъ препятствій, то добрыя склонности, которыя они показали, и даже все добро, которое они могли бы содѣлать, становятся для нихъ почти безполезными.

Часто, правда, опытъ добродѣтели сопровождаемъ бываетъ одобреніями столь лестными, что тщеславіе, дабы восхитить ихъ одѣваетъ наружность свою качествами, кои привлекаютъ оныя; и даже когда добродѣтель бываетъ существенная и чистая, то почтеніе и любовь, которыя ей сопутствуютъ, составляютъ для сердца удовольствіе столь усладительное, что отъ онаго должна произойти нѣкая помощь, нѣкое поощреніе, къ лучшему еще приведенію оной въ дѣйство. Иногда мы бываемъ лишены сей подпоры, но истинная твердость насъ дѣлаетъ способными дѣйствовать хорошо и безъ такого пособія, даже и тогда, когда бы мы были увѣрены что дѣйствуя такимъ образомъ, мы вступаетъ на путь противуположный тому, который ведетъ къ одобренію и похваламъ.

Истинная твердость не только можетъ, обойтиться безъ похвалъ, но она сноситъ также презрѣніе и порицаніе, и поддерживаетъ себя, какое бы ни было о томъ мнѣніе свѣта; не старается уклоняться отъ униженій, но ихъ переноситъ съ неустрашимостію; никогда для избѣжанія ихъ, она не удалится съ той дороги, по которой надобно слѣдовать; неменѣе того никогда она небудетъ мстить за то людямъ надмѣннымъ своимъ возвышеніемъ, или причиняя самое легкое безпокойство

тѣмъ, кои ей оныя навлекли. Будучи весьма отлична отъ добродѣтели суровой и дикой, она необходима къ сохраненію кротости характера, которая составляетъ пріятности общественной жизни; — столь отлична отъ той, которая переменяется отъ слабостей и пороковъ другихъ, а наиболѣе отъ гордости и худыхъ поступковъ. Мнимая честь (point d'honneur), дѣлающая насъ чувствительными къ малѣйшей обидѣ и побуждающая насъ къ отмщенію за оную, въ основаніи своемъ есть только слабость, и служитъ доказательствомъ, что мы несособны владѣть нашимъ самолюбіемъ. Напротивъ, истинная твердость одерживаетъ сію побѣду; и безъ нея кротость характера не есть постоянное расположеніе, но пустая наружность, которая при малѣйшемъ противудѣйствіи изчезаетъ. Большую часть Гражданскихъ неустройствъ, должно приписать недостатку сей твердости, столь обыкновенному въ подобныхъ случаяхъ. Бездѣлка огорчаетъ и производитъ негодованіе: мы не можемъ снести не только потери уваженія, но даже ни малѣйшаго униженія; или можетъ быть, не считаютъ за долгъ казаться къ оному нечувствительными, отъ страха подать мнѣніе, что мы не имѣемъ той степени величія и силы, которая повелѣваетъ отдавать должное. Но истинная твердость переноситъ сіи легкія оскорбленія всякой разъ коль скоро долгъ того требуетъ, и тогда вообще нечувствуютъ довольно того, сколь необходимо являть сію добродѣтель. —

Одно изъ величайшихъ препятствій къ признанію нашихъ пороковъ есть то, что мы неимѣемъ

достаточной силы снести видъ, собственныхъ нашихъ несовершенствъ. А истинная твердость еще приводитъ насъ въ состоянїе разсматривать и признавать наши заблужденїя и наши пороки не прибѣгая къ хитрости или лжи, чтобы скрыть или оправдить то, что сердце въ тайнѣ охуждаетъ, или то, что оно должно осудить разсмотрѣвъ зрѣло и безъ пристрастїя. —

Въ великихъ бѣдствїяхъ жизни, истинная твердость нетолько отвращаетъ жалобы и ропотъ, но она насъ поставляетъ превыше нещастїй и дѣлаетъ способными простирать наши взоры на множество предметовъ въ цѣломъ, разсматривать наипаче руку, разсыпающую печали и выгоды, которыя могутъ отъ того произойти; и ето не есть просто страдательная покорность, которую она внушаетъ, ето болѣе дѣйствительныя смѣлость, которая является во всѣхъ нашихъ искушенїяхъ и побуждаетъ насъ дѣлать добро какой бы ни былъ родъ нашихъ должностей, и чего бы ни стоило ихъ выполненїе; однимъ словомъ, она насъ приводитъ въ состоянїе выбирать самую лучшую сторону каждаго обстоятельства, слѣдовать постоянно по стезѣ добродѣтели противясь прелестямъ удовольствїя, какъ предзнаменованїямъ горести, употребляя когда то потребно, труднѣйшїя усилїя, повидимому кажущїяся тщетными.

Очевидно, что сїя твердость предполагаетъ посредничество высшей силы, нежели какую мы имѣть можемъ. Ежедневный опытъ долженъ намъ показать нашу природную слабость и недостатокъ пособїй, кои намъ сей свѣтъ можетъ доставить.

Но гласъ Вѣчной Истинны обѣщаетъ намъ помощь, всегда готовую для тѣхъ, которые ее чистосердечно ищутъ; и такъ ее то мы должны испрашивать въ непрестанныхъ молитвахъ не только вообще но и въ каждомъ особенномъ случаѣ. Не взирая на сіе мы однакожъ не должны думать, чтобы сія помощь къ намъ была ниспосылаема безъ всякаго содѣйствія съ нашей стороны, мы должны какъ можно стараться дѣйствовать лучше въ надеждѣ ее исходатайствовать; и дѣйствуя такимъ образомъ осмѣливаться надѣяться на нее во всѣхъ нашихъ преткновеніяхъ.

Великая надѣянность на самихъ себя совершенно противна истинной твердости, и служитъ обыкновенно знакомъ нашей слабости. Впрочемъ будемъ тщательно избѣгать противуположныхъ крайностей не полагаясь съ одной стороны на собственныя наши силы до того, чтобы даже предупреждать ихъ дѣйствіе, или съ другой стороны называя недовѣрчивостію къ самимъ себѣ то, что въ сущности есть только истинная бездѣйственность. Чувство собственной нашей слабости должно насъ заставлять имѣть прибѣжище къ сильнѣйшимъ пособіямъ, но какъ мы не можемъ ихъ исходатайствовать, иначе какъ только усиліями, то посему ни самонадѣющійся ни безпечный не имѣютъ права на то надѣяться; будемъ умѣть владычествовать надъ собою во всякомъ случаѣ и противиться малымъ искушеніямъ ежели не хотимъ изнемочь отъ великихъ. Постараемся хорошо проникнуть въ важность предметовъ, которые мы имѣемъ въ виду: *благость Верховнаго су-*

щества и наше вѣчное щастїе; мы будемъ имѣть тогда безпрестанно предъ глазами причину, побуждающую во благо дѣйствовать, защиту противъ всякихъ нападенїй, оружїе противъ всякаго искушенїя въ огорченїяхъ, и ежели то должно мы перенесемъ скорбь долговременнѣйшихъ страданїй, коимъ жизнь человѣческая можетъ подпасть.

Возможно ли изнемогать подъ тягостїю оскорбленїй, людьми намъ оказываемыхъ въ то время, когда мы можемъ надѣяться одобренїя отъ самаго Бога? Неужели будемъ мы не въ состоянїи перенести минутной горести, съ надеждою на безконечное щастїе? По недостатку довольнаго размышленїя о сихъ великихъ предметахъ, искушенїя случающїяся въ жизни кажутся намъ столь страшными; и единственный способъ могущїй насъ ободрить въ семъ случаѣ, состоитъ въ томъ, что бы напередъ вооружить себя утѣшенїями, которыхъ они не могутъ у насъ похитить, усилить побужденїя, которыя дѣлаютъ насъ способными переносить ихъ съ мужествомъ.

Вникнемъ въ Священное Писанїе; мы вездѣ тамъ найдемъ Христїанина, изображеннаго подъ емблемою странника которому предлежитъ борьба со всѣми соблазнами мїра, и съ испорченными склонностями собственнаго нашего сердца. Мы должны отрещись отъ самихъ себя и нести крестъ ежели желаемъ быть учениками Христа; — побѣдить, что бы получить вѣнецъ; — отринуть все бремя и слѣдовать съ терпѣнїемъ по пути который намъ предназначенъ; — претерпѣвать до конца, что бы получить спасенїе. —

Еслиже таково наше состоянїе, то сколь необходимо вооружить себя истиннымъ мужествомъ, быть твердыми и неизмѣнными; поелику причины самыя убѣдительнѣйшїя и сильнѣйшїя побуждаютъ насъ быть таковыми, ибо мы *знаемъ* что нашъ трудъ не останется тщетнымъ предъ очами Господа! Онъ намъ объявилъ, что побѣда будетъ наградою битвы, и что, ежели мы будемъ вѣрны по смерть, то онъ намъ дастъ вѣнецъ славы, блаженство которое превосходитъ все то, что око созерцать, ухо слышать, и самый разумъ человѣческїй постигать можетъ. Сїя картина состоянїя Христїанскаго показываетъ намъ также родъ твердости, въ которой онъ имѣетъ нужду для выполненїя должности, ему назначенной. Человѣческїя побужденїя могутъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, внушать непреоборимость, которая возбуждаетъ удивленїе, но усилїя коимъ наиболѣе удивляются въ мїрѣ не всегда таковы, что бы они много стоили; и посему Истинный Христїанинъ долженъ быть вооруженъ силою гораздо высшею той, которая раскрывается въ подобныхъ случаяхъ, силою, которая не ищетъ на земли ни своей подпоры ни своей награды; — которая противится удовольствїю, горести, скукѣ, униженїю и которая будучи всегда подобна сама себѣ, одерживаетъ во всякое время побѣду самую труднѣйшую, побѣду, надъ своими собственными наклонностями. Тотъ, кто жертвуетъ удовольствїямъ — честолюбїю, прїятностями жизни — сребролюбїю, или какою нибудь видимою пользою — гордости, или какой либо другой господствующей страсти, можетъ казаться дѣй-

ствующимъ съ величайшею твердостїю во многихъ произшествїяхъ, хотя основанїемъ его поведенїя будетъ дѣйствїе его слабости, ибо онъ только повинуется любимой склонности, и старается изыскивать средства удовлетворять оную; но если бы представилось искушенїе которое потребовало бы въ жертву и сей склонности, то его мнимая твердость скоробы изчезла. Твердость же Истиннаго Христїанина готова на все и подобно всѣмъ другимъ его добродѣтелямъ, она не есть усилїе частное и мгновенное, но постоянное расположенїе его души. Будучи же подобною всѣмъ другимъ добродѣтелямъ она совершенно тогда только бываетъ познана, когда усиливаются привести ее въ дѣйство. Вообще всѣ согласны, что она необходима въ состоянїи страданїя и огорченїя, но весьма немногїе хорошо замѣтили, что ее надобно являть также и въ случаяхъ самыхъ обыкновенныхъ; для чего я и выберу примѣръ изъ дружескихъ обращенїй.

Сколько разъ случается, что истинныя чувства скрываются, что невинный оклеветанъ, что ложныя правила распространяются потому единственно, что не имѣютъ силы смѣло противиться потоку, что боятся показаться странными, или потерять себя во мнѣнїи другихъ, защищая чувство противное имъ! И такимъ образомъ нарушается право истинны и человѣчества, коихъ робкїе друзья иногда вредятъ имъ столько же какъ и явные противники: ибо худые разговоры, которые слушаютъ не противурѣча онымъ ничего, имѣютъ вліянїе на характеръ и поведенїе; умъ дружится

постепенно съ тѣмъ, что нѣкогда онъ же охуждалъ; привыкаютъ вѣрить рѣчамъ часто повторяемымъ и безъ всякаго противурѣчїя; и наконецъ, непримѣтно теряютъ чувствительность, которая раздражалась прежде простою даже наружностїю зла. —

Но твердость, которую должно показывать отвергая ложныя мнѣнїя другихъ весьма разнится отъ сего повелительнаго тона, отъ сего духа противурѣчїя, кои столь часто возмущаютъ тишину и пріятность общества, когда напротивъ надлежитъ ей противурѣчить мыслямъ и наклонностямъ другихъ, воодушевляясь однимъ только понятїемъ о долгѣ, то она старается всегда не оскорбить никого въ семъ прѣнїи. —

Однакожъ кроткій и робкій нравъ, и живое желанїе нравиться, суть качества кои могутъ имѣть крайности также какъ и тѣ, кои имъ противны; и истинная твердость требуетъ жертвы нашихъ наклонностей всякой разъ, когда долгъ того требуетъ. —

Невозможно собрать различные примѣры, которые доказываютъ, что намъ нужна твердость въ самыхъ обыкновенныхъ случаяхъ жизни. Рачительно смотрѣть на наше собственное поведенїе, изслѣдывать съ искренностїю побужденїя, которыя его направляютъ, было бы самимъ вѣрнѣйшимъ средствомъ открыть то, въ чемъ мы погрѣшаемъ, и въ чемъ состоитъ сія твердость, которой вспомоществованїе намъ необходимо во всякомъ случаѣ. Итакъ, будемъ прилѣжно испытывать наше сердце, и стараться узнать, не боязнь ли, непонравиться

другимъ принуждаетъ насъ иногда скрывать наши истинныя чувства, и казаться одобряющими то, что мы осуждаемъ во глубинѣ души; — ежели мы иногда не защищаемъ мнѣнія по той только причинѣ, что ето принудило бы насъ признать какое либо заблужденіе, или если уступаемъ мнѣнію другихъ единственно для того, чтобы избѣгнуть осужденія въ ихъ разумѣ; — если иногда намъ случается утверждать то, что сомнительно; или улыбаться при насмѣшкахъ мало человѣколюбивыхъ, отъ страха чтобы не почли насъ менѣе проницательными нежели другіе; или лучше, потому что мы боимся здѣлаться предметомъ смѣха охуждая тѣхъ кои всегда готовы мстить насмѣшкою; — однимъ словомъ, ежели страхъ насъ принуждаетъ иногда испытывать или выражать чувства съ разумомъ и совѣстію согласныя; въ такомъ разѣ, у насъ недостаетъ истинной твердости; и недостатокъ сей добродѣтели не менѣе видѣнъ, тогда, когда покаряемся собственнымъ нашимъ слабостямъ, равно какъ тогда, когда мы не противуполагаемъ никакой препоны слабостямъ другаго.

Умѣемъ ли мы управлять движеніями гордости, своенравія, негодованія; однимъ словомъ всѣми сими страстями, возстающими часто отъ малозначущихъ поводовъ и которымъ вообще столь легко предаются? Неуступаемъ ли мы имъ иногда, по недостатку смѣлости покуситься ихъ обуздать, или отъ страха привлечь на себя презрѣніе, показывая себя весьма терпѣливыми или мало чувствительными къ худымъ поступкамъ? Умѣемъ ли мы сносить всѣхъ родовъ униженія, коимъ мы

подлежимъ со стороны другихъ, не помышляя объ отмщеніи за оныя; и можемъ ли мы снести несправедливое порицаніе, когда того требуетъ любовь къ Богу или другой какой либо долгъ? Можемъ ли мы жертвовать съ удовольствіемъ и безъ принужденія нашими наклонностями, наклонностямъ другихъ, не хвастаясь сими пожертвованіями, не превозносяся на щетъ тѣхъ, коихъ мы почитаемъ намъ обязанными? Можемъ ли мы переносить слабости другихъ и всѣ малѣйшія непріятности общества, не жалуясь на то? Мало того чтобъ трудиться для содѣланія щастливѣйшими или болѣе довольными своею участію тѣхъ, кои насъ окружаютъ, будемъ стараться еще, путями самыми кроткими, помогать содѣлываться имъ лучшими, исправлять тѣ недостатки, коихъ мы не можемъ въ нихъ замѣтить безъ того, чтобы не привести ихъ въ печаль давая знать что оныя намъ извѣстны? — Таково испытаніе, которое должны перенести нашъ разумъ и наше сердце.

Благо, какое можно доставить себѣ симъ средствомъ рѣдко цѣнится какъ должно; но подобныя усилія предполагаютъ, истинную твердость души, потому, что вообще успѣхъ ихъ сопровождающій приближается шагами медлѣнными и часто непримѣтными. Впрочемъ, сіи усилія вмѣсто того, что бы возбуждать удивленіе, обыкновенно нетолько не привлекаютъ вниманія, а часто можетъ быть бываютъ даже худо толкуемы.

Вотъ нѣкоторые изъ безчисленныхъ случаевъ гдѣ, въ обыкновенномъ теченіи жизни, твердость

есть необходима. Стоитъ только обратить вниманіе на обстоятельства, которыя представляются ежедневно, и она намъ покажетъ множество другихъ, въ которыхъ будетъ весьма полезно изыскивать побудительныя причины нашего поведенія; и часто сіе испытаніе намъ покажетъ, что одинъ недостатокъ твердости, есть источникъ многихъ пороковъ, коихъ вообще касаются весьма легко, или кои приписываютъ совсѣмъ другой причинѣ.

Какое щастливое положеніе того, который вооруженъ сею истинною и незыблемою твердостію, который съ довѣренностію на Всемогущаго, находитъ въ ней опору во всѣхъ искушеніяхъ! Тотъ, кто ею обладаетъ приготовленъ ко всякому испытанію, способенъ не только все *переносить*, но *дѣйствовать* такъ, какъ онъ долженъ въ каждомъ обстоятельствѣ; онъ переноситъ съ такою же бодростію и тѣ тягостныя злоключенія, кои однимъ ударомъ разрушаютъ зданіе земнаго его щастія, какъ и тѣ легкія огорченія, которыя всякой день прерываютъ въ ономъ его наслажденіе. Онъ идетъ безстрашно и вѣрнымъ шагомъ по пути добродѣтели, и ни сладострастныя приманки, ни страхъ страданій, ни тоска которую сопровождаютъ безпрерывныя искушенія, или робость, которая часто раждается отъ обманчиваго ожиданія, ничто не можетъ удалить его отъ пути по которому онъ долженъ слѣдовать. Его силы могутъ быть угнѣтены подъ тяжестію печали, его чувства будутъ волнуемы страданіемъ, но душа его будетъ непоколебима, и онъ возторжествуетъ надъ злополу-

чїемъ, или потому, что онъ не можетъ избѣгнуть его пораженїя, или потому, что онъ его охотно переноситъ, дабы повиноваться гласу долга. —

Такова есть Христїанская твердость; добродѣтель гораздо превосходящая блистательныя качества которые привлекаютъ удивленїе людей. Безъ нее не можно было бы достигнуть того совершенства къ которому мы предопредѣлены. —

СПбГУ

V. Мысли о любви къ отечеству.

Студен. Черкасова.

Пустые мечтатели, неощущавшïе въ себѣ никогда тѣхъ наипрïятнѣйшихъ чувствованïй, которыя отзываются въ душѣ при одномъ имени отечества, чуждые нѣжной превязанности къ родимой странѣ — вздумали сдѣлать человѣка гражданиномъ цѣлаго мïра — вздумали доказывать вопреки природѣ человѣческой, что *тамъ отечество, гдѣ хорошо.* Ослѣпленïе, явное незнанïе сердца человѣческаго руководило ихъ къ сей постыдной мысли— недостойной каждаго чувствительнаго человѣка. Подчинять чувство вдохнутое природою — чувство любви къ отечеству — корыстолюбивымъ видамъ, значитъ верхъ человѣческаго заблужденïя. Почему бѣдный житель Канадскихъ лѣсовъ предпочитаетъ убогую хижину свою пышному дворцу какой нибудь шумной столицы Европы? Почему дикïй обитатель льдистыхъ странъ удаленный отъ своего отечества унываетъ и жертвуетъ всѣми предлагаемыми ему прïятностями жизни одному воспоминанïю о холодной своей отчизнѣ? Что заставляетъ его мѣнять благопрïятнѣйшïй климатъ на суровость сѣверной стужи? Почему дѣсятимѣсячная оцѣпенѣлая подъ снѣжными сугробами природа очаровательнѣе и прелестнѣе въ глазахъ его нежели зрѣлище великолѣпнаго града? Почему по-

добныя имъ чувства корыстолюбїя не заглушаютъ въ немъ слѣпой, по ихъ мнѣнїю, привязанности къ отечеству (*)? Не дѣйствїя ли это Священной любви къ отечеству? Нѣтъ, не тамъ отечество гдѣ хорошо. Нѣтъ, человѣкъ не въ силѣ противиться чувству, вдохнутому самою природою, онъ не въ силѣ изгладить изъ памяти своей предметовъ, кои были свидѣтелями его рожденїя — отроческой невинности и безпечной юности — предметовъ, окружавшихъ его отъ перваго крика въ колыбели до послѣдней минуты жизни. Чувство любви къ отчизнѣ остается неизмѣнно, какъ у дикаго жителя снѣжной Камчатки, такъ и у щастливаго обитателя благословенной Украйны — какъ у свободнаго Англичанина такъ и у окованнаго цепями рабства Грека. Такъ — переселите сына хладнаго Севѣра подъ ясное благорастворенное небо Юга, представьте ему всѣ прелести цвѣтущей природы, всѣ богатыя дары плодоноснаго края, — но глубокїй вздохъ невольно вырвавшїйся изъ груди его и не рѣдко слеза чувствительности, блеснувшая въ очахъ его весьма ясно выразятъ вамъ сердечныя его чувствованїя — чувствованїя привязанности къ своимъ блестящимъ снѣгамъ. Онъ воздыхаетъ, крушится припоминая милую родину, гдѣ каждая (полевая) травка родимаго поля

(*) Извѣстно, что Гренландцы привезенные въ Данїю, въ Копенгагенъ, не могли снести разлуки съ отечествомъ и нѣкоторые изъ нихъ скончались въ скоромъ времени, а нѣкоторые убѣжавъ погибли на морѣ. —

прелестнѣе въ глазахъ его, нежели розы, фіялки и тюльпаны роскошной природы Юга. Крутящійся подъ снѣжными сугробами ручеекъ пріятнѣе для него красивыхъ каскадовъ и пышныхъ бассейновъ. Дикій гробовой камень указывающій могилу его предковъ драгоцѣннѣе для него великолѣпныхъ мавзолеевъ, съ гордостію вѣщающихъ о смерти славныхъ, но ему чуждыхъ людей. Ушлой пень, обросшій мхомъ камень, безмолвные свидѣтели его невинности сдѣлаютъ ему тысячу пріятнѣйшихъ воспоминаній, столь драгоцѣнныхъ для его сердца. Не говорю уже о нѣжныхъ узахъ родства и дружбы, столь сильно привязывающихъ насъ къ мѣсту нашего рожденія. — При семъ послѣднемъ воспоминаній сердце его жестоко терзается мыслію разлуки; ни отдаленныя моря, ни высокія горы, ничто не можетъ истребить въ немъ мысли о нѣжности материнской и попечительности родительской, отъ коихъ онъ отчужденъ, и послѣдній обѣтъ сердца — послѣдній вздохъ посвящаетъ отчизнѣ. Имя отчизны замираетъ на устахъ его. Да и въ самомъ дѣлѣ потерявъ драгоцѣнное благо — отечество — можетъ ли человѣкъ оставаться равнодушнымъ? можетъ ли что льстить радостію хладному его сердцу — разорвавшему всѣ узы родства и дружбы? Человѣкъ родится съ надеждою и съ надеждою умираетъ. Чего онъ можетъ надѣяться подъ чужимъ небосклономъ среди незнаемой страны — среди чуждыхъ ему людей? воспоминаніе минувшаго щастія, вкушаемаго имъ въ отечествѣ, растравитъ рану его сердца, настоящее не

представитъ ему ничего радостнаго, а будущее не польститъ никакою надеждою.

Но сія ли привязанность къ родимой странѣ составляетъ любовь къ отечеству, въ истинномъ смыслѣ? Сія ли привязанность стяжаетъ намъ Священное имя Сыновъ отечества? Теперь же разсмотримъ гдѣ наше отечество? въ чемъ состоитъ любовь къ оному? и кто имѣетъ право именоваться справедливо сыномъ отечества?

Пріятно и славно быть сыномъ славнаго отечества — и естьли завоеванїе царствъ (*), спасенїе цѣлой Европы отъ поноснаго ига рабства, возвращенїе царствамъ законныхъ владыкъ а народамъ ихъ правъ отечественныхъ, естьли водвореніе всеобщаго мира и благоденствія въ сердцѣ терзаемой и страждущей Европы для увраченїя тяжкихъ ранъ, носимыхъ ею, естьли патріотизмъ, геройство, пламенная любовь къ отечеству, благоговѣніе къ религіи, вѣрность къ Царю, наконецъ, естьли распространенїе Христіанскаго ученія, какъ единой цѣли дабы возсіять свѣту истинны и премудрости Божественной, дабы озарить несмѣтныя племена, населяющія лице земли Россійской любовію ко Христу, сему небесному Учителю рода человѣческаго, естьли все это, говорю, не ложно даетъ правно на славу и истинное величїе земныхъ царствъ, то какъ мы (славны) щастливы щастїемъ заслуженнымъ не нашими подвигами, какъ мы славны славою пріобрѣтенною не нашимъ мужествомъ, нося на себѣ имя сыновъ бла-

(*) Полный Титулъ Государя ИМПЕРАТОРА.

гословенной и препрославленной Россіи — Любезнѣйшаго отечества нашего! Кто не скажетъ съ гордостію, но благородною, что я потомокъ славныхъ мужей, что я сынъ сѣверной страны, прославленной и возвеличенной безсмертными подвигами и великихъ Монарховъ и доблественныхъ военачальниковъ и добродѣтельныхъ пастырей и мужественныхъ воиновъ и великодушныхъ гражданъ. — Такъ. — Россія отечество наше, не однимъ именемъ, оно даровавъ намъ естественное существованіе, даруетъ вмѣстѣ и нравственное образованіе. Возвышены ль мы умомъ, извѣстны ли своими (дарованіями) знаніями, славны ли нашею нравственностію, все это насаждено нѣжными попеченіями отечества и мы ли откажемся пожертвовать нашими способностями на служеніе ему? Подъ чьимъ благодѣтельнымъ покровомъ благоденствовали отцы наши въ странѣ отечественной, среди мирной и безопасной жизни — не оглашаемой звуками брани? Кто даровалъ имъ способы заниматься — со всею нѣжностію материнскою, со всею попечительностію родительскою — образованіемъ нашего ума и сердца? и послѣ этаго не должна ли любовь къ родителямъ сливаться съ любовію къ отечеству? Процвѣтаемъ и торжествуемъ и мы нынѣ среди побѣдныхъ лавровъ, среди мирныхъ пальмъ; нашъ долгъ за щастіе и благоденствіе намъ дарованное, платить искреннею благодарностію, оказываемою истиннымъ служеніемъ отечеству. И кто дерзкій откажется — видя всю бдительность, всю попечительность отечественныхъ законовъ — исполнять ихъ съ искреннею готовностію, достойною истин-

наго сына отечества? Кто дерзкій послѣ неизчислимыхъ благодѣяній, щедро изливаемыхъ на насъ отечествомъ отъ перваго вступленія въ свѣтъ до послѣдней минуты жизни, кто дерзнетъ быть ему неблагодарнымъ? Кто въ часы бури и опасности угрожающей любезному отечеству нашему не понесетъ трудовъ для спасенія свободы и независимости и своей собственной и государственной?

Что же есть любовь къ отечеству? Она есть совокупность всѣхъ добродѣтелей, всѣхъ достоинствъ, украшающихъ истиннаго гражданина. Она творитъ героевъ на полѣ брани — патріотовъ на поприщѣ гражданской службы. Ревность къ Религіи, чистосердечное и непринужденное исполненіе законовъ, уваженіе отечественныхъ нравовъ и обычаевъ, вотъ главнѣйшія обязанности, налагаемыя ею безъ всякаго разбора на всѣхъ и каждаго. — Всякій человѣкъ по природѣ своей одаренъ большими или меньшими дарованіями, дѣлающими его способнымъ къ служенію отечеству, и потому каждый гражданинъ долженъ подъять труды того состоянія, въ коемъ онъ находится. Никто не изключается изъ служенія Отечеству. И мирный земледѣлецъ и пышный вельможа и смиренный пастырь и справедливый судья и храбрый воинъ равно носятъ на себѣ священное названіе сыновъ отечества, и потому одинаковою должны пламенѣть любовію къ нему. Служеніе ихъ равно по внутреннему чувству и различно только по кругу ихъ дѣйствій. Цѣль ихъ одна и таже — любить и жертвовать всѣмъ и даже самою жизнію для блага отечества. Императоръ ПЕТРЪ I устроя щастіе и благоден-

ствїе своихъ подданныхъ тою же пламенѣлъ любовїю къ отечеству съ какою Патрїархи Гермогенъ и Филаретъ, нещастные страдальцы въ узахъ сносили голодъ, нищету и самое мученїе за вѣру и отечество. Перваго вѣрные подданные почтили именемъ отца отечества, именемъ великаго изъ великихъ, а послѣднихъ благодарное потомство славитъ истинными патрїотами земли рускїя. — Князь Пожарскїй съ мечемъ въ рукахъ тѣмъ же одушевлялся чувствомъ какимъ и гражданинъ Мининъ, жертвовавшїй имуществомъ и жизнїю для спасенїя отечества. И достойные наслѣдники славы великихъ мужей соорудили въ сердцахъ своихъ нетлѣнный памятникъ великимъ ихъ подвигамъ — имена Пожарскаго и Минина произносятся и будутъ произноситься съ благоговѣнїемъ въ роды родовъ доколѣ вселенная будетъ оглашаться именемъ Русскихъ. Такъ усердные потомки чтятъ безсмертные подвиги своихъ несравненныхъ предковъ! съ подобнымъ же чувствомъ древнїй герой Россїйскїй восклицаетъ: „не посрамимъ земли Рускїя, мертвїи „бо срама не имутъ“ и воспламененная мужествомъ героя рать единогласно отвѣтствуетъ: „Идѣ „же глава твоя, ту и свои главы сложимъ (*)“. То же чувство любви къ отечеству и мести къ врагамъ его пылало въ сердцѣ простаго поселянина Ивана Сусанина, когда онъ окруженный толпою злонамѣренныхъ Поляковъ, посягнувшихъ на убїенїе Михаила Ѳедоровича, велъ ихъ среди безмолвной тишины обнаженнаго лѣса, среди снѣговъ глубо-

(*) Лѣтопись Несторова по Кенигсбергскому списку.

кихъ и съ искреннею готовностїю достойною лишь одного Рускаго, признавшись въ своемъ обманѣ, принимаетъ смерть отъ рукъ коварныхъ злодѣевъ, къ нещастїю и стыду человѣчества, не умѣвшихъ цѣнить столь возвышенныхъ добродѣтелей лучшаго гражданина Царства Рускаго. —

Изобразимъ еще нѣкоторые черты любви къ отечеству. Она не есть преимущество одного какого класса народа, она есть собственное достоянїе каждаго. Всякїй гражданинъ такъ же можетъ достойно любить свое отечество и нести священныя обязанности налагаемыя имъ, какъ и вельможа, имѣющїй большую сферу для дѣйствїй чести и усердїя къ ревностному служенїю. Патрїотъ, движимый любовїю къ отечеству, не ищетъ почестей и отличїй и не внемлетъ постыднымъ чувствованїямъ корысти и честолюбїя. Суетные ли виды (честолюбїя) оживляли Феларета среди мрачныхъ сводовъ темницы, среди страданїй въ отечествѣ враговъ? не вѣра ли въ Провидѣнїе укрѣпляла унылый духъ его надеждою безсмертїя въ странѣ невѣдомой злымъ — доступной лишь праведнымъ? Мысль„ сладко умереть за отечество„ вотъ достаточная награда для истинныхъ сыновъ онаго. Оживляемый сею мыслїю Сусанинъ не искалъ награды потомковъ. Любовь къ отечеству, свѣтильникомъ своимъ озарила ему путь къ великому патрїотическому подвигу тогда, какъ Генїй безсмертїя сплеталъ мученическїй вѣнецъ страдальцу за Царя и отечество.

Мы были свидѣтелями кровавой брани за свободу отечества — брани безпримѣрной въ лѣтопи-

сяхъ мїра, мы были свидѣтелями патрїотическихъ подвиговъ героевъ любезнѣйшаго отечества нашего, ознаменованныхъ печатїю любови къ отечеству — вѣрностїю къ Царю. Россы вездѣ явили себя достойными сынами славы — наслѣдїя своихъ предковъ. Въ сїи грозные и кровавые дни Россїя представила торжество любви отечественной. Ибо по чьему гласу подвигнулись сыны отечества на брань священную и совокупились въ кругъ единый для искупленїя свободы и независимости? по чьему гласу сокровища частныхъ людей потекли въ казну отечественную и собственность каждаго содѣлалась достоянїемъ отечества? по чьему гласу прославились новые Пожарскїе, новые Минины? не гласъ ли священной любви къ отечеству отзывался въ сердцѣ каждаго? не она ли освящала Рускимъ путь отъ дымящихся развалинъ Москвы, до гордыхъ памятниковъ Парижа, не она ли руководила Рускихъ отъ побѣды къ побѣдѣ отъ торжества къ торжеству? Какой огнь небесный воспламенялъ Рускихъ въ сердцѣ отечества, при заревахъ родимыхъ пепелищъ, на поляхъ Бородинскихъ и Тарутинскихъ, на высотахъ Малоярославецкихъ и Смоленскихъ? чей свѣтлый образъ невидимо одушевлялъ народы соединенной Европы на поляхъ Лейпцигскихъ, въ сихъ грозныхъ долинахъ, озарившихъ свободу угнѣтенной Европы, озарившихъ политическое могущество и величїе первостепенной державы Россїи? —

Что же даетъ намъ право неложно именоваться сынами отечества? Это неоцѣненное право доставляетъ истинное служенїе, освѣщаемое бла-

городными чувствованіями правды, усердія и вѣрности — служеніе, одушевляемое высокимъ духомъ любви и искренней готовности споспѣшествовать общему благу, всѣмъ что только зависитъ отъ насъ. —

Представимъ ли истинныхъ сыновъ на полѣ брани въ грозныя минуты опасности? Они пламенѣютъ одною мыслію — побѣдить или умереть, однимъ желаніемъ — спасти отечество и торжествовать. Чувства пагубнаго честолюбія, постыдной корысти, низкой зависти, чужды ихъ сердца, оживляемаго вѣрою къ Богу, вѣрностію къ Царю. Герой движимый духомъ патріотизма неспособенъ питать въ сердцѣ своемъ преступныхъ страстей. Тогда всё посвящено отечеству — и каждой обѣтъ души и каждое біеніе сердца. И ты ли Благословенная Россія, любезнѣйшее отечество, скудна таковыми сынами? Умолчу о Пожарскихъ, Мининыхъ, Филаретахъ, Гермогенахъ — умолчу о Шереметевыхъ, Долгорукихъ, Голицыныхъ, о Румянцовыхъ-Задунайскихъ, о Суворовыхъ-Римникскихъ. Россія и Европа благоговѣютъ предъ ихъ именами; скажу только о герояхъ нашего времени ознаменовавшихъ себя славою въ войну отечественную.

Поля Бородинскія, поля геройства и доблести Рускихъ, чью славу вѣщаете вы? не на вашихъ ли равнинахъ Смоленскій-Кутузовъ, безсмертный вождь Россійскаго воинства, побѣдилъ щастливѣйшаго и дерзостнѣйшаго полководца войскъ почти цѣлой Европы, не подъ его ли предводительствомъ храбрые полки Россіянъ сокрушили многочисленныя силы Галловъ и съ ними двадесяти языкъ? но воз-

неся славу Россовъ — онъ въ вѣчности сокрылся — (выраж. Милонова), и сыны отечества почтили слезами непритворной скорби и истинной благодарности того героя, коего Россія и Европа единымъ гласомъ называютъ своимъ спасителемъ и коего имя будетъ лучшимъ украшеніемъ благословеннаго царствованія Великаго АЛЕКСАНДРА.

Соотчичамъ его отрада лишь едина
Что громъ его побѣдъ всю вѣчность обтечетъ,
Что ихъ отечество и въ немъ имѣло сына
Во славѣ лишь сыновъ отечество живетъ. —
(*Милоновъ*, мысли при гробѣ Князя Кутузова-Смоленскаго). —

Поля отечественныя зрѣли такъ же славную кончину, славнаго героя. Храбрый Багратіонъ, и твои блистательные подвиги кончились на поляхъ Бородинскихъ! —

И ты и ты Багратіонъ!
Вотще друзей молитвы,
Вотще ихъ плачь — во гробѣ онъ!
Добыча лютой битвы!
Еще дружинъ надежда въ немъ,
Всѣ мнятъ, съ одра возстанетъ,
И робко шепчетъ врагъ съ врагомъ:
„Увы! онъ скоро грянетъ!“
А онъ на вѣки взоръ смѣжилъ
Рѣшитель бранныхъ споровъ!
Онъ въ область славныхъ воспарилъ
Къ тебѣ, отецъ Суворовъ!
(*Жуковскій* пѣвецъ на Прятвѣ).

Представимъ ли вѣрнаго сына Ѳемиды — движимаго чувствомъ любви къ отечеству! Подъ его

надзоромъ судъ и правда всюду присудствуютъ неразлучно другъ отъ друга. Богатство не предпочитается бѣдности, злодѣй не торжествуетъ неправдою, гонимая невинность не страждетъ отъ порока. Всѣ мысли его устремлены единственно къ защитѣ невиннаго — къ подкрѣпленію безпомощнаго. Побуждаемый человѣколюбіемъ проникаетъ съ искреннею заботливостію въ чувства нещастнаго — ближняго, дружелюбно старается узнать желанія и обстоятельства дѣлъ его, съ чистосердечіемъ и нѣжностію подаетъ ему руку помощи, скорбитъ съ нимъ вмѣстѣ, раздѣляетъ съ нимъ его страданія, можетъ быть, незаслуженныя и сострадательнымъ соучастіемъ облегчаетъ скорбь и печаль унылаго. Тогда онъ справедливо принимаетъ названіе Судіи — благотворителя, — тогда стоны и жалобы добродѣтели угнѣтаемой злобою и ненавистію никогда не поражаютъ слуха справедливаго судіи; зависть, клевета, обманъ и коварство — сіи изчадія губительнаго порока — безмолвствуютъ предъ нимъ. Истинна и любовь къ отечеству — непремѣнный законъ его. Тогда внутреннее услажденіе совѣсти и высокое чувствованіе исполняемой въ точности обязанности истиннаго сына отечества исполняетъ тихою радостію сердце вѣрнаго судіи, — томительная неизвѣстность будущности не безпокоитъ его открытіемъ его несправедливостей; — ибо онъ ихъ не имѣетъ; законъ и правда одушевляютъ его къ новымъ подвигамъ чести и добродѣтели. —

Обратимся къ высшему классу гражданъ. Ученые съ чувствомъ любви къ отечеству имѣ-

ютъ цѣль достойную просвѣтителей человѣчества. Имъ предоставлена высшая цѣль — умственное и нравственное образованіе юныхъ и неопытныхъ сыновъ отечества чрезъ собственное наставленіе въ училищахъ или чрезъ назидательныя сочиненія, носящія отпечатокъ благороднаго духа и чистосердечнаго расположенія споспѣшествовать благу общественному. Они разгоняютъ мракъ невѣжества и изливаютъ свѣтъ разума — свѣтъ истины. Подъ ихъ попечительнымъ надзоромъ юные питомцы руководствуясь преподаваемыми ими правилами истиннаго просвѣщенія содѣлываются способными питать въ сердцахъ своихъ высокое и благородное чувствованіе любви къ отечеству, которое при постепенномъ развитіи способностей и при мудрыхъ совѣтахъ наставниковъ ихъ болѣе и болѣе воспламеняется и обращается въ истинный патріотизмъ, коимъ одушевлялись и Кодры и Курціи и Сцеволы. Стократъ щастливы тѣ дѣти, кои имѣютъ наставниковъ питающихъ въ груди своей священной огнь любви отечественной. Они собственныя высокія чувствованія вмѣстѣ съ наставленіями перельютъ въ младыя души своихъ воспитанниковъ. Они объяснятъ имъ священныя обязанности усерднаго сына, истиннаго гражданина, вѣрнаго подданнаго — объяснятъ не пышными и высокопарными словами, но собственнымъ примѣромъ ревностнаго служенія, научатъ чтить добродѣтель, благоговѣть и преклоняться предъ Творцемъ небесъ. Они образуютъ щастливыхъ дѣтей для родителей — вѣрныхъ сыновъ и защитниковъ для отечества — благоговѣйныхъ почитателей для вѣ-

ры и Бога Всуе ложный наставникъ будетъ говорить о обязанностяхъ сыновъ отечества тогда — когда сердце его непроникнуто чувствованіями долга, чести, правды и вѣрности. Слова его будутъ слабы — доводы безсильны. Выраженія будутъ исполнены блестящихъ фигуръ, но безъ жизни и духа. И можно ли сильно и убѣдительно выражать то, что слабо чувствуемъ?

Такъ — всѣ сыны отечества и всѣ должны пламенѣть къ нему любовію. Что же превращаетъ насъ изъ любезныхъ чадъ отечества въ вѣроломныхъ и недостойныхъ враговъ и измѣнниковъ? Что премѣняетъ обѣты любви и благодарности къ нему въ желанія злобы и вреда? Это-то адскій духъ корысти, когда нечувствительный подданный ропщетъ за самое малѣйшее пожертвованіе для блага общаго, для поддержанія славы цѣлаго государства и дома Монаршаго, когда онъ съ наглостію и безстыдствомъ печется только объ исполненіи своекорыстныхъ намѣреній при коихъ и самыя полезнѣйшія учрежденія государственныя остаются недѣйствительными. Это-то духъ нерадѣнія и небрежности, когда ложный сынъ мало или во все не заботится о исполненіи законовъ отечественныхъ, о содѣйствіи благодѣтельнымъ и спасительнымъ распоряженіямъ правительства, пекущагося о пользѣ своихъ членовъ.

Ложно и недостойно именуются сынами отечества и тѣ, кои не имѣютъ искренней готовности сообразно силамъ своимъ быть полезными гражданами государства, охраняющаго и самостоятельность ихъ личности и неприкосновен-

кость ихъ собственности. Не сынъ отечества и тотъ, кто всѣ свои виды устремляетъ не къ устроенїю общаго благосостоянїя, но единственно къ увеличенїю собственной своей власти и могущества, которыя, можетъ быть къ большему нещастїю, думаетъ употреблять только для притѣсненїя беззащитнаго — невиннаго и для удовлетворенїя своихъ корыстолюбивыхъ желанїй на щотъ нещастнаго - ближняго. — Да постигнетъ вѣчное поношенїе, безчестїе и самое проклятїе таковыхъ вѣроломныхъ сыновъ и всѣхъ измѣнниковъ и враговъ отечества! Да излїется на нихъ фїалъ гнѣва небеснаго! Предадимъ вѣчному забвенїю имена Курбскаго, Отрепьева, Пугачева, — посвятимъ всѣ наши чувства, всѣ наши мысли для достойнаго подражанїя истинно великимъ мужамъ, коими ознаменовано царство славы и величїя — царство нашего Монарха — АЛЕКСАНДРА благословеннаго, воодушевимъ и себя тѣми же чувствами усердїя и ревности, коими они отличались среди служенїя отечеству и потечемъ съ пламенною любовїю по тому надежному пути, коимъ вѣрные сыны достигаютъ славы и чести — по пути истинны и добродѣтели. —

Представляя же себѣ то блаженное время, въ которое любезное отечество наше, возвеличенное и препрославленное безсмертными подвигами Монарха нашего, наслаждается покоемъ и благоденствїемъ подъ сѣнїю оливъ и лавровъ, въ которое бранный гласъ трубы не поражаетъ слуха миролюбиваго селянина и звукъ оружїя не устрашаетъ неопытнаго воина, съ какимъ благоговѣнїемъ и благо-

дарностїю должны мы обратиться къ виновнику нашего блаженства и щастїя? Но сердце каждаго исполненное благодѣяніями высокаго благотворителя своего, предупредитъ меня въ хваленїи и благодарности. Такъ щастливая Грецїя славила подвиги своихъ Кодровъ, Солоновъ, Аристидовъ и Милцїадовъ, такъ древнїй Римъ благоговѣлъ предъ своими Титами и Маркъ-Аврелїями, а мы изливаемъ чувствїя чистѣйшей признательности предъ Всеавгустѣйшимъ Монархомъ нашимъ — преклоняемъ съ благоговѣнїемъ колѣна предъ нимъ, возклицая словами Сїонскаго пѣснопѣвца: „красотою и „добротою твоею успѣвай и царствуй истинны „ради, кротости и правды.“ Мы именуемъ Его великимъ, кроткимъ, благословеннымъ, спасителемъ, Отцемъ Отечества и въ упоенїи сердецъ нашихъ умолкаемъ не находя словъ для выраженїя нашихъ чувствованїй благодарныхъ. Ему посвящаемъ каждое благородное чувство, проникнутой любовїю къ нему, души нашей, ему усердно посвящаемъ и каждое бїенїе благодарнаго сердца, дабы хотя нѣсколько оправдать нѣжныя попеченїя нашего чадолюбиваго Отца, нашего великодушнаго Монарха. —

VI. О высокомъ (sublime) и простосердечномъ (naif).

Сочиненія Г. Моза.

(*Переводъ съ Французскаго.*)

Студен. Любима Коростовцева.

Единственное твореніе Лонгина, дошедшее къ намъ, совершенно уже оправдываетъ необыкновенныя похвалы, приписываемыя сему великому критику Грамматиками, Ораторами и Философами. Начертывая законы высокаго, онъ самъ явилъ себя высокимъ. Сколь ни удивительно и полезно сіе твореніе, нельзя однакожъ не пожалѣть о потерѣ того, которое, по свидѣтельству самаго Лонгина, написалъ Цецилій о той же самой матеріи. Правда, что Цецилій не съ той точки зрѣнія смотрѣлъ на свой предметъ и не во всей его обширности; но онъ силился изобразить его природу и раскрылъ въ оном понятіе о *высокомъ*. — Напротивъ сего Лонгинъ, вѣроятно предполагая, что опредѣленіе высокаго было уже извѣстно, ограничилъ себя единственно изложеніемъ способовъ, посредствомъ коихъ мы можемъ доходить къ чувствованію, различенію и произведенію *высокаго*. Слѣдовательно у насъ еще недостаетъ того, что составляетъ сущность сего предмета, то есть: его опредѣленія. — Нѣкоторые переводчики трактата о *высокомъ*, покушались пополнить то, о чемъ умалчиваетъ Лон-

гинъ касательно сего предмета; но что они намъ объяснили? —

Можетъ быть предметъ сей нѣсколько болѣе объясненъ въ общихъ началахъ, изложенныхъ мною въ Диссертаціи: объ источникахъ изящныхъ искуствъ, и въ ней, кажется, можно почерпнуть понятіе о томъ *высокомъ*, которое, по словамъ Лонгина, опредѣляетъ послѣднюю степень совершенства въ произведеніяхъ разума. Я утверждаю въ оной, что *истинное* и *ощутительное выраженіе совершенства* составляетъ сущность и начало изящныхъ искуствъ; — но *высокимъ* я называю то, что необыкновенною степенью совершенства способно возбудить удивленіе, и въ семъ смыслѣ значеніе сего слова выходитъ изъ сферы изящныхъ наукъ. Мы называемъ Бога высочайшимъ изъ существъ; мы называемъ такъ же *высокимъ* истину, когда она относится къ существу всесовершеннѣйшему, каковъ *Богъ*, *душа*, *вселенная* и тому подобное; или когда открытіе оной требовало необыкновеннаго глубокомыслія и чрезвычайнаго напряженія умственныхъ способностей. —

Изъ сего слѣдуетъ, что *высокое* въ изящныхъ наукахъ и искуствахъ должно состоять *въ разительномъ выраженіи совершенства, могущаго возбудить удивленіе*. —

Сіе пріятное чувство, которое мы называемъ *удивленіемъ*, есть ни что иное, какъ внезапное *созерцательное* понятіе (*) высочайшаго совершенства въ

(*) Имѣть умозрительное понятіе о какой либо вещи, по мнѣнію Автора, значитъ представлять

предметѣ, коего мы не воображали найти въ такомъ положенїи, въ какомъ сей предметъ находится. — Геройская рѣшимость, съ какою Регулъ возвращается въ Карѳагенъ, хотя онъ зналъ какїя мученїя его тамъ ожидаютъ, есть въ своемъ родѣ высокая и изторгаетъ удивленїе; ибо мы не воображали, чтобы долгъ — выполнить обѣщанїе, данное своему непрїятелю, могъ столь сильно дѣйствовать въ человѣческомъ сердцѣ (*). Неожиданное примиренїе Августа съ Цинною въ Корнелѣ производитъ то же дѣйствїе, ибо судя по характеру сего Государя, мы не ожидали отъ него подобнаго великодушїя. — Образъ высочайшаго существа, столь явственно напечатлѣнный на его твореніяхъ, раждаетъ въ насъ восторгъ живѣйшаго удивленїя, потому, что онъ безконечно превыше всего того, что только мы можемъ представить себѣ великаго и совершеннаго.

предметъ гораздо живѣе, нежели какъ онъ есть въ природѣ. Способъ, коимъ Г. Мозъ опредѣляетъ удивленїе, намъ кажется не совсѣмъ точнымъ. Понятїе внезапное и созерцательное, раждающееся въ насъ отъ высочайшаго совершенства въ предметѣ, точно производитъ нѣчто похожее на удивленїе; но есть ли оно самое удивленїе? По мнѣнїю моему лучше опредѣлить удивленїе сказавъ, что сїе состоянїе души есть столь тѣсно соединено съ предметомъ, что она даже не въ состоянїи замѣтить ничего, кромѣ сего же самаго предмета.

(Примѣч. Франц. перевод.)

(*) Смотри на это примѣчанїе въ концѣ сего разсужденїя.

Въ произведенїяхъ изящныхъ искуствъ и наукъ, удивленїе можетъ, подобно совершенству въ немъ заключающемуся, быть раздѣленнымъ на два рода: ибо или предметъ бываетъ самъ въ себѣ достоинъ удивленїя, и въ семъ случаѣ удивленїе къ предмету есть главнѣйшая мысль насъ занимающая; или предметъ самъ въ себѣ не имѣетъ ничего удивительнаго, но искуство Артиста умѣло его возвысить, представивъ оный въ необыкновенномъ видѣ: тогда удивленїе наше отражается на талантъ Артиста, мы удивляемся величїю его понятїй, его генїю, его воображенїю и другимъ способностямъ его души, коихъ печать положена на его твореніи.

Сїе понятїе насъ приводитъ къ опредѣленїю того, до какой степени сродно *высокое* принимать украшенїя слова, и въ какомъ случаѣ оно отвергаетъ употребленїе оныхъ. Мы начнемъ тѣмъ родомъ *высокаго*, въ которомъ удивленїе происходитъ отъ предмета разсматриваемаго въ самомъ себѣ. —

Совершенства внѣшнїя недостаточны къ возбужденїю удивленїя въ мудромъ: *такимъ образомъ* богатство, роскошь, уваженїе и могущество, лишенныя истинаго достоинства, по справедливости не могутъ войти въ область *высокаго*; ибо„ вещи, „въ презрѣнїи которыхъ обнаруживается нѣкоторое величїе души, какъ замѣчаетъ весьма остроумно Лонгинъ, не могутъ заключать въ себѣ ни „чего великаго“. А посему мы гораздо менѣе удивляемся тѣмъ, кои обладаютъ несмѣтными сокровищами, или тѣмъ, кои осыпаны блистательными почестями, нежели тѣмъ, кои, имѣя случай блеснуть ими, отвергнули оныя по внушенїю велико-

душїя (*). — Сїя-то ничтожность наружныхъ совершенствъ есть причиною того, что мы, въ Архитектурѣ и театральныхъ декораціяхъ, удивляемся болѣе *высокому*, состоящему въ простотѣ. —

Совершенства, изключительно тѣлесныя, каковы суть: необычайная сила безъ мужества, прекрасная физіогномія, но показывающая обыкновеннаго человѣка, особенная гибкость въ движеніяхъ членовъ, могутъ конечно возбудить въ насъ удивленіе до извѣстной степени, но никогда не произведутъ въ насъ сего восторга, который порождаютъ въ насъ совершенства разума. — Великій геній, необыкновенныя чувства, пламенное воображеніе, соединенное съ чрезвычайнымъ остроумїемъ, и вообще всѣ великія свойства нашей разумной природы, — вотъ предметы, владѣющіе нашею душею и возносящіе ее превыше себя самой! (**) Удивленіе, причиняемое намъ сими предметами, до такой степени увлека-

---

(*) Фокіоны и Фабриціи, гораздо болѣе насъ удивляютъ, нежели Лукуллы и Крассы.

(Примѣч. Рус. Перевод.)

(**) „*Высокое*, говоритъ Лонгинъ, когда сверкаетъ у мѣста, то, подобно грому, уже поразило все". — Замѣтить должно, что Боало Депрео, въ переводѣ своемъ, сїе единственное мѣсто совершенно ослабилъ. *Высокое*, говоритъ онъ, *когда, оно блистаетъ тамъ, гдѣ должно, подобно грому, все поражаетъ.* Какъ сей превосходный критикъ, не почувствовалъ, что Лонгинъ употребилъ прошедшее время единственно для того, чтобы ближе къ природѣ выразить сильное и мгновенное дѣйствїе грома? —

(Примѣч. Франц. Перевод.)

етъ наше вниманіе, что мы разсматриваемъ ихъ нѣсколько времени, не развлекаясь ни какимъ другимъ понятіемъ; но ежели сіе состояніе души продлится, въ такомъ случаѣ оно принимаетъ названіе *изумленія*.

Огнь удивленія угасаетъ, коль скоро оно не питается пламенемъ чувствованія тихаго и пріятнаго. — Такого рода удивленіе можно сравнить съ молніею, которая блеснетъ, — и изчезнетъ въ одно мгновеніе: но когда мы привязаны къ существу, составляющему предметъ нашего удивленія, или, естьли оно возбуждаетъ наше состраданіе нещастіями, имъ незаслуженными: тогда удивленіе и соболѣзнованіе поперемѣнно наполняютъ нашу душу; мы желаемъ, мы надѣемся, мы страшимся за предметъ нашей любви или нашего состраданія. — Мы удивляемся величію его души, которая возносится превыше надеждъ и страха. Артистъ, коего магическое искуство умѣло привести наше сердце въ подобное состояніе, уже достигъ своей цѣли, своего торжества. . . Мудрецъ, *борющійся* съ судьбою — есть зрѣлище *достойное вниманія* и участія Божества, говоритъ одинъ древній Философъ: Ecce spectaculum dignum, ad quod respiciat intentus operi suo Deus, ecce par Deo dignum, *vir fortis cum mala fortuna compositus* (*).

Таковы суть главнѣйшіе роды удивленія, поколику оно раждается отъ самаго предмета, безъ участія въ немъ искуства Артиста. Теперь изслѣ-

(*) Senec. de providentiâ c. 11.

дуемъ до какой степени сіи роды могутъ допускать украшенія выраженій.

Истинно *высокое* такъ занимаетъ способности нашей души, что разрушаетъ всѣ постороннія понятія, могущія сопровождать оное. — Такъ солнце блистаетъ одно въ безпредѣльности небесъ, и его свѣтъ поглощаетъ сіяніе всѣхъ свѣтилъ. — Въ то мгновеніе, какъ сверкаетъ *высокое*, ни разумъ, ни воображеніе не направляютъ своихъ способностей къ другимъ понятіямъ. — Пустъ тотъ, кто захотѣлъ бы усумниться въ семъ, обратитъ вниманіе на то, что, (какъ мы и выше уже замѣтили) существеннѣйшій характеръ *высокаго* есть неожиданность пораженія новостію, и что въ семъ заключается единственный источникъ того глубокаго чувства, которое удивленіе производитъ въ нашей душѣ.

Слѣдовательно *высокое* перваго рода не можетъ никакъ допустить разборчивости украшеній рѣчи. Смѣшно было бы стараться распространять оное посторонними мыслями; напротивъ того они должны быть прикрыты непроницаемою тѣнью изображаемой картины. — Разпространеніе же главной мысли ослабило бы удивленіе своею медленностію; оно дало бы почувствовать высокое только въ послѣдовательномъ порядкѣ, — и то весьма непримѣтнымъ образомъ; однимъ словомъ: богатство выраженій тѣмъ болѣе чуждо высокому сего рода, что при появленіи онаго разумъ и воображеніе, коихъ оно есть произведеніе, прекращаютъ свое дѣйствіе и оставляютъ душѣ полную свободу, нужную ей къ сильному углубленію въ понятіе

высокаго и къ изслѣдованію его во всемъ величіи.— Сія мысль есть точно то, что, говоря словами одного Латинскаго стихотворца,

Judicis argutum, quod non formidat acumen.

не должно ничего страшиться ни со стороны взоровъ, ни со стороны разбора самаго проницательнаго и самаго строгаго Критика.

О сей-то мысли можно сказать: *volet hoc sub luce videri*, „она желаетъ со всѣхъ сторонъ быть видимою;“ напротивъ того какъ мыслямъ посторонниимъ можно приписать, *hoc amat obscurum*: „сіи требуютъ тѣни.“ А посему Артистъ, желающій изобразить *высокое* сего рода, долженъ выражаться просто, непринужденно и такъ, чтобы заставить читателя или зрителя размышлять несравненно болѣе, нежели сколько ему сказано, или представлено. — Впрочемъ выраженіе не должно престawать быть *созерцательнымъ*; не менѣе того оно не должно быть слишкомъ пренебреженнымъ въ частныхъ оттѣнкахъ; ибо, въ противномъ случаѣ, было бы невозможно тронуть сердце и пробудить мысли.

Объяснимъ сіи разсужденія нѣкоторыми примѣрами. Сіи слова: *что восхотѣлъ Богъ, то и существовало*, заключаютъ въ себѣ ту высокую и величественную мысль, которой мы столько удивляемся въ извѣстномъ мѣстѣ: *рече Богъ да будетъ свѣтъ, — и бысть свѣтъ*. Но тамъ каждое слово заключаетъ въ себѣ мысль отвлеченную, а слѣдовательно лишено жара и жизни; какъ напротивъ того сіе ощутительное дѣйствіе, *рече Богъ*, и частный предметъ: *свѣтъ*, представляетъ намъ картину,

дышущую жизнїю и силою. — Въ сей прекрасной и высокой мысли,

Reges in ipsos est imperium Jovis,
Cuncta supercilio moventis.

замѣните слово supercilio словомъ mente, или voluntate, а вмѣсто moventis поставьте regnantis; тогда вы увидите, что съ измѣненїемъ сихъ чувственныхъ понятїй въ понятїя отвлеченныя, картина *высокаго* много потеряетъ. Сей всемогущїй знакъ supercilio, сїе чувственное дѣйствїе moventis, — представляютъ нашему воображенїю высокое изображенїе Фидїасова Юпитера; — мы видимъ, какъ бы лицемъ къ лицу, владыку Боговъ и людей, однимъ мановенїемъ главы потрясающаго Олимпъ:

Qui totum nutu tremfecit Olympum,

Въ слѣдующихъ стихахъ Горацїя:

Si fractus illabatur orbis,
Impavidum ferient ruinae.

опасность, въ которой находится мудрый, оживотворена совершенно; но состоянїе его души, которое должно непремѣнно возбудить наше удивленїе, изображено однимъ только словомъ impavidum. Читайте:

Si fractus illabatur orbis
Justum et tenacem propositi virum
Impavidum ferient ruinae.

Куда дѣвалось высокое и понятїя и изображенїя? Сїя неумѣстная оговорка надолго приостановила въ читателѣ нетерпѣливость и любопытство; она потушила въ немъ огнь ожиданїя. —

Подобная мысль находится въ псалмѣ Царя Давида, который выразился еще съ большимъ вели-

чїемъ, нежели Горацїй: „ . . . . . Неубоимся, внегда смущается земля и прелагаются горы въ сердца морская“ — (*).

Опасность и здѣсь изображена съ такою же силою, но гораздо истиннѣе, нежели у Горацїя. Можно ли выразить проще и непринужденнѣе силу упованїя на Бога, какъ сими словами, *неубоимся*, для коихъ Божественный Псалмопѣвецъ употребляетъ неболѣе трехъ слоговъ?

Замѣтимъ мимоходомъ выборъ выраженїй того и другаго, естьли только не предосудительно ихъ сравнивать между собою. — Горацїй описываетъ состоянїе души Стоика, который, бывъ пораженъ и убѣжденъ необходимымъ сцепленїемъ дѣйствїй съ причинами, вооружилъ сердце свое противъ всѣхъ бѣдствїй; правда, что мудрецъ его можетъ содѣлаться жертвою бѣдствїй, но онъ будетъ сносить оныя безъ страха, равно какъ и безъ удивленїя; онъ увидитъ вселенную съ трескомъ разрушающуюся надъ его главою, но онъ не содрогнется; онъ все предусмотрѣлъ. — Напротивъ того священный Псалмопѣвецъ изображаетъ состоянїе праведника, совершенно уповающаго на Бога; правда, онъ можетъ устрашиться при видѣ опасности непредвидѣнной, ему угрожающей; но онъ помыслитъ только о Богѣ, — и страхъ его изчезъ. —

Есть предметы столь возвышенные и столь совершенные по своей природѣ, что никакая человѣческая мысль не можетъ ихъ постигнуть, и кои ни какими знаками и ни какою кистїю не могутъ

(*) Псаломъ 45 стихъ 3.

быть достойно выражены, какъ *на пр. Богъ, вселенная, вѣчность* и т. п. Въ семъ-то случаѣ Артистъ долженъ напрягти всѣ силы своего Генія, чтобы изобрѣсть выраженіе, способное *къ созерцательному* возбужденію въ насъ сихъ безконечно высокихъ понятій. Онъ долженъ тѣмъ болѣе стараться о семъ, что изображаемый предметъ будетъ всегда превыше знаковъ, имъ употребленныхъ, и что слѣдовательно, какою бы силою и *полнотою* ни отличалось его выраженіе, оно навсегда останется слабымъ въ сравненіи съ изображаемымъ предметомъ. Священный Плалмопѣвецъ восклицаетъ:

„Господи на небеси милость твоя и истина твоя до облакъ, правда твоя яко горы Божія, судьбы твоя — бездна многа". Псл. XXXV, ст. VI.

Галлеръ, разсуждая о вѣчности, говоритъ: „Мысль въ быстромъ своемъ полетѣ, сто кратъ „мгновеннѣе вѣтра, звука, времени и *самыхъ крылъ-„евъ свѣта* (*), изгнемогаетъ, измѣряя тебя, и от-„чаевается когда либо достигнуть твоихъ предѣ-„ловъ". Не ясно ли мы видимъ, что Поэтъ симъ высокимъ изображеніемъ нашелъ наименѣе несовершенную мѣру безконечности?

Величайшее искуство Поэта состоитъ въ томъ, чтобы предоставить много размышлять и пробудить вниманіе стихами неполными, звукопаденіемъ прерывистымъ, или стихомъ, оканчивающимся словомъ односложнымъ. — Такого рода отрывистая рѣчь трогаетъ читателя; онъ сгараетъ нетерпѣніемъ увидѣть конецъ, и находитъ въ изображае-

(*) Les ailes même de la lumière.

мой мысли матерїю къ собственному размышленїю. — Слѣдующїе стихи послужатъ сему примѣромъ. Ne dubita, nam vera vides. . . . . .

Aen. III. V. 316. —

Constitit Anchisa satus et vestigia pressit,
Multa putans. —

Ibid. VI. V. 330. —

Hostes crebri cadunt, nostri contra ingruunt;
Vicimus vi feroces. —

Plaut. Amphytr. act. 1. sc. 1. V. 82.

. . . . . manet imperterritus ille,
Hostem magnanimum apperiens, et mole suâ stat.

Aen. X. 77. —

Supremam que auram, ponens caput, exspiravit.

Vida. —

Образцовая черта сего рода высокаго находится въ пятой пѣсни Мессїады, гдѣ Поэтъ прерываетъ стихъ на половинѣ самой высокой мысли, чтобы предоставить самому читателю время — объять все ея величїе. Вотъ какъ онъ выражается: —

„Богъ обратилъ взоры на самаго себя, на мїръ духовъ, оставшїйся ему вѣрнымъ, на грѣшника, на „родъ человѣческїй; тогда, воспылавъ яростїю, „Онъ вознесся на Ѳаворъ, и простеръ десницу свою „на трепетную землю, *дабы она не уничтожи-*„*лась предъ лицемъ Его.*“ (*)

Съ какимъ искуствомъ и тонкостїю Поэтъ употребилъ vergieng вмѣсто vergehe, чтобы сильнѣе дать почувствовать перерывъ размѣра, хотя vergehe было бы болѣе согласно съ Грамматическими правилами? —

(*) Dass er nicht vor ihm vergieng. —

Высокое или героическое въ чувствахъ, которое, (какъ мы уже и замѣтили,) составляетъ нѣкоторый родъ *высокаго*, принадлежащаго къ первому роду, состоитъ: *въ совершенствахъ свойствъ души, способныхъ возбудить наше удивленіе.* Ежели мы заставляемъ говорить Героя, коему приписываемъ подобныя чувствованія, то онъ долженъ выражаться со всею возможною точностію и простотою. Душа великаго человѣка, вдохновенная силою и достоинствомъ, отвергаетъ *надутость и напыщенность словъ.* Мы неиначе приближаемся къ совершенству, какъ тогда, когда благородство чувствованій въ насъ превратилось, такъ сказать, въ другую природу, когда величіе нашихъ мыслей и нашихъ дѣяній неизвѣстно намъ самимъ, и когда мы оныхъ не вмѣняемъ себѣ въ заслугу. — По сей-то причинѣ мы столь сильно трогаемся краткою многозначительностію отвѣта стараго Горація, *qu'il mourût*; и отвѣту Брута въ Волтерѣ, *Brutus l'eût immolé;* такъ же сими словами Августа въ Корнелѣ, *soyons amis, Cinna.* Намъ извѣстенъ такъ же одинакого рода отвѣтъ Спартанца Персидскому воину, который хвастался, что войско Царя его имѣетъ столько стрѣлъ и копій, что можетъ затьмить сіяніе солица; *такъ чтожъ? мы будемъ сражаться въ тѣни*, отвѣчалъ Спартанецъ. Эпитафія, сочиненная Симонидомъ (*) Лакедемонянамъ, падшимъ въ битвѣ при Ѳермопилахъ, написана въ одинаковомъ духѣ:

(*) Симонидъ родился на островѣ Цеосѣ, что нынѣ Зеа на Архипелагѣ, до Р. Х. за 480 лѣтъ. —

Dic, hospes Spartae, nos te hic vidisse jacentes;
Dum sanctis patriae legibus obsequimur. —

Великодушные сіи Граждане, щитали уже себя довольно награжденными, когда только узнают въ Спартѣ, что они пали вѣрными священнымъ законамъ отечества. — Но чемъ болѣе герой въ единожды предпринятомъ намѣренїи непоколебимъ въ своихъ чувствахъ, и выражаетъ оныя силою краткости, тѣмъ болѣе богатство и обилїе его мыслей должно обнаруживаться въ его сужденїяхъ и его нерѣшимости въ выборѣ путей, указываемыхъ ему добродѣтелїю. Онъ долженъ прежде, нежели что либо предприметъ, взвѣшивать, сравнивать съ великою осторожностїю однѣ обстоятельства съ другими, случаи благопрїятствующїе и противорѣчащїе его намѣренїю; и тогда то высокое въ чувствахъ наиболѣе бываетъ сродно къ принятїю самыхъ богатыхъ украшенїй слова; все искуство краснорѣчїя должно быть обращено на то, чтобы выставить противудѣйствующїя обстоятельства во всей ихъ силѣ. Подобно кораблю, борющемуся съ волнами, нерѣшительная душа героя, направляемая то къ одной, то къ другой цѣли, привлекаетъ къ себѣ живѣйшее наше участїе, до тѣхъ поръ, пока наконецъ онъ узнаетъ голосъ добродѣтели, которая исторгаетъ его изъ нерѣшимости. — Съ той минуты всѣ сомнѣнїя изчезаютъ, всѣ препоны разрушены; его рѣшимость непреклонна, и уже ничто его поколебать не сильно.

Отсюда произходятъ сильныя дѣйствїя моноложовъ, кои въ новѣйшїя времена замѣнили хоры древней Трагедїи. — Монологи Августа въ *Цинне*;

(1) *Родогуны* (2) въ Трагедіи сего имени, *Агамемнона* (3) въ *Ифигеніи*, *Катона* (4) въ Трагедіи Аддисона, *Енея* (5) въ *Дидонѣ* Метастазія, суть превосходнѣйшіе образцы въ своемъ родѣ; но славный монологъ *Гамлета*, (6) въ Шекспирѣ, превосходитъ все лучшее въ семъ родѣ. Сей отрывокъ извѣстенъ всѣмъ, и нѣтъ нужды приводить его въ примѣръ. — Между различными родами *высокаго*, высокое страстей требуетъ выраженія самаго простаго. Когда душа внезапно бываетъ поражена ужасомъ, раскаяніемъ, гнѣвомъ, или отчаяніемъ, тогда она вся сливается въ чувство, её поражающее: въ такомъ случаѣ все, что ее развлекаетъ въ ономъ, для нее мучительно. Будучи заняты множествомъ мыслей, представляющихся намъ въ минуту насильственной страсти, которыя силятся изторгнуться изъ сердца, но которыхъ уста наши не могутъ выразить вдругъ, мы занимаемся, и едва можемъ произнесть первыя попавшіяся намъ слова. Что могъ, напримѣръ, сказать Эдипъ въ ту роковую минуту, когда всѣ ужасы его судьбы предъ нимъ разкрылись; когда онъ почувствовалъ, что пагубное проклятіе, произнесенное имъ на убійцу Лаія, долженствовало совершиться надъ нимъ? Поэтъ устами его говоритъ: Je n'attendois pas moins!

---

(1) Дѣйствіе 4, сц. 3.
(2) Дѣйствіе 3, сц. 3.
(3) Дѣйствіе 4, сц. 3.
(4) Дѣйствіе 5, сц. 1.
(5) Дѣйствіе 1, сц. 19.
(6) Дѣйствіе 3, сц. 2.

(я менѣе и не ожидалъ!) Таковъ языкъ природы; это первый вздохъ, вырвавшійся изъ груди нещастнаго въ ту минуту, когда душа его дѣлается жертвою ужаснѣйшихъ страстей. — Какимъ ужасомъ объемлется сердце сего самаго Эдипа и его зрителя, когда верховный жрецъ взываетъ къ нему:

Vous le voulez.... eh bien, c'est....

(Эдипъ). Achève, qui?

(Верховный жрецъ) Vous — (*).

Сїе односложное слово Vous, равно какъ слово Медеи, въ Трагедїи Корнеля сего имени, производитъ дѣйствїе гораздо сильнѣйшее, нежели вся витїеватость, какую бы Поэтъ могъ вложить въ уста своихъ Героевъ. —

Когда Инкель готовится принесть въ жертву безчеловѣчному корыстолюбїю свою спасительницу Ярико, которая столь нѣжно его любила, то Поэтъ заставляетъ ее воскликнуть:

„Moi, qui suis enceinte.... Moi!“

Это сама природа говоритъ устами невинной Ярико; сїе Moi заключаетъ все вмѣстѣ: — и самыя жестокїя укоризны, и самое сильное напоминанїе, какое только она могла здѣлать своему любовнику. Я нѣкогда читалъ подражанїе въ стихахъ сей повѣсти Геллерта, гдѣ, какъ кажется, сочинитель желалъ превзойти оригиналъ; сїи слова Ярико показались сочинителю недовольно значущими, и онъ

(*) (*Верховный жрецъ*). Ты хочешъ знать?... такъ знай.....

(*Эдипъ*) Окончи,... кто же?

(*Верховный жрецъ*). Ты.

прибавилъ къ нимъ, сколько могу припомнить, длинное разсужденїе о добродѣтели, благодарности, человѣколюбїи, о наказанїи порока и проч. однимъ словомъ, заставляетъ Ярику говорить то, что Геллертъ предоставилъ почувствовать самому читателю, а можетъ быть даже и то, чего, судя по характеру Ярики, она никогда не могла почувствовать. — Я сравнивалъ сего описателя со Скульпторомъ, который хотѣлъ разширить уста древняго Лаокоона для того, чтобы казалось, что онъ кричитъ громче (*).

Лонгинъ уже замѣтилъ, что часто истинно *высокое* выражается самымъ молчанїемъ. „Возвы„шенность разума, говоритъ онъ въ девятомъ от„дѣленїи своего разсужденїя, есть образъ величїя „души: по сей-то причинѣ мы удивляемся часто „простой мысли человѣка, даже и тогда, когда онъ „безмолвствуетъ. — Таково молчанїе Аякса въ тар„тарѣ, безмолвїе гораздо краснорѣчивѣйшее всего „того, что только могъ бы сказать сей герой. “(**)

(*) Смотри: Gedancken von der nachahmung der grieschishen wercke in der Malerey und der Bildhauerkunst. — стр. 22.

(**) Сїе молчанїе Аяксово находится въ Одиссеѣ. К. 11, стр. 563. — Лагарпъ, въ сочиненїи своемъ, кругъ Словесности, въ изслѣдованїи Лонгинова разсужденїя о высокомъ, между прочимъ приводитъ примѣръ высокаго, заключающагося въ самомъ молчанїи. „Когда, говоритъ онъ, слав„ный мятежникъ Бюсси ле Клеркъ является въ „Парламентъ, сопровождаемый своими соумыш„ленниками, и повелѣваетъ судьямъ или про„изнести приговоръ, уничтожающїй права Бур-

Сію черту высокаго подражательно выразилъ Виргилій во встрѣчѣ Дидоны съ Энеемъ въ Елисейскихъ поляхъ. —

Клопштокъ, между новѣйшими, равномѣрно покушался употребить сіе правило въ дѣйствіе, не смѣю рѣшительно сказать съ какимъ успѣхомъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ кающійся Аббадона встрѣчается съ Ангеломъ Абдіиломъ, коего онъ былъ другомъ до своего паденія (*).

Сіе безмолвное краснорѣчіе, естьли можно оное такъ назвать, будучи сопряжено у мѣста съ *высокимъ* въ изображеніи страстей, можетъ произвесть величайшее впечатлѣніе въ душѣ внимательнаго зрителя. —

Въ Софокловомъ Эдипѣ, Коринѳскій пастухъ говоритъ Эдипу, въ присудствіи Іокасты, что онъ можетъ возвратиться въ Коринѳъ; что Меропа не его мать, и что Поливій не отецъ ему, но что онъ, (пастухъ) нашедши его на горѣ Киѳеронѣ, отнесъ его въ Коринѳъ. — При семъ словѣ Іокаста, поражена какъ громовымъ ударомъ. Вдругъ она узнаетъ весь ужасъ своей судьбы; точно на сей горѣ она велѣла погубить сына своего, страшась, чтобы нѣ-

---

„бонскаго дома, или слѣдовать за нимъ въ Ба„стилію; то никто ему не отвѣчаетъ, и всѣ, „вставши съ мѣстъ своихъ, слѣдуютъ за нимъ. стр. 49, томъ I.

(Примѣч. Рус. Перевод.)

(*) Сей прекрасный отрывокъ изъ Мессіады Гекзаметрами перевелъ Г. Жуковскій: Смотр. Образц. Сочи. часть 6.

(Примѣч. Рус. Перевод.)

когда, по предсказанїю Оракула, онъ не здѣлался убїйцею Лаїя, своего отца; Эдипъ тамъ былъ найденъ, и сей же Эдипъ есть дѣйствительный ея супругъ. Таинственныя слова Тирезїаса, внезапно поясѣнили мракъ неизвѣстности въ ея душѣ; она цѣпенѣетъ, слова умираютъ на ея устахъ и всѣ ея чувства леденѣютъ. — Сей сынъ, сдѣлавшїйся ея супругомъ, продолжаетъ разпрашивать пастуха. Какое звѣрское отчаяніе должно изображаться во взорахъ злополучной Іокасты, въ продолженїе сего разговора! — Эдипъ, терзаемый ужаснѣйшими сомнѣнїями, и увлекаемый любопытствомъ, предлагаетъ ей нѣкоторые вопросы; тогда, какъ бы пробудясь отъ глубокаго сна, она воскликнула:

Какъ! что сказалъ онъ? Ради Боговъ, Эдипъ!.. Ахъ! естьли ты дорожишъ твоимъ спокойствїемъ, то престань вопрошать..... я и безъ того довольно нещастна.....

Эдипъ. Іокаста! я понимаю тебя; но будь спокойна: хотя бы отецъ мой былъ подлый рабъ, ты не должна отъ того краснѣть.

Іокаста. Ахъ! государь! естьли моя власть сильна надъ тобою, то заклинаю тебя — не проницай.....

Эдипъ. Нѣтъ, сїя вѣсть для меня важнѣе всего; — пора, чтобы истина явилась. —

Іокаста. Естьли бы ты зналъ причины, понуждающїя меня отвращать тебя отъ сего!

Эдипъ. Ахъ! сїе-то и усугубляетъ мой страхъ и мое любопытство.

Іокаста. (въ сторону) Злополучный Царь!.... о естьли бы ты во вѣкъ не зналъ судьбы твоей!

Эдипъ. Да приведутъ въ сію же минуту другаго пастуха. Оставимъ Царицѣ вѣчно стыдиться моего произхожденія, и гордиться своимъ.

Іокаста. О нещастнѣйшій изъ смертныхъ!.... послушай!.... я не могу говорить.... и я въ послѣдній разъ обращаю къ тебѣ мое слово. — (Она уходитъ.)

Такъ обнаруживается истинно *высокое* въ страстяхъ. Безмолвіе Іокасты въ то время, когда къ ней не обращаютъ рѣчь; ея взоры, преисполненныя ужаснаго отчаянія; судорожныя движенія, коими искусная Актриса должна сопровождать сіе страшное молчаніе, повергаютъ зрителя въ ужасъ послѣдней степени, коего и нетерпѣніе Эдипово, и начинающаяся развязка, раздражаютъ безпокойное любопытство. Правда, что Эдипъ еще не совершенно позналъ жребій Іокасты; но предчувствія, вселяемыя въ его душу ея поступками, отвѣтъ Оракула, слова Тирезіаса еще болѣе и болѣе усугубляютъ ужасъ. Наконецъ Іокаста прерываетъ молчаніе; она говоритъ; но что это за языкъ! какое смятеніе! *Какъ! что сказалъ онъ? Ради Боговъ и проч:* Выходя она довольно даетъ почувствовать, какой замыслъ занимаетъ ея сердце: *я въ послѣдній разъ обращаю къ тебѣ мое слово.* Кто тогда не трепещетъ за ея жизнь? кто не слѣдуетъ за нею взорами? и кто не желаетъ ее спасти отъ ея отчаянія? Эдипъ занятъ однимъ собою. Іокаста уходитъ; и въ началѣ пятаго дѣйствія мы узнаемъ, что страхъ нашъ былъ основателенъ.

Вотъ что намъ казалось приличнымъ сказать о *высокомъ* перваго рода, гдѣ причина нашего удивленія заключается въ самомъ представляемомъ намъ предметѣ. — Можетъ быть я слишкомъ много о немъ разпространился; но *высокое* въ чувствахъ требовало тѣмъ болѣе обширнѣйшихъ подробностей, что во всѣхъ примѣрахъ, приводимыхъ Лонгиномъ, нѣтъ ниодного, который бы можно было помѣстить въ семъ родѣ. Впрочемъ я изключаю изъ сего молчаніе Аякса, которое дѣйствительно сюда принадлежитъ, такъ же какъ и извѣстное восклицаніе сего героя: „О Юпитеръ! разсѣй этотъ „мракъ, и погуби насъ при сіяніи солнца! (*).

Второй родъ *высокаго* есть тотъ, въ которомъ удивленіе наше обращается на геній и таланты самаго Артиста. Предметъ самъ по себѣ можетъ не имѣть ничего ни возвышеннаго, ни чрезвычайна-

---

(*) Это мѣсто, приводимое Лонгиномъ въ 9 главѣ, находится въ Иліадѣ, XVII пѣсни. Ближе къ подлиннику такъ: Юпитеръ! избавь отъ мрака „сыновъ Ахайскихъ, возврати свѣтъ, дай очамъ „видѣть. Да зримъ очами; тогда и погуби при „его сіяніи, естьли такъ тебѣ угодно.„ Г. Мартыновъ, переведшій Лонгиновъ трактатъ о высокомъ, переложилъ сіи строки въ стихи такъ:

О Боже! прогони отъ нашихъ мракъ очесъ,
И насъ карай, но лишъ при свѣтлости небесъ. —

Боало же перевелъ сіи три стиха изъ Иліады слѣдующимъ образомъ:

Grand Dieu, chasse la nuit qui nous couvre les yeux,
Et combats contre nous à la clarté des cieux.

(Прим. Рус. Перевод.)

го; но мы удивляемся величїю таланта Творца, силѣ и плодовитости его воображенїя, его способу воззрѣнїя на природу вещей, на характеры и страсти, его великому и благородному искуству, съ какимъ онъ умѣлъ выразить свои мысли. Поверженный воинъ, борющїйся со смертїю на полѣ ратномъ, не есть одинъ изъ тѣхъ предметовъ, которые способны возбудить въ насъ удивленїе; но можно ли не удивляться генїю Клопштока въ картинѣ, на коей онъ его представилъ? но чтобы открыть себѣ обширное поле для великихъ мыслей, онъ въ семъ ужасномъ состоянїи описываетъ не человѣка обыкновеннаго, но безбожника.

„Грозный, приближающїйся побѣдитель, ярый „конь, подымающїйся на дыбы; звукъ оружїй, кри„ки ярости умирающихъ, громъ небесъ, все сѣтъ „вокругъ его отчаянїе и ужасъ: поверженный „ужаснымъ ударомъ на кровавые трупы, — онъ „мнитъ, что коснулся уже ничтожества, однакожъ „онъ встаетъ: еще онъ существуетъ, еще онъ „мыслитъ, еще онъ проклинаетъ свое существова„нїе, и охладѣвшими и оцѣпенѣвшими руками бро„саетъ кровь свою въ небо: *Боже!* вопїетъ онъ съ „ хулою, и еще хотѣлъ бы отрицать его. Месс. „пом I. пѣ. 4.

Черты, кои употребляетъ сей Поэтъ для описанїя ужаснаго, браннаго смятенїя, и то, что живописцы называютъ смѣсью красокъ, (fracas) производятъ въ душѣ читателя живѣйшее впечатлѣнїе; но среди сего смятенїя, ярость и отчаянїе безбожника, почувствовавшаго въ сїю минуту бытїе Бога, привлекаетъ на себя все наше вниманїе....

Какая мысль! *Боже*! вопіетъ онъ съ хулою, и еще хотѣлъ бы отрицать его!“

Какъ величественно слѣдующее описанїе человѣка, испускающаго послѣднее дыханіе!

„Взоры умирающаго помрачаются; они неподви-
„жны, и ничего болѣе невидятъ: лице земли и ла-
„зурь небесъ погружаются для него въ глубокую
„ночь; ни гласъ человѣческїй, ни нѣжныя стенанїя
„дружбы не достигаютъ до его слуха; онъ не гово-
„ритъ болѣе, коснѣющїй языкъ его едва можетъ
„вымолвить послѣднее — трогательное *прости*;
„дыханїе его вскорѣ становится тяжелѣе; хлад-
„ный потъ катится по лицу его; сердце его бьет-
„ся медленно, — тихо, — его сердце болѣе не
„бьется, онъ умираетъ.“ Месс. томъ I пѣснь 5.

Сїе описанїе имѣетъ существенно великое сходство съ описанїемъ изступленной любви Сафо, которое Лонгинъ намъ сохранилъ (*); драгоцѣнный от-

---

(*) Лонгинъ сей отрывокъ Сафиной Оды; (ибо она вся не дошла до нашихъ временъ) приводитъ въ 10 главѣ своего трактата о высокомъ. Г. Мартыновъ, въ переводѣ сего творенїя, сей отрывокъ переложилъ въ стихи; онъ переведенъ такъ же Г. Г. Державинымъ и Эминымъ. Я приведу переводъ послѣдняго изъ Боалова перевода:

„Благополученъ тотъ, кто близъ тебя стенаетъ,
„Кто можетъ завсегда съ тобою говорить,
„Кого твой милый взглядъ, улыбка оживляетъ;
„Какое щастїе возможно съ симъ сравнить!
„Когдажъ твой нѣжный видъ мой страстной взоръ встрѣчаетъ,

рывокъ, который, по выраженїю Англинскаго Созерцателя, (spectateur) долженъ для Поэтовъ быть тѣмъ, чемъ распятый человѣкъ былъ для Мишель-Анжа (*) Всѣ сїи предметы могутъ не заключать въ себѣ ничего высокаго; но Артистъ умѣлъ дать имъ черты и характеръ онаго. —

Слѣдующее славное мѣсто изъ Демосѳена принадлежитъ такъ же къ сему роду: „Долго ли вы, „скажите мнѣ, будете безпрестанно бѣгать по го„роду и спрашивать другъ у друга, что слышно „новаго? и что можетъ быть новѣе того, что у „васъ предъ глазами? что одинъ Македонянинъ хо„четъ поработить всю Грецїю. Умеръ ли Филиппъ? „Нѣтъ; но онъ боленъ. Но какая вамъ нужда до его „смерти или жизни? хотя бы небо васъ отъ него

„Нѣмѣетъ мой языкъ, мертвѣетъ томный гласъ,
„И пламя нѣкое всѣ чувства воспаляетъ,
„И солнца лучь тогда мнѣ кажется погасъ!
„И звуки смѣшаны мой слухъ лишъ ощущаетъ:
„Дрожу я, трепещу, и тьмится мысль моя! —
„Кровь стынетъ... хладный потъ всѣ члены
орошаетъ. . .'
„Блѣднѣю.... чуть дышу..... и умираю я!.....

(*) Говорятъ, что Михаилъ Анжело, или Мишель — Анжъ, для лучшаго изображенїя чертъ лица, мускуловъ и страданїй умирающаго Іисуса Христа, распялъ одного человѣка, и съ онаго писалъ картину распятїя: какъ будтобы смертный, насильственно умирающїй, могъ собою изобразить Бога, для спасенїя человѣковъ произвольно подьявшаго крестное страданїе!
(Рус. Перевод.)

„и освободило, то вы скоро сами себѣ сотворите „новаго Филиппа.

Гдѣ же высокое въ семъ мѣстѣ? чему можно въ немъ удивляться, естьли не искуству и тонкости Оратора, который умѣлъ сдѣлать самое щастливое употребленїе изъ самыхъ мѣлкихъ обстоятельствъ, дабы дать своей рѣчи силу, душу и жизнь?

Никто не обладалъ въ столь превосходной степени искуствомъ употреблять съ пользою самыя малѣйшїя случаи, и изъ нихъ извлекать даже самое *высокое*, какъ Шекспиръ. Дѣйствїе, производимое симъ способомъ, должно поражать тѣмъ сильнѣе, что ничего менѣе не ожидаемъ, какъ того, что бы изъ сцепленїя самыхъ ничтожныхъ обстоятельствъ, произошло что либо великое. — Въ примѣръ сего я приведу мѣсто изъ трагедїи *Гамлета*. Король, для разсѣянїя печали Принца, учреждаетъ при дворѣ увеселенїя; играютъ комедїю: *Гамлетъ* видѣлъ Трагедїю *Гекубу;* онъ кажется довольно спокойнымъ. Тѣ, кои были съ нимъ, его оставляютъ.... Нельзя не удивиться тому искуству, съ коимъ Шекспиръ умѣетъ извлекать занимательность изъ столь обыкновеннаго случая.... Принцъ разговариваетъ самъ съ собою:

„Возможно ли, чтобы сей Актеръ, который „чувствуетъ одну притворную горесть, умѣлъ „владѣть своею душею по своей волѣ? Призраки „его воображенїя одушевляютъ его черты, напол„няютъ его глаза слезами, измѣняютъ его голосъ „и смущаютъ его взоры; и все это для кого?..... „для Гекубы!... Какое онъ принимаетъ участїе въ

„Гекубѣ? и онъ плачетъ!... Ахъ! что же бы онъ „сдѣлалъ тогда, когда бы въ душѣ его свирѣп„ствовала страсть, меня пожирающая и проч.?... „*Гамлетъ* Дѣйствіе 2.

Какое превосходное твореніе! опытность насъ научаетъ, что сердца, снѣдаемыя горестію, среди самой разсѣянности, внезапно переходятъ къ мысли, ихъ удручающей; и чемъ болѣе ихъ почитаютъ отъ оной далекими, тѣмъ они скорѣе въ оную погружаются. — Сіе наблюденіе управляло геніемъ Шекспира — при всякомъ случаѣ, когда онъ изображалъ меланхолію. Его *Гамлетъ* и *Леаръ* исполнены сихъ неожиданныхъ переходовъ, кои изумляютъ и восхищаютъ зрителя.

Когда Артистъ желаетъ дать намъ почувствовать *созерцательно* въ своемъ твореніи все его превосходство; то онъ долженъ обратить вниманіе свое на сторону самыхъ существенныхъ красотъ и наиболѣе сродныхъ къ великому. Мѣлкія подробности, обработанныя черты, правда, дѣлаютъ честь рукѣ художника, и обнаруживаютъ его искусство и стараніе намъ понравиться; но все это не та сторона, которая изторгаетъ у насъ удивленіе: сіе право, или лучше сказать, сіе могущество, принадлежитъ только необыкновеннымъ свойствамъ разума, взятымъ въ самомъ строгомъ смыслѣ. Такимъ образомъ, гдѣ только увидимъ мы торжество чувствительнаго характера генія въ искуственномъ произведеніи, тамъ непремѣнно заплатимъ Артисту должную дань удивленія. Но послѣдняя отдѣлка картины, неважныя постороннія принадлежности, хотя въ самомъ дѣлѣ и принадлежатъ

искуству, но онѣ совсѣмъ не составляютъ его существенной части; онѣ весьма замѣтно даютъ намъ чувствовать усилїе и трудъ; и похвалы, приписываемыя сего рода достоинствамъ, всегда бываютъ плодомъ похвалъ, исторгаемыхъ у насъ геніемъ.

И такъ Артисту предоставлена свобода раскрывать въ семъ родѣ высокаго всѣ сокровища своего искуства, дабы представить во всемъ сіянїи красоты, кои умѣло произвесть щастливое воображенїе; и симъ то собственно сей родъ отличается отъ перваго, въ которомъ предпочтительнѣе выраженїе простое и естественное (naïve). Впрочемъ, въ семъ второмъ родѣ Артистъ не долженъ почитать достойнымъ своего вниманїя и старанїя тѣ красоты въ подробностяхъ, кои могутъ занимать долгое время посредственныя дарованїя, равно какъ и не долженъ ихъ совершенно отвергать, когда оныя сами собой представляются... Дабы мысль мою сдѣлать ощутительнѣе, я приведу одинъ примѣръ. Священный Псалмопѣвецъ говоритъ о солнцѣ, Псал. XVIII. ст. VI. „И той яко женихъ, исходяй „отъ чертога своего, возрадуется яко исполинъ „тещи путь свой“. Сїи двѣ картины истинно высоки, и Гогартъ находитъ въ послѣдней мысль, сходную со славнымъ древнимъ Аполлономъ, коему Артистъ столь чудесно придалъ свойство Бога свѣта, по быстротечности, съ какою онъ, кажется, стремится и бросаетъ свои стрѣлы, (естьли только стрѣлы могутъ изображать собою лучи солнца). Повѣрятъ ли, что сїи красоты подъ перомъ столь великаго творца, каковъ Руссо, естьли не совсѣмъ

потемнены, то, по крайней мѣрѣ, много потеряли высокаго. —

Cet astre ouvre sa carrière,
Comme un epoux glorieux
Qui, dès l'aube matinale,
De sa couche nuptiale
Sort brillant et radieux.

L'univers, à sa présence,
Semble sortir du néant;
Il prend sa course, et s'avance
Comme un superbe géant. —

Здѣсь находится восемъ словъ, заключающихся въ текстѣ, и растянутыхъ въ переводѣ на девять стиховъ; но сколько они потеряли отъ сего разпространенїя! Г. Крамеръ сохранилъ въ первомъ изображенїи всю его краткость; но второе и того менѣе потеряло — во Французскомъ, нежели въ его переводѣ.

Впрочемъ изъ нашего изложенїя явствуетъ, что сей второй родъ *высокаго* можетъ заключаться какъ въ мысли, такъ и въ выраженїи: въ первомъ случаѣ, относительно къ духу мысли, въ смыслѣ, воображенїи, изобрѣтательности, въ картинахъ, изрѣченїяхъ, чувствахъ, въ представленїи характеровъ и страстей, въ изображенїи нравовъ человѣческихъ и естественныхъ предметовъ; во второмъ случаѣ, что касается до выраженїя; въ живости и прїятности выраженїя, въ выборѣ такихъ словъ, кои изображали бы чувственныя свойства и дѣйствїе предметовъ, въ размѣщенїи и соединенїи сихъ словъ, и, наконецъ, въ гармонїи и

симметріи періодовъ; ибо во всѣхъ сихъ красотахъ блистаетъ талантъ Артиста. — Изъ сего слѣдуетъ, что *высокое* втораго рода отъ простой красоты различествуетъ только одною степенью, и что, слѣдовательно, легко можно ошибиться въ нихъ; ибо всѣ красоты искуства предполагаютъ нѣкоторый навыкъ разностепенныхъ силъ души, способной возбудить удивленіе въ относительной степени, а слѣдовательно сродной къ высокому. —

Я не буду здѣсь говорить о томъ, что въ произведеніяхъ искуства очень часто находимъ сіи оба рода *высокаго* соединенными одинъ съ другимъ; я уже замѣтилъ *въ трактатѣ, о началахъ изящныхъ искуствъ*, что искуство Артиста возвышаетъ удовольствіе, нами ощущаемое въ сходствѣ, произведенномъ посредствомъ подражанія; и сіе можетъ быть примѣнено вообще ко всѣмъ красотамъ сего рода. А по сему во многихъ случаяхъ высокое предмета бываетъ сопряжено съ высокимъ выраженія; но выраженіе будетъ болѣе или менѣе украшаемо, по мѣрѣ того, какъ удивленіе будетъ обращено болѣе или менѣе на самый предметъ, или на талантъ Артиста; что должно предоставить, въ особенныхъ случаяхъ, выбору людей со вкусомъ. —

Не безполезно будетъ и сіи разсужденія объяснить примѣрами: трактатъ Лонгиновъ, который, кажется, занятъ изключительно симъ вторымъ родомъ *высокаго*, находится у всѣхъ въ рукахъ. Мое же намѣреніе было изложить просто, но нѣсколько яснѣе, понятіе *о высокомъ*, о коемъ столь часто говорятъ въ произведеніяхъ искуствъ и изящныхъ

наукъ. Мнѣ остается присовокупить къ сему еще нѣсколько разсужденій.

Лонгинъ въ пятой главѣ своего трактата говоритъ: „Вы можете быть вообще увѣрены, что „то, что нравится во всякое время и всѣмъ лю„дямъ, есть существенно изящное и высокое.“ Перольтъ возстаетъ противъ сего Лонгинова положенія, и говоритъ, въ своемъ отвѣтѣ на одинадцатое замѣчаніе Боало на сего Автора, „что, по се„му закону, ничего нѣтъ рѣже *высокаго*, ибо люди, „различествующіе возрастомъ, воспитаніемъ и нра„вами, смотрятъ на однѣ и тѣже вещи съ различ„ныхъ точекъ зрѣнія.“ Что касается до *высокаго* втораго рода, то мнѣ кажется, что Перольтъ не ошибается: чтобы быть способнымъ удивляться талантамъ Артиста, для сего должно прежде глубоко вникнуть въ тайну искуства; а число просвѣщенныхъ и глубокихъ знатоковъ такъ рѣдко! однакожъ *высокое* въ предметахъ, а преимущественно въ чувствахъ, должно необходимо поражать всякаго рода людей, предполагая, что они понимаютъ слова, изображающія оное. Души обыкновенныя, но коихъ чувство не совершенно испорчено, должны находить *высокое* въ чувствахъ тѣмъ болѣе достойнымъ [illegible]нія, что оно превосходитъ въ высокой степени и[illegible] понятія, и что они наименѣе воображали то, чтобы умъ человѣческій былъ сроденъ къ такому совершенству. Но скажутъ: развѣ лучшіе Критики не спорили о томъ, какія мѣста должно почитать высокими? на примѣръ, мѣсто Св. писанія, *рече Богъ: да будетъ свѣтъ* и проч. неоспоримо принадлежитъ къ первому роду высокаго; но, не смотря

на сïе, ученые мужи утверждали сему противное. И такъ, гдѣ то согласïе и единодушное удивленïе, которое мы должны почитать признакомъ *высокаго* перваго рода? Я отвѣчаю: что противники Лонгина никогда не сомнѣвались, чтобы сïе велѣнïе Божïе, и мгновенное исполненïе онаго, *да будетъ, свѣтъ и бысть свѣтъ*, не было само въ себѣ высокимъ; но они не хотѣли согласиться на то, будто бы Законодатель Израильтянъ намѣренъ былъ сказать чрезъ сïе что нибудь высокое; то есть, они согласны въ томъ, что сïе мѣсто есть высокое перваго, но сомнѣваются, чтобы оно было высокое втораго рода. — Сочиненïя полемическïя, (спорныя) написанныя по сему случаю, доказываютъ, сколько Критики боятся на то согласиться. Одна сторона признаетъ единственно высокое предмета и простоту выраженïя (*), между тѣмъ, какъ другая говоритъ только о намѣренïи Моисея, который, говоря по человѣчески, не старался воспламенить свое воображенïе для произведенïя чего либо высокаго. —

Лонгинъ равномѣрно ошибается, утверждая, что предметъ есть истинно изященъ и высокъ,

---

(*) Сего мнѣнïя держится, между прочими, и Домеронъ. Онъ говоритъ: „сïи слова не относятся „къ роду высокаго слога, но мысль, которую „они въ себѣ заключаютъ, есть *высокое*. Въ са„момъ дѣлѣ, говоритъ онъ, она есть самая ве„ликая, самая возвышенная, какую только воз„можно имѣть о Всемогущемъ Богѣ и о пови„новенïи природы велѣнïямъ ея Творца!“

(Рус. перев.)

когда оный нравится во всѣ времена и всѣмъ людямъ; но когда дѣло идетъ о первомъ родѣ высокаго, то можно превратить сїе положенїе, и сказать: что *высокое* должно нравиться всѣмъ людямъ и во всѣ времена. Продолженїе сужденїя сего Критика насъ удостовѣряетъ, что чрезъ сїи слова: *что нравится во всѣ времена и всѣмъ людямъ*, онъ преимущественно имѣлъ въ виду *высокое* перваго рода, хотя точно и не сдѣлалъ сего существеннаго раздѣленїя. Вотъ его слова: „когда люди различ„ныхъ склонностей, нравовъ, состоянїй и лѣтъ, „всѣ поражаются какимъ либо предметомъ, то сїе „согласїе, сїе единодушїе, служатъ вѣрнымъ дока„зательствомъ того, что предметъ, коему они „удивляются непремѣнно заключаетъ въ себѣ ве„личїе и возвышенность.“ Впрочемъ, поелику *высокое* находится только въ необыкновенныхъ и великихъ способностяхъ души, то мы по справедливости изключимъ какъ изъ перваго, такъ и изъ втораго рода высокаго *умъ*, обыкновенно такъ называемой, или *способность замѣчать въ различныхъ предметахъ нѣкоторое отношенїе, которое само по себѣ ни мало не важно.* — Противуположенїя, (antitheses) Эпиграмматическая замысловатость, всѣ сїи принужденные и искуственные обороты, правда, могутъ насъ занять на нѣкоторое время, но онѣ не сильны возбудить въ насъ удивленїе; напротивъ онѣ служатъ препятствїемъ оному, поелику обнаруживаютъ умъ ограниченный: ибо какой умъ, кромѣ посредственнаго и ограниченнаго, можетъ плѣняться тѣмъ, что открылъ подобныя отношенїя? сїи мѣлочныя тонкости совершенно не способны

къ выраженію страстей; самая обыкновенная душа бываетъ въ то время слишкомъ занята, чтобы захотѣла замѣчать столь пустыя отношенія: въ одномъ только хладнокровномъ состояніи она имѣетъ свободу забавляться сими мѣлочами. Но сіе относится только къ умамъ, блестящимъ площадными остротами; ибо есть и такіе, кои занимаются не пустымъ открытіемъ сходствъ, но истинами важными, и чувствами истинно великими; и сей родъ умовъ, гораздо, превосходнѣйшій перваго, есть въ изящныхъ искуствахъ обильный источникъ высокаго и чудеснаго. — Самая насильственная страсть не отвергаетъ антитезовъ, заключающихъ въ себѣ или великое чувство, или существенную истину. Лучшіе Писатели древности очень хорошо знали сей истинный родъ ума, который плѣняетъ, трогаетъ, и вмѣстѣ научаетъ, но который многіе изъ ихъ подражателей замѣнили мишурнымъ блескомъ, болѣе ослѣпляющимъ, нежели плѣняющимъ. — Можно привести въ примѣръ слѣдующія мѣста, гдѣ высокія мысли являются намъ въ видѣ антитезовъ:

1е Отвѣтъ Александра Парменіону, когда онъ сказалъ сему Государю: „Ежели бы я былъ Алексан„дромъ, то принялъ бы предложенія Даріевы; и я „такъ же, возразилъ Александръ, когда бы былъ „Парменіономъ.“ —

2е Пусть тотъ, кто ничего не страшится, говорилъ одинъ древній Философъ, научится бояться Бога. „Вѣроятно, что Расинъ почерпнулъ отсюда мысль для сего прекраснаго стиха:

Je crains Dieu, cher Abner, et n'ai point d'autre crainte.

Athal. act. I. sc. 1. —

Sperat infestis, metuit secundis —
Alteram sortem bene praeparatum
Pectus. —

Hor. I. 2. od. 10. —

Tout étoit Dieu, excepté Dieu même; etc.. —

„Все было Богъ, кромѣ самаго Бога; и мїръ „созданный Богомъ для возвѣщенїя его могуще„ства, казалось, содѣлался храмомъ идоловъ.“ *Боссюетъ.* Всеоб. Ист. „Будучи гораздо ниже ихъ (Ан„геловъ) родъ человѣческїй есть вмѣстѣ граждА„нинъ неба и ничтожества; Богъ его предназна„чилъ, частїю для вѣчности, а частїю для смерти: „существо среднее между Ангеломъ и животнымъ, „онъ переживаетъ самаго себя, онъ умираетъ и не „умираетъ. *Галлеръ.*“ „..... Человѣкъ! откуда онъ? „Будучи слишкомъ ничтоженъ, чтобы быть Бо„гомъ, онъ слишкомъ великъ, чтобы быть творе„нїемъ случая.“ *Лессингъ.* „Въ какой печали, въ ка„кой горести провелъ я первые годы! слишкомъ мо„лодъ еще, чтобы быть человѣкомъ, всегда довольно „старъ, чтобы умереть.“ *Лессингъ* (*). Примѣры

(*) Лонгинъ, въ своемъ трактатѣ о высокомъ, въ 9й главѣ, говоря о величествѣ Омирова духа, приводитъ въ доказательство одинъ стихъ изъ его описанїя *раздора*. Стихъ сей можно привести въ примѣръ высокаго въ антитезахъ. Г. Мартыновъ перевелъ его такъ:

„Онъ ходитъ по землѣ, главу скрывъ въ небесахъ.“

Державинъ изображая гору *Сен-Готаръ*, въ переходѣ чрезъ Алпїйскїе горы Россїйскихъ войскъ, сказалъ подобное сему:

противоположностей страстныхъ (pathétiques) и способныхъ насъ тронуть:

„Како сѣде единъ градъ, умноженный людьми? — „бысть яко вдовица, умноженный во языцѣхъ, вла„дѣй странами, — бысть подъ данїю„. Плачь Про. Іер. г. 1. Алефъ. Annibalem pater filio meo potui placare, filium Annibali non possum .... Vultum ipsius Annibalis, quem armati exercitus sustinere nequeunt, quem horret Populus Romanus..... tu sustinebis?... Deterreri hic sine te potius, quam illic vinci. Valeant apud te meae preces, sicut pro te hodie valuerunt. Tit. liv. I. 23. n. 9.

Высокое перваго рода, вообще и въ особенности, столь тѣсно соединено съ выраженїемъ простосердечнымъ, (какъ мы замѣтили) что безполезно было бы изслѣдывать, — въ чемъ состоитъ *простосердечїе*, (la naïveté) и докакой степени можно оное употреблять въ произведенїяхъ Словесности. Въ Нѣмецкомъ и Россїйскомъ языкахъ нѣтъ слова, которое означало бы сїе свойство выраженїя; *natürlich*,

---

„Гигантъ предъ нимъ возсталъ въ пути,
Главой небесъ, ногами ада
Касаяся, претитъ итти.“ —

Подобныя примѣры можно найти у многихъ нашихъ Писателей; напр. у Державина, въ Одѣ Богъ, — гдѣ онъ сказалъ: „я Царь, — я рабъ, я червь, я Богъ.“

Въ Трагедїи Г. Княжнина, Росславъ, гдѣ сей герой отвѣтствуетъ Любомиру: „Росславъ я въ лаврахъ былъ, и въ узахъ я Росславъ.“

Такъ же и у другихъ знаменитыхъ Писателей, какъ то: у Ломоносова, Хераскова и многихъ другихъ.

ungekünstelt (натурально, безъ искуства), *простосердечіе*, *естественность*, *непринужденность* и т. п. всѣ сіи слова или не говорятъ ничего, или очень мало: ибо въ общежитіи выражаются и просто, и естественно, не бывъ простосердечными; напротивъ того, *благородная простота* выражаетъ много, но опредѣляетъ только извѣстный родъ *простосердечнаго*. Въ самомъ дѣлѣ, есть такія выраженія, кои часто почитаются простосердечными, хотя онѣ очень далеки отъ благородства. Нѣтъ сомнѣнія, что простота составляетъ существенное качество *простосердечнаго*; простосердечіе оканчивается тамъ, гдѣ начинаются украшенія. — Вотъ почему *высокое* въ выраженіи не имѣетъ никакого сочувствія *съ простосердечнымъ* (naïf). Но одна простота недостаточна: она должна заключать въ себѣ истину, достойную нашего вниманія, прекрасную мысль, чувство благородное, или страсть, обнаруживающуюся просто и безъ искуства. Выраженіе простое во всѣхъ отношеніяхъ насъ нетрогаетъ; но когда прекрасная мысль его одушевляетъ, то мы ощущаемъ сладостное чувство, и съ удовольствіемъ восклицаемъ: *вотъ простосердечіе!* Нравы сельскихъ жителей въ наше время представляютъ простоту въ полномъ смыслѣ сего слова; но такъ ли они простосердечны, какъ нравы Аркадскихъ пастуховъ и людей золотаго вѣка, кои, можетъ быть, существовали только въ воображеніи Поэтовъ? какая же причина сей разности, какъ не благородство чувствъ, соединенное съ тою наружною простотою, которую приписываютъ обитателямъ древней Аркадіи? Такимъ образомъ мы ду-

маемъ, что можно опредѣлить *простосердечіе* (naif) такъ: *когда предметъ, заключающій въ себѣ величіе, красоту, или представленный въ занимательномъ видѣ, изображенъ знакомъ простымъ, то сіе выраженіе есть простосердечное* (naïve). Сіе опредѣленіе удивительно согласуется со всѣми примѣрами, въ которыхъ лице, въ уста коего влагаютъ *простосердечное*, дѣйствительно обнаруживаетъ благородство и величіе въ своихъ мысляхъ, съ величайшею простотою въ знакахъ. Напримѣръ: Виргилій сказалъ въ третьей своей Эклогѣ:

Malo me Galatoea petit, lasciva puella,
Et fugit ad salices, et se cupit ante videri (*).

Это чрезвычайно простосердечно. Бѣгство пастушки, повидимому, есть ничто иное, какъ одна шутка; но причина оной есть нѣжная любовь: lasciva puella. Она сею прелестною шуткою побуждаетъ пастуха слѣдовать за нею подъ тѣнь ивъ: могла ли она хитрѣе дать ему почувствовать свою тайную страсть? —

Иванъ Г. Гагедорна удивительно выражаетъ довольство своей души, свою радость, свое прилѣжаніе къ работѣ и свое упованіе на Божественное Провидѣніе. Онъ имѣетъ чувства Философа, не имѣя пышнаго его велерѣчія. Онъ приводитъ въ

(*) Г Мерзляковъ въ переводѣ Эклогъ Виргилія сіи стихи выразилъ такъ:

„Вдругъ яблоко въ меня кидаетъ Галатея,
Смотрю: шалунья въ лѣсъ, какъ будто бы робѣя,
Бѣжитъ, но хочетъ знать, бѣгу ли я за ней.—
(Прим. Рус. Перев.)

стыдъ своего богатаго сосѣда, безъ глубокихъ мыслей и безъ хвастливости нравоучителя. Всѣ его поступки являютъ простосердечіе. —

Сіи слова о мѣдномъ быкѣ Мирона:
„О пастухъ! для чего возвращаешся ты и ударя-
„ешъ меня твоимъ бичемъ, чтобы я подвинулся
„впередъ? я быкъ, произведеніе Мирона; я неиду
„съ тобою". Сіи слова говорю, я, простосердечны; ибо съ перваго взгляда онѣ намъ кажутся простымъ разказомъ, но въ сущности заключаютъ очень лестную похвалу для Артиста. —

Однакожъ есть и такіе примѣры, гдѣ лице, говорящее что нибудь простосердечно, не простираетъ своей мысли за предѣлы значенія словъ, кои оно употребляетъ; но обстоятельства привели слушателя въ такое состояніе, въ которомъ онъ чувствуетъ всю тонкость оныхъ. — Въ комедіи Моліера, Жоржъ Дандинъ, George Dandin (Любинъ) (Lubin) разказываетъ самому Дандину, незная его, кокетства его жены, и строго запрещаетъ ему довесть что-либо объ этомъ до свѣдѣнія мужа; выходя онъ ему повторяетъ: bouche cousue au moins! (смотри же нипол-слова)! Состояніе истино простосердечное; Любинъ не имѣетъ другаго намѣренія, какъ поболтать немного, и пробуждаетъ безъ малѣйшаго намѣренія ревность Дандина. —

Сіе столь извѣстное мѣсто у Геллерта. Бас. кн. 2, ст. 115. „Что вы говорите Батюшка? вы
„обманываетесь; какъ? мнѣ только четырнадцать
„лѣтъ! нѣтъ, нѣтъ, мнѣ четырнадцать лѣтъ и семъ недѣль".

Сїе мѣсто, говорю, чрезвычайно простосердечно, ибо дѣвушка незная того, открываетъ тайное желанїе своего сердца; она хочетъ сказать своему отцу, что онѣ ошибся семью недѣлями, и чрезъ сїе доказать, какъ вѣрно она умѣетъ щитать. — Она въ сихъ словахъ сказала болѣе, нежели желала: посему-то отвѣтъ ея простосердеченъ.

Итакъ опредѣленїе простосердечнаго (naïf) должно еще далѣе простираться: *когда описанный предметъ, который имѣетъ, или можетъ имѣть какїя либо важныя отношенїя, выраженъ простымъ знакомъ, было ли намѣренїемъ говорящаго дать уразумѣть болѣе, чемъ онъ говоритъ, или онъ сдѣлалъ то безъ намѣренїя; то въ обоихъ сихъ случаяхъ выраженїе будетъ простосердечное.* Такимъ образомъ очевидно, что *въ простосердечномъ* слогѣ означаемый предметъ находится превыше знака: а по сему мы ощущаемъ оное гораздо живѣе, и познаемъ его тогда созерцательно; ибо мы тогда имѣемъ созерцательное познанїе предмета, когда оный представляемъ гораздо живѣе знака. Простосердечное выраженїе тогда доставляетъ намъ познанїе *совершенно созерцательное* и *ощутительное*, когда, посредствомъ онаго, мы замѣчаемъ множество характеровъ: слѣдовательно *простосердечное* сообразно съ цѣлїю изящныхъ искуствъ, ибо ихъ начало состоитъ въ представленїи *ощутительно-совершенномъ*.—

Вотъ причина, по которой мы назвали *простосердечнымъ* выраженїе *высокаго* перваго рода; ибо знаки онаго просты, и безъ всякихъ украшенїй; а высокое, такъ же какъ и великое, находится въ самомъ означаемомъ предметѣ. Нужно такъ же за-

мѣтить, что Артистъ не долженъ никогда употреблять выраженія простосердечнаго, или такихъ знаковъ, кои находятся ниже означаемаго предмета, когда обстоятельства, дѣйствительныя чувства и характеръ лицъ, имъ вводимыхъ, не даютъ ему права предпочесть сіи знаки тѣмъ, коихъ благородство равнялось бы благородству предмета, что и встрѣчается въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) въ первомъ родѣ *высокаго*, а особенно, въ случаяхъ возвышенныхъ, и, какъ мы выше сказали, въ страстяхъ; 2) въ пастушескихъ стихотвореніяхъ, въ которыхъ можно ожидать отъ дѣйствующихъ лицъ — мыслей и чувствъ, а непринужденности выученныхъ выраженій; 3) въ рѣчахъ, влагаемыхъ въ уста невиннаго дитяти, какъ напр. Іоаса, (Joas) *въ Гоѳоліи* Расина, гдѣ сей юный Царевичъ дѣлаетъ Гоѳоліи, въ самыхъ простыхъ выраженіяхъ, жестокіе упреки; или, какъ маленькая Арабелла, въ твореніи Лессинга, (miss Sara Sampson) въ которомъ сіе дитя говоритъ съ необыкновенною кротостію и спокойствіемъ, въ ту самую минуту, когда души Меллефонда и безчеловѣчной Мавроды терзаются ужасными страстями. — Въ семъ же родѣ мы находимъ удивительное мѣсто у Гомера, гдѣ юный Астіанаксъ, устрашенный развѣвающимися перьями на шлемѣ своего отца, кидается въ объятія своей кормилицы, въ то время, какъ Гекторъ напечатлѣваетъ на устахъ Андромахи послѣдній поцѣлуй. — 4) Наконецъ въ комедіяхъ, и вообще — въ шуточныхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ противуположность между выраженіемъ и предметомъ можетъ сдѣлаться смѣшною; какъ, напримѣръ, въ мѣстѣ, которое мы уже приводили

изъ комедіи: *Жоржъ Дандинъ*, равно какъ и въ комедіи, Школа женъ: (L'Ecole des Femmes) того же Автора, въ которой Агнеса, со всею возможною простотою, разказываетъ подозрительному Арнольфу, вольное обхожденіе, какое она позволила Горацію имѣть съ нею; обращеніе, которое само по себѣ, или покрайней мѣрѣ съ его стороны, могло быть невиннымъ, но которое возбуждаетъ въ душѣ Арнольфа самую сильную ревность. —

Вотъ почему *простосердечное* (naif) обыкновенно возбуждаетъ въ насъ чувство веселости очень близкое къ смѣху; ибо простота выраженія съ достоинствомъ предмета, или съ послѣдствіями, какія оно можетъ имѣть, производитъ нѣкоторый родъ противуположности, которая нравится и развеселяетъ; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ сіе состояніе души не противурѣчитъ самому печальному чувствованію. Андромаха, утопающая въ слезахъ, улыбается простосердечному ужасу маленькаго Астіанакса. Невинность юной Арабеллы раждаетъ на устахъ всѣхъ зрителей улыбку, ни мало не уменьшая тѣмъ дѣйствія, производимаго ужаснымъ состояніемъ Мелефонта и Мавроды. Нетрудно доказать, что простосердечное можетъ быть какъ комическое такъ и трагическое, или то и другое вмѣстѣ. Все зависитъ отъ участія, нами принимаемаго въ дѣйствующихъ лицахъ драммы: изъ сего легко заключить,— сколь неосновательно мнѣніе тѣхъ Критиковъ, кои силятся изгнать изъ рода трагическихъ произведеній всякое чувство, могущее возбуждать смѣхъ до извѣстной степени. — Сей предметъ требуетъ

изслѣдованїя обширнѣйшаго, но онъ не входитъ въ планъ моего сочиненїя. —

У Меланѳїя спрашивали, какъ онъ думаетъ объ одной Денисовой Трагедїи: я не могу судить объ этомъ, отвѣчалъ онъ; куча словъ, коими она завалена, закрывала ее отъ меня. Я не говорю, чтобы сїя же самая причина препятствовала намъ произнесть сужденїе о твореніяхъ Г. Моза, и мы скорѣе его сравнимъ съ тѣми древними памятниками Рима, коихъ часть, углубленная въ землю, была гораздо значительнѣе той, которая возвышалась надъ поверхностїю земли (*).

ПРИМѢЧАНІЕ

(Рускаго Переводчика.)

Ежели, съ одной стороны, по выраженїю Г. Моза, *высокимъ* называется то, что необыкновенною степенью совершенства способно возбудить удивленїе; съ другой же, по мнѣнїю моему, понятїе о необыкновенной степени совершенства имѣетъ свои относительныя степени — какъ къ совершенствамъ созерцаемаго предмета, такъ и къ совершенству созерцательныхъ способностей созерцателя: то не правильнѣе ли было бы опредѣлить истинно высокое, сказавъ: истинно *высокое* есть послѣднее, т. е. *катехзохическое* совершенство предмета, или открытой въ немъ великой

(*) Примѣч. А. Арнода, Французскаго Переводчика.

истины, достойно обнаруженной дѣйствïемъ самаго созерцаемаго предмета, или постигнутое и выраженное словами созерцателя? — и въ семъ случаѣ нѣтъ другаго *высокаго*, кромѣ Бога, и всего того, что непосредственно отъ Бога проистекаетъ и — къ Богу; такъ какъ нѣтъ другой верховной истины, кромѣ одного Бога: всякое другое исключенïе, или подраздѣленïе въ *высокомъ*, было бы уничижительно для *высокаго*, такъ какъ всякое исключенïе и подраздѣленïе истины въ Богѣ — было бы уничижительно для Бога. Sunt certi denique fines, сказалъ Горацïй, Quos ultra citraque nescit consistere rectum; а я скажу: есть наконецъ извѣстные предѣлы, ниже коихъ нѣтъ истинно *высокаго*. Нехочу чрезъ сïе унизить множество превосходныхъ мѣстъ, какъ въ языческихъ, такъ и въ Христïанскихъ твореніяхъ, признанныхъ лучшими Эстетиками за высокïя: мое намѣренïе было чрезъ сïе сказать, что вещи тогда только имѣютъ истинную свою цѣну, когда называютъ оныя по ихъ имени. Нѣтъ сомнѣнïя, что героическая рѣшимость Регула, безтрепетно и произвольно претерпѣвающаго ужаснѣйшïя муки, дабы, съ одной стороны, соблюсть святость данныхъ обѣтовъ, съ другой — спасти свое отечество отъ стыда и уничиженïя, — есть такой завидный подвигъ, такое умилительное зрѣлище, которыя наполняютъ душу созерцателя благодарнымъ удивленïемъ: *воздадимъ Кесарева Кесареви*, и пожелаемъ многимъ Христïанамъ гражданскихъ добродѣтелей Регула, Кодра и Курцïя; но не скажемъ, что предѣлъ добродѣтелей Регула, Кодра и Курцïя есть предѣлъ добродѣтелей Христïанина. Добродѣтели

первыхъ прекрасны, величественны, трогательны; но это суть *листвія*, по свидѣтельству Св. Іоанна, *во исцѣленіе языкъ*. Замѣтьте, говоритъ правдолюбивый Дю-Тоа, что для нихъ опредѣлены *листвія*, а не настоящій плодъ сего небеснаго древа, которое происходитъ единственно отъ сѣмени божественной любви. (Бож. Фил. Ч. 2. стр. 125.) И дѣйствительно, сей неустрашимый Регулъ, пожертвовавшій всѣмъ для чести своего отечества, самою жизнію, принесъ добродѣтели самомалѣйшую жертву; ибо все сіяніе славы столь великаго подвига сосредоточено было въ Регуловомъ *я*, которое неповрежденно ускользнуло отъ варварскихъ истязаній Карѳагенянъ. Но одно только *я*, заколенное на олтарѣ совершеннаго самоотверженія, есть истинно высокая въ человѣкѣ жертва; а слѣдовательно и дѣйствіе принесенія оной есть истинно *высокое* въ изящномъ. Мнѣ скажутъ, можетъ быть, словами Спасителя: никто же больше любве сей имать, да иже кто положитъ душу свою за други? Знаю, и вѣрю сему отъ всего сердца; но вѣрю не менѣе сего и тому, что сей же Спаситель требуетъ отъ человѣка любви къ Богу большей, нежели къ искреннѣйшему другу: любви всѣмъ сердцемъ, всею душею и всѣмъ помышленіемъ; замѣтьте, что Онъ въ сихъ трехъ дѣйствіяхъ любви разумѣетъ отверженіе отъ чувства, сильнѣйшаго, нежели чувство жизни: то есть, отъ самаго утонченнаго Гельвеціева intérêt, которымъ пожертвовать труднѣе и достославнѣе, нежели тысячью жизней. Прошу, говоритъ тотъ же Дю-Тоа, для собственной чести, не смѣшивать степеней добродѣтелей; а я,

для той же чести, прошу не смѣшивать признаковъ *высокаго*. Прошу, продолжаетъ онъ, показать мнѣ въ язычествѣ чистую добродѣтель, совершенно изъятую отъ всякой гордости, заражавшей всѣ доблести язычниковъ до того, что они и сами въ этомъ сознаются..... Они даже столь мало пеклись о сей высочайшей и чистѣйшей добродѣтели, что не стыдились превозноситься своею гордостїю: Vicit amor patriae laudumque immensa cupido. (Бож. Фил. Ч. 2. стр. 130.)

Но высокое дѣйствїя Сократа, добродѣтельнѣйшаго изъ язычниковъ, о которомъ восхищенный Эразмъ, въ благодарномъ умиленїи души, восклицаетъ: Vix tempero mihi, quin dicam: Sancte Socrates! ora pro nobis, высокое, говорю, дѣйствїя Сократа въ Сократѣ можетъ по истинѣ назваться высокимъ.— О сколь превосходенъ былъ поступокъ Сократа! говоритъ правдолюбивый Дю-Тоа; онъ подходитъ къ духу Христїанства и къ поступкамъ первыхъ Христїанъ, допускавшихъ мучить себя безпрекословно. Мысль о немъ часто восхищала меня и приводила въ изумленїе. О немъ судить должно не по хладному разуму, но по здравому смыслу, по истинному чувству души, по умиленїю сердца, способнаго имѣть высокїя чувствованїя и прямо великїя мысли. Есть обстоятельства, гдѣ сопротивляющееся величїе души ни что иное есть, какъ ложное и даже преступное величїе, и въ сихъ обстоятельствахъ истинное величїе души и истинная слава состоятъ въ томъ, чтобы умѣть смиряться и терпѣть.

Умирать въ мукахъ невинному предъ лицемъ всего свѣта, — и исторгать хвалы удивленія у самыхъ мучителей — велико, достославно; но непорочному испускать дыханіе въ темницѣ съ именемъ развратителя юношества, чувствовать невинность, и умирать какъ виновному, запечатлѣть смертію истину, которую пронесутъ люди яко хулу и ложь — ужасно, но *высоко*! Не дерзаю уже сказать: умалиться Богу паче сыновъ человѣческихъ, дабы искупить преступныхъ человѣковъ, — и быть пригвождену ими къ древу поношенія посреди разбойниковъ; изнемогать подъ бременемъ лютыхъ мученій, поруганій и посмѣянія отъ злодѣевъ, и въ тоже время истаевать любовію къ нимъ и восклицать: Отче! прости имъ; невѣдятъ бо что творятъ.... О Искупителю мой! какъ нареку сіе? высокимъ ли? или уничижительнымъ? Я безгласенъ: пускай за меня отвѣтствуютъ раздравшаяся церковная завѣса, потрясшаяся земля, разверзшіеся гробы Святыхъ и вопіющіе камни; все, что я могу произнесть при семъ, о Іисусе! есть то, что *высокое* въ дѣйствіи и словѣ человѣческомъ есть подражаніе тому, что Ты творилъ и вѣщалъ для человѣковъ; а уничижительное есть все то, чего Ты не повелѣлъ и недѣлалъ.

Высокое, по мнѣнію моему, въ дѣйствіи человѣка есть совершенное препобѣжденіе въ немъ поврежденнаго нравственнаго естества, такъ, что всѣ дѣйствія, происходящія отъ разрушенія онаго, будутъ носить на себѣ печать высокаго; и въ семъ значеніи я готовъ принять Мозово опредѣленіе *высокаго* необыкновенною степенью совершенства,

способнаго производить удивленїе. Что же касается до *высокаго* въ дѣйствїяхъ природы или вселенной, то въ ней все начнетъ, такъ сказать, *обысокотворяться* по мѣрѣ того, какъ падшїй разумъ, въ своемъ возстанїи, будетъ возвышать оную къ Богу. Поелику же сїе возстанїе бываетъ постепенно: то и во всемъ процессѣ онаго возвышенїя вы будете усматривать — какъ въ дѣйствїяхъ человѣка, такъ и въ созерцанїи и выраженїи дѣйствїй природы постепенность возвышенности, которая простирается въ одномъ выше, въ другомъ ниже, смотря по преуспѣянїю помянутаго возстанїя: точка же, на которую вознесшись человѣкъ, сосредоточитъ себя и природу въ Богѣ, есть тотъ священный предѣлъ, съ котораго начинается и простирается до безконечности истинно *высокое* въ дѣйствїяхъ человѣка и вселенной; не говорю уже ничего о способѣ выраженїя тѣхъ и другихъ, какъ о неминуемомъ послѣдствїи способа понятїя оныхъ: Ce que l'on conçoit bien, s'énonce clairement. По сей то причинѣ нѣкоторыя черты изображенїя дѣйствїй Бога и природы въ нашихъ священныхъ книгахъ глубоко поражаютъ самыхъ закоснѣлыхъ враговъ Божественнаго слова, и невольно изводятъ изъ ихъ окаменѣвшихъ сердецъ признанїе *высокости* оныхъ, подобно какъ Моисей извелъ воду изъ камени въ пустынѣ. Такимъ образомъ: *да будетъ свѣтъ; одѣяйся свѣтомъ яко ризою; простираяй небо яко кожу; ходяй на крылу вѣтреннюю; творяй Ангели своя духи — и слуги своя пламень огненный*; или *коснешся горамъ, — и дымятся*, и безчисленное множество другихъ мѣстъ Св. Писанїя,

по собственному признанїю враговъ онаго, принадлежатъ къ роду истинно *высокаго;* и при всемъ томъ — не забудемъ, что большая часть Эстетиковъ, и едвали не всѣ, носящїе сїе титло, судятъ о *высокомъ* выше приведенныхъ выраженїй по одной внѣшней одеждѣ оныхъ, или, лучше сказать, по однимъ нѣмымъ звукамъ буквъ, исчезающимъ въ ихъ слухѣ и никогда недоходящимъ къ истинному уразумѣнїю ихъ сердца, — такъ — какъ мнимые любители гармонїи судятъ о прїятности мусикїйскихъ звуковъ по ощущаемому ими въ слухѣ прїятному отзыву, не имѣя понятїя о томъ, — какое именно чувство хотѣлъ выразить Артистъ въ каждомъ изъ тѣхъ звуковъ? Что же сказали бы они тогда, когда бы постигнули, — что значитъ сей *свѣтъ*, который *сыетъ?* Что значатъ сїи крыла вѣтренныя, на коихъ ходитъ *Сый* во вѣки? Что значатъ сїи духи, которыхъ Онъ творитъ своими Ангелами? сей пламень огненный, который Онъ творитъ своими слугами, сей свѣтъ, которымъ Онъ одѣвается *яко ризою?* сїе *простертїе неба яко* кожи, и коего *гадательное прообразованїе* зримо было на ризѣ Первосвященника во храмѣ Іерусалимскомъ? Что сказали бы они, когда бы уразумѣли, — что значитъ сїе всемогущее прикосновенїе, отъ котораго дымятся горы, и кто суть сїи горы? Что сказали бы они, когда бы удостовѣрились, что въ Священномъ Писанїи все, начиная отъ изображенїя кедра Ливанскаго до приморской песчинки, все, говорю, назначено печатїю *высокаго?* Что сказали бы они? — невѣдаю: знаю только то, что они со стыдомъ отреклись бы отъ законовъ Эсте-

тики, начертанныхъ ими до нынѣ; положили бы во главу угла оной доселѣ невѣдомые имъ законы прямо изящнаго, отъ которыхъ однихъ только можно ожидать благодѣтельнаго вліянія Словесныхъ Наукъ на гражданскія общества, и безъ которыхъ мы съ такимъ же намѣреніемъ и успѣхомъ будемъ проповѣдывать пользу оныхъ, съ какими Шарлатанъ продаетъ легковѣрному больному безполезный и часто вредный порошокъ за крѣпительное лѣкарство.

Въ самомъ дѣлѣ, что есть большая часть нашихъ Риторическихъ, Поэтическихъ и Эстетическихъ трактатовъ, какъ не рабская, и то часто весьма неудачная компилляція трактатовъ Аристотеля, Горація, Цицерона, или Квинтиліана? ежели изящное, по выраженію Французскихъ Эстетиковъ, есть подражаніе природѣ: то ничего нѣтъ несовершеннѣе сихъ трактатовъ; ибо Аристотель, Горацій, Цицеронъ, Квинтиліанъ — совсѣмъ иначе взирали на природу, нежели какъ долженъ взирать на оную Христіанинъ: а слѣдовательно и совсѣмъ иначе подражали оной. Христіанинъ долженъ имѣть свою Риторику, Поэтику и Эстетику, такъ какъ онъ долженъ имѣть свою Философію. Почтимъ въ Аристотелѣ, Горація, Цицеронѣ, Квинтиліанѣ и Платонѣ то, что достойно почтенія, такъ какъ мы почтили достойное уваженія въ Кодрѣ, Курціи и Регулѣ; пожелаемъ нашимъ Риторамъ, Эстетикамъ и Философамъ благоразумія Аристотеля, Горація, Цицерона, Квинтиліана и Платона; но не скажемъ опять, что предѣлъ ихъ законовъ въ Изящныхъ наукахъ, Искуствахъ и Философіи долженъ служить

предѣломъ оныхъ для Христїанина. Знаю, и совершенно увѣренъ я въ томъ, что въ народѣ Словесниковъ есть Іудеи и Еллины, и что по сему слова мои однимъ будутъ въ соблазнъ, другимъ же въ безумїе; но неменѣе сего знаю и то, что между ими есть души благонамѣренныя, для коихъ утѣшительно помыслить, что преподаванїе у насъ Словесныхъ Наукъ возъимѣетъ нѣкогда направленїе, достойное высокаго званїя человѣка — Христїанина. Но доколѣ Риторическїя общїя мѣста, loci communes, останутся у насъ въ такомъ понятїи, въ какомъ оставались доселѣ; доколѣ источникомъ и пружиною изящнаго будутъ такъ называемыя страсти, то есть: доколѣ сїи послѣднїя, прошедши сквозь очистительное пламя Христїанской Психологїи и Философїи, не сольются въ одно чувство вездѣ присущаго Богоощущенїя, или, что все равно, безусловной любви къ Богу, дотолѣ все наше *высокое* въ области литературной будетъ только *страстное* или, возвышенное, или, назовите оное какъ угодно, но только не *высокимъ*.

Но хотите ли вы видѣть истинно *высокое* въ такомъ человѣческомъ дѣйствїй, въ которомъ ниодно земное чувство неимѣетъ участїя? послѣдуйте за Авраамомъ на *гору видѣнїя* и посмотрите, какъ сей Святый Отецъ вѣры, сей Боголюбивый Авраамъ заноситъ десницу свою на закланїе единороднаго, добродѣтельнѣйшаго, непорочнѣйшаго Исаака, о сѣмени котораго, по глаголу самаго Бога, должны были *благословиться вси языцы земнїи* (Быт. 22. ст. 18). Это не Брутъ, закалающїй своего сына изъ мщенїя гнусному тирану; это не Торкватъ Ман-

лій, повелѣвающій Ликтору: I, Lictor, совершить казнь надъ сыномъ, нарушившимъ суровые законы Римской дисциплины; это наконецъ не грозный Горацій, терзающійся стыдомъ за отступленіе своего сына съ мѣста битвы и прозносящій такъ называемое *высокое* mourir въ Корнелевыхъ Гораціяхъ и Куріаціяхъ: это добродѣтельнѣйшій изъ смертныхъ Авраамъ, безропотно готовящійся принесть въ жертву непорочнѣйшаго сына, по одному мановенію Бога, того самаго Бога, котораго обѣтованіе — умножить сѣмя Авраамле яко песокъ морскій, долженствовавшее быть непреложнымъ, вдругъ имѣло разрушиться къ величайшей скорби нещастнѣйшаго отца, къ стыду всего Божіяго народа, къ его посмѣянію и къ поношенію во языцѣхъ сего самаго Бога, котораго словеса не преходятъ даже и тогда, когда небо и земля мимо идутъ. Положеніе ужаснѣйшее! требованіе прекословнѣйшее! жертва неслыханная! и какой въ свѣтъ Регулъ могъ бы отважиться на принесеніе оной! не сказалъ ли бы онъ въ отвѣтъ на вопросы своего сына, подобно какъ Агамемнонъ отвѣчалъ на вопросы смущенной своей дочери:

Les Dieux, depuis un temps, me sont cruels et sourds...
Puissé-je auparavant fléchir leur injustice!

Iphigénie. Acte. II. Scène II.

и, сказавъ сіе, не уничтожилъ ли бы онъ всей великости приносимой имъ жертвы? или, принесши оную съ терпѣніемъ, не воскликнулъ ли бы онъ съ Павломъ Эмиліемъ: Ego et Perseus nunc—nobilia maxime sortis mortalium exempla spectamur!..... neque ex tanta stirpe (promissa) liberûm superest, qui L. Æmilii Pauli nomen

ferat? T. Liv. Lib. XLV. Cap. 41). Это ли высокое дѣйствїя и выраженїя того человѣка, который за минуту до сего говорилъ:

Neque erat, quod ultra precarer, illud optavi, ut, quum ex summo retro volvi fortuna consuesset, mutationem ejus domus mea potius, quam respublica sentiret?

T. Liv. ibid. supra,

Не сказалъ ли бы и сынъ его, уготованный къ закланїю въ слова Клитемнестры:

Un oracle fatal ordonne (que j') expire:
Un oracle dit-il ce qu'il semble dire?
Le ciel, le juste ciel, par le meurtre honoré,
Du sang de l'innocence est-il donc altéré?

Iphigénie. Acte IV. scène IV.

и сказавъ сїе, не унизилъ ли бы онъ всей цѣны и пожертвованїя собою и сыновняго повиновенїя? предоставляю отвѣчать на это всѣмъ великимъ геромъ языческаго мїра, принесшимъ себя въ жертву благу своихъ согражданъ; я же замѣчу только то, что ни одинъ изъ нихъ не простился съ жизнїю иначе, какъ прощалась съ Ахиллесомъ уготованная въ жертву Ифигенїя, въ Расиновой трагедїи сего имени:

J'espère que du moins un heureux avenir
A vos faits immortels joindra mon souvenir,
Et qu'un jour mon trépas, source de vorte gloire,
Ouvrira le récit d'une si belle histoire.

Acte V. scène II.

Но Авраамъ безропотенъ, безмолвенъ Исаакъ;... священный ножъ направленъ въ сердце; рука удержана Ангеломъ;.. испытанїе совершилось;.... восторжествовала вѣра, предусмотрѣнная Богомъ

прежде даже мїрЪ не бысть; но забытая мїромЪ, и коей живый образЪ потребно было Богу напечатлѣть предЪ лицемЪ всѣхЪ людей на послушанїи Авраама. ВотЪ *высокое* дѣйствїя въ человѣкѣ, и однакожЪ непредставленное, кажется, въ образецЪ таковаго ни однимЪ Эстетикомъ! Ежели же вся языческая древность, между величайшими образцами добродѣтелей своихЪ героевЪ, своихЪ мнимыхЪ — произвольныхЪ мучениковЪ, не въ состоянїи представить намЪ подобнаго *высокаго* въ дѣйствїи, то что уже сказать о тѣхЪ ея мнимыхЪ мученикахЪ, которые отражали силу силою, или пали подЪ ударами насильственной смерти? КакЪ ни облагорживайте, на примѣрЪ, въ Трагедїи, или въ чемЪ угодно, великодушную кончину Германика, но вы въ ней ничего не найдете высокаго, по истинному понятїю о *высокомъ*; я раскрываю Тацита, читаю: Si fato concederem, justus mihi dolor etiam adversus Deos esset, quod me parentibus, liberis, patriae, intra juventam praematuro exitu raperent, (Tacit. Annal. Lib. II. Cap. 71.) какЪ ни возвышайте характерЪ сего героя, но вы его никогда безЪ нарушенїя истины не возвысите до *высокаго*; ибо я читаю далѣе въ Тацитѣ: Non hoc praecipuum amicorum munus est prosequi defunctum ignaro questu; sed quae voluerit meminisse, quae mandaverit exsequi; а чего онЪ желалЪ? то онЪ выразилЪ выше: онЪ требовалЪ мщенїя своимЪ убїйцамЪ: erit vobis locus querendi apud Senatum, invocandi leges etc. (Idem ibidem) и вѣрю охотнѣе Тациту, нежели всѣмЪ Трагедїямъ; потому что сей Историкъ, по свойству понятїя язычника о добродѣтели, представилЪ го-

ворящимъ Германика съ наилучшимъ намѣренїемъ и достойнымъ его образомъ.

Но хотители видѣть живый образъ выраженїя истинно *высокаго?* ищите его въ глубочайшемъ смиренїи Христїанскаго сердца; такъ, въ глубочайшемъ смиренїи Христїанскаго сердца; ибо языческое *высокое* стоитъ на подоблачной высотѣ гордости; и, какъ Христїанину нѣтъ общенїя съ язычникомъ, такъ Христїанскому *высокому* нѣтъ ничего общаго съ *высокимъ* языческимъ. Внемлите гласу небеснаго смиренїя, подобно кроткому гласу пустынной голубицы, раздающемуся въ пустынѣ беззаконнаго мїра: *Се раба Господня! буди мнѣ по глаголу твоему.* Вотъ высокое выраженїя, предъ которымъ все высокое, изреченное язычниками во всѣ времена, покажется ниже, нежели низко. Что значитъ въ сравненїи съ симъ Горацїево:

Si fractus illabatur orbis,
Impavidum ferient ruinae? или Сенеки:

Ecce spectaculum dignum, ad quod respiciat intentus operi Suo Deus, ecce *par Deo dignum*, vir *fortis* cum mala fortuna compositus (Senec. de providentia. C. II.)? Посему то Расиново: Je *crains* Dieu, cher Abner, et n'ai point d'autre crainte, (Гоѳолїя. Дѣйств. I.) по мнѣнїю моему выше всей этой Стоической хвастливости: impavidum и par Deo dignum.... vir fortis. etc. и для умѣющаго читать въ человѣческомъ естествѣ прямое достоинство человѣка, слово — *je crains*, покажется выше всякаго — *je ne crains rien.*

Не знаю, обращали ли когда либо Эстетики вниманїе на высочайшее изреченїе Божественной и пренепорочной Матери — Дѣвы; ибо въ ономъ нѣтъ

ничего громкаго: это такое *высокое* уничиженїе, отъ котораго язычники, говоря словами Виргилїя, toto absistunt luco! Я осмѣливаюсь только думать, что самое Священное Писанїе не представляетъ намъ ничего выше; оно совершенно равняется высочайшему Fiat и *совершившаяся*. Въ сихъ словахъ: *рабѣ* и *буди*, отверзсты двѣ неизслѣдимыя бездны Божественнаго всемогущества и любви, однимъ словомъ: это есть совершеннѣйшее сотвореніе новаго мїра изъ слова *раба* и Гармонїи его изъ слова *буди*; первое соотвѣтствуетъ превѣчному: *да будетъ свѣтъ*, второе явленїю свѣта: и *бысть!*

Хотители наконецъ видѣть образъ высокаго Божественнаго въ дѣйствїяхъ и выраженїяхъ, достойныхъ дѣйствователя и выражателя? Раскройте книгу Евангелїя, читайте: миръ вамъ; возстани, возьми одръ твой и ходи; азъ есмь свѣтъ; азъ есмь Алфа и Омега; внемлите суду Спасителя, изреченному женѣ прелюбодѣйцѣ, осужденной на побіенїе каменїемъ, внемлите, падите вопрахъ — и благоговѣйте!.....

Не настаиваю болѣе на приведенїи примѣровъ истинно *высокаго* изъ книгъ Священныхъ, болѣе затрудняемый безчисленностїю таковыхъ образцевъ, нежели устрашаемый недостаткомъ оныхъ; не настаиваю равномѣрно въ убѣжденїи нехотящихъ вѣрить высокости приведенныхъ мною примѣровъ; ибо знаю, что ничего нѣтъ труднѣе, какъ мнимаго зрячего увѣрить въ томъ, что онъ ничего невидитъ.

Самъ Божественный Врачь душъ и тѣлесъ неиначе возвратилъ зрѣніе слѣпцу, какъ помазавъ очи его бреніемъ; то есть, просвѣтилъ его посредствомъ новаго ослѣпленія. О Іисусе! положи и на наши умственные взоры благодатный твой коллуріи, дабы и мы, мнящіе все видѣть, ослѣпнувъ для всего, что доселѣ казалось намъ столь свѣтлымъ внѣ Тебя, узрѣли наконецъ въ Тебѣ то, чего до нынѣ не могли, или не хотѣли видѣть! —

СПбГУ

VII. Рѣчь о любви къ Отечеству.

Студен. Александра Попова.

Естьли бы чудесный даръ слова всегда соотвѣтствовалъ желанію говорящаго, естьли бы краснорѣчіе ограничивалось одними чувствами душевными, естьли бы и слабыя дарованія и несовершенное витійство, но только одушевленныя любовію къ истинѣ, всегда находили свободный входъ въ сердца слушающихъ, то я смѣлъ бы надѣяться, что мое предпріятіе заслужитъ благосклонное вниманіе ваше, Почтеннѣйшіе Посѣтители! — Представляя въ полной мѣрѣ всю важность предмета, о которомъ желаю говорить, и мысленно разсматривая его, вижу съ одной стороны обширность, важность онаго, съ другой всю ограниченность моихъ дарованій; но — какъ человѣкъ, чувствующій цѣну общежитія, готовящійся посвятить себя на служеніе Отечеству, — я осмѣливаюсь принести ему первый, скудный даръ моихъ понятій о священномъ долгѣ сына Отечества. Умолчу ли я здѣсь о томъ, чтобы не принести предъ лицемъ всѣхъ и каждаго первую дань усердныхъ чувствованій благодарности — вамъ Достопочтеннѣйшіе Наставники и Руководители мои? — Останется ли въ молчаніи гласъ признательнаго сердца, чувствующаго всю цѣну благъ отъ вашего усерднаго попеченія полученныхъ? благъ неотъемлемыхъ отъ насъ ни

временемъ, ни прихотливою фортуною; благъ прочныхъ, составляющихъ истинное утѣшенїе, истинное удовольствїе на скользкомъ поприщѣ жизни: ибо, полученныя отъ васъ, отъ вашихъ наставленїй, совершенныя, смѣю сказать, понятїя о высокомъ званїи человѣка, о его обязанностяхъ, его назначенїи составляютъ истинное, неотъемлемое никѣмъ и никогда наше благо; вамъ обязанъ каждый изъ насъ безцѣннымъ познанїемъ усматривать во всемъ благодѣющую руку Вседержителя — и всегда благословлять ее; идти безъ ропота по тѣсному пути жизни сей, — и всегда видѣть передъ глазами священный, искупительный крестъ Спасителя, предохранять себя въ пути своемъ отъ подводныхъ камней и пучинъ, и съ вѣрою, съ надеждою въ душѣ обращать взоръ свой къ источнику всего: „Имъ же вся быша и ничто же безъ Него!—

Любовь къ Отечеству — подъ которою разумѣю сильное, ничемъ неослабляемое, постоянное желанїе споспѣшествовать благу общества, котораго мы члены, — есть врожденное, такъ сказать, чувство въ человѣкѣ, на природѣ его основанное, которое мудрый Творецъ запечатлѣлъ въ сердцѣ каждаго для его щастїя и благоденствїя; она есть единственная, незыблемая связь общества, для котораго въ сей жизни предопредѣленъ человѣкъ; она крѣпитъ сїю связь и доставляетъ тѣ неоцѣненные плоды гражданственности, которыми онъ достоинъ наслаждаться; это могущественное основанїе, на которомъ зиждутся, возрастаютъ, цвѣтутъ и славятся государства; это главная пружина, которая движетъ и управляетъ сердцами

милліоновъ; это неумолкаемый гласъ, раздающійся въ сердцѣ человѣка съ первой минуты его понятія о себѣ, до послѣдняго вздоха жизни, если только душа его не унизится презрѣннымъ эгоизмомъ.

Разсматривая человѣка съ того самаго времяни, какъ только онъ въ состоянїи устремить взоръ могущій различать предметы его окружающїе, первыя впечатлѣнїя, первыя идеи, по чудесному устроенїю его сердца, остаются въ продолженїи цѣлой жизни неизгладимыми; и, не смотря на большїй, обширнѣйшїй кругъ его дѣятельности, не смотря на пространство, полагаемое временемъ, не смотря на различные случаи, увлекающїе его за собою, онъ любитъ воспоминать ихъ, любитъ переноситься мысленно въ тотъ кругъ, въ которомъ впервые знакомились съ свѣтомъ его новыя чувства. — Тамъ всё занимаетъ его — отъ существъ подобныхъ ему до предметовъ неорганическихъ: и маловодный ручей, склонявшїй его своимъ тихимъ журчанїемъ къ покою, и сѣнистое дерево, скрывавшее его отъ зноя солнца, и цвѣтущїй лугъ, на которомъ удивлялся первый, любопытный взоръ его чудесной красотѣ цвѣтовъ и съ котораго разсматривалъ необозримый сводъ неба и пространство тверди небесной... Воображенїе его, хотя уже непылкое, уже охлаждаемое лѣтами, при видѣ предметовъ поражавшихъ его первыя чувства, еще представляетъ дѣйствїя и привычки младенчества и юности, еще силится, такъ сказать, воскресить въ умѣ своемъ обстоятельства давноминувшїя, и находитъ въ этомъ утѣшенїе. — И такъ, вотъ начало, вотъ первый источникъ сокровенный въ

сердцѣ человѣка — сего благороднаго, сего пламеннаго чувства любви къ Отечеству! —

Нужно ли доказывать здѣсь истинну всѣмъ извѣстную, всѣми принятую, что человѣкъ рожденъ для общества? Что оставленный съ рожденія своего на произволъ случая былъ бы онъ жалкое существо (*), и орудія данныя ему отъ Творца для отличія и первенства надъ всею природою, послужили бы на каждомъ шагу къ его гибели и уничтоженію? — Но Исторія сотворенія человѣка, переданная намъ Боговдохновеннымъ — Моисеемъ (**) и періодъ младенческій рода человѣческаго, уже оставляя другія, суть неоспоримыя, истинныя доказательства того, что человѣкъ предопредѣленъ для общества, которое можно разумѣть и въ смыслѣ обширномъ и въ смыслѣ тѣсномъ; въ первомъ случаѣ разумѣю всѣхъ людей, обитающихъ на земномъ шарѣ, а во второмъ собраніе извѣстное людей, составляющихъ какое либо Государство. —

Достигши съ теченіемъ лѣтъ той степени, когда человѣкъ уже можетъ употреблять силы и способности свои по собственному чувству и руководству разума, вступая въ кругъ гражданъ и дѣлаясь, такъ сказать, дѣйствительнымъ членомъ общества, забудетъ ли онъ тѣ чувства благодар-

---

(*) См. извѣстіе Дежерандо о дикомъ мальчикѣ, найденномъ въ лѣсахъ Каннскихъ и привезенномъ въ Парижъ Профессоромъ Бокашеромъ — въ Пантеонѣ Иностран. Словесности Г. Карамзина Ч. III. Стр. 13 — 20. —

(**) Бытія гл. 2. —

ности за его сохраненїе, за его воспитанїе въ младенчествѣ и юности — тому обществу, которому съ первой минуты жизни своей всемъ обязанъ? — Укроется ли отъ взоровъ его первый, священный долгъ споспѣшествовать благу общества, котораго имя Гражданина на себя принялъ. Можетъ ли онъ быть хладнокровнымъ жителемъ, когда слышитъ призывающїй гласъ Отечества? И, если умъ его, блуждая среди ложныхъ понятїй, останется безмолвнымъ, то ему напомнитъ сердце о его долгѣ; ибо природа наша такъ устроена, что мы имѣемъ врожденныя побужденїя и стремленїя, имѣемъ внутреннїй гласъ — направляющїй нашу волю къ дѣйствїямъ. — Сїи то врожденныя побужденїя, сей внутреннїй гласъ направляющїй волю нашу, — укрѣпляясь воспитанїемъ и привычками, вмѣстѣ укрѣпляютъ и любовь къ Отечеству, заставляютъ насъ свято чтить его законы, его обыкновенїя — освященныя, такъ сказать, временемъ, уважать всегда — даже малозначущїе обычаи, и всѣ дѣйствїя, всѣ поступки свои направлять къ благу общему, предпочитать его собственному, и, будучи частїю цѣлаго, составлять какъ бы одно съ нимъ тѣло. — Такимъ только образомъ укрѣпляется сей невидимый но всемогущїй — союзъ сердецъ, и на семъ союзѣ зиждется благо всѣхъ и каждаго. — Сїе соединенїе, сїе общество доставляетъ членамъ, какъ бы въ вознагражденїе за ихъ чувства, возможныя блага гражданственности, которыхъ человѣкъ, по внутреннему стремленїю къ лучшему, желаетъ и почитаетъ себя достойнымъ оными наслаждаться. —

И такъ только истинная, живая, такъ сказать, любовь къ Отечеству составляетъ прочное благо и щастïе гражданъ: съ нею не страшны коварные замыслы и сильныя ополченïя другихъ, враждебныхъ народовъ, нападенïе ихъ не сильно противъ любви къ Отечеству; ибо твердая грудь ея мужественно отражаетъ удары порабощенïя и хищничества; съ нею водворяются устройство и порядокъ, научающïя почитать и повиноваться властямъ; съ нею законы гражданъ — суть первые хранители и защитники ихъ, ибо мудрое Правительство издавая оные имѣетъ въ виду одно благо народа; съ нею только извѣстны добродѣтели и гражданскïя и семѣйственныя, ибо тѣ и другïя тѣсно соединены между собою, имѣя общïй источникъ и только различны явленïями; съ нею умножается богатство народа, одобряется промышленность, и избытки природы и искуства обращаетъ дѣятельная торговля къ благу же гражданъ; съ нею наконецъ процвѣтаютъ науки и искуства — какъ благой даръ небесъ — возвышающïй нравственное достоинство человѣка. —

Но чтобы болѣе, чтобы яснѣе увѣриться въ истинныхъ сихъ, разкроемъ Историю вѣковъ прошедшихъ, сïю по словамъ знаменитаго современника нашего — священную въ нѣкоторомъ смыслѣ книгу народовъ, и мы увидимъ, что эпоха истинной любви къ Отечеству была вмѣстѣ эпохою и славы и благоденствïя Государствъ. — Такъ Исторïя Грецïи отъ временъ Персидскихъ войнъ до Филиппа блистаетъ подвигами славы и великïе люди попеременно занимаютъ и удивляютъ наблюдате-

ля: — Такъ Исторія Рима въ первые вѣки Республики до окончанія Пуническихъ войнъ, представляетъ пространное поле дѣйствія добродѣтелей и славы гражданъ, имена великихъ людей сего періода освѣщаютъ передъ нами мракъ вѣковъ давно — минувшихъ и возраждаютъ славное бытіе ихъ Отечества! — Я не разпространяюсь здѣсь подробнымъ представленіемъ дѣяній сихъ временъ, не желаю занимать ими нѣсколько страницъ и утомлять неискуснымъ описаніемъ вниманіе ваше Просвѣщенные Слушатели! того, что вамъ уже болѣе меня извѣстно; и, только кратко укажу на причины склоненія сихъ славныхъ народовъ къ упадку. — Когда властолюбіе Филиппа подкрѣпляемое золотомъ не нашло преграды въ Греціи? — Когда Римъ — сей могущественный колоссъ шагая безпрепятственно отъ величія къ величію и отъ славы къ новой славѣ, удивляя ими и Царей и народовъ — почувствовалъ собственную тягость и открылъ въ нѣдрахъ своихъ волканъ, разжигаемый бурею страстей и наконецъ поглотившій его? — Съ того времяни, какъ истинную любовь къ Отечеству, одушевлявшую гражданъ и укрѣплявшую союзъ ихъ, замѣнила ложная любовь, а вмѣстѣ съ нею водворилось неуваженіе законовъ, развращеніе нравовъ и презрѣніе добродѣтели; тогда то дѣятельность замѣнила праздность обширный, неизсякаемый источникъ гибельныхъ пороковъ; умѣренность уступила роскоши, безкорыстіе — золоту, истинная слава — ложной, на одномъ самолюбіи основанной. — Уже подвиги Мильтіада, Аристида, Эпаминонда, Регула, Цинцинната и Фабриція плѣняли только изнѣжен-

ное воображенїе, но не одушевляли согражданъ; уже доблести людей великихъ, слабо дѣйствуя на души своихъ потомковъ, заглушаемы были гласомъ буйныхъ страстей и развращенїемъ нравовъ; и, хотя являлись по временамъ люди истинно любившїе славу своего Отечества, но сїи Феномены или слабо, или не долго могли дѣйствовать на духъ народа, уже цѣнившаго выше всего сребролюбїе и праздность. —

Теперь позвольте П. П. сдѣлать вопросъ: такой ли имѣла кругъ дѣйствїя любовь къ Отечеству у древнихъ, какъ нынѣ имѣетъ?

Древнїе, понятїе о любви къ Отечеству ограничивали однимъ Отечествомъ своимъ; потому то Греки, потому то Римляне всѣхъ народовъ, неединоплеменниковъ своихъ называли варварами, и почти всегда съ презрѣнїемъ о нихъ отзывались. — Но они неимѣли тѣхъ чистѣйшихъ понятїй, тѣхъ истинныхъ правилъ религїи, которыхъ высокой образецъ показалъ намъ Спаситель, и которые запечатлѣны въ сердцѣ истиннаго Христїанина; понятїя же религїи у всѣхъ народовъ суть основанїя, такъ сказать, всѣхъ прочихъ понятїй, а слѣдовательно и дѣйствїй. — Имъ невѣдомы были сїи правила чистѣйшей нравственности, слова небеснаго Наставника заповѣданныя намъ: „любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ.„ (*) Итакъ мы обнимая любовїю Отечество свое, обнимаемъ и цѣлый мїръ, дѣлая добро своему Отечеству, мы недолжны забывать и иноплеменниковъ по закону вы-

(*) Евангелїе отъ Матѳея гл. 5, ст. 44.

сочайшему, по долгу человѣчества, по убѣжденію сердца. — По сему кругъ дѣйствія любви къ Отечеству теперь гораздо обширнѣе, нежели каковъ былъ онъ у древнихъ, хотя нѣкоторые великіе люди того времяни какъ на пр. Сократъ и Платонъ, имѣя высокія идеи о нравственности, уже обнимали любовію весь родъ человѣческій. —

Итакъ чувство любви ко всему человѣчеству есть верхъ славы человѣка и послѣдняя степень успѣховъ истиннаго просвѣщенія; но должно ли благо какого нибудь общества предпочитать благу своего Отечества? — Не углубляясь въ подробное разсматриваніе сего вопроса, не теряясь въ умствованіяхъ и отвлеченіяхъ, рѣшимъ его такъ, какъ собственное чувство намъ скажетъ, спросимъ у сердца нашего, пусть оно здѣсь отвѣтствуетъ за насъ. — Одинаковыя ли впечатлѣнія произведетъ въ насъ разсматриваніе развалинъ Москвы и развалинъ Пальмиры? Съ одинакими ли чувствами, будучи въ удаленіи отъ Отечества, проводя внѣ онаго долгое время, услышимъ мы разговоръ Американца или разговоръ Россіянина? — Кому бы мы подали помощь въ нещастномъ и вмѣстѣ подобномъ случаѣ чужестранцу или соотечественнику своему? Съ одинакими ли чувствами услышали бы мы о подвигахъ славы гражданъ своего Отечества или другаго Государства? — Такъ, есть въ сердцѣ нашемъ тайный, неумолкаемый гласъ, который говоритъ, который напоминаетъ намъ объ Отечествѣ. —

Любви къ Отечеству нельзя никогда научиться, все равно какъ любить и почитать родителей:

ибо, сему научаетъ, симъ обязываетъ насъ сама природа; мы по внутреннему чувству знаемъ, увѣрены что это долгъ каждаго и долгъ священный. — И только по всеобщему закону усовершенствованїя можно усовершить, можно направить, такъ сказать, сїе чувство, дать ему настоящїй, истинный кругъ дѣйствїя и показать заблужденїя, даже иногда отъ желанїя добра происходящїя.

Но всѣ ли граждане въ одинаковой степени могутъ питать любовь къ Отечеству? — Хотя каждый человѣкъ получаетъ отъ природы способности Физическїя и Нравственныя, а вмѣстѣ съ ними наклонности и побужденїя воли, усовершаемыя и увеличиваемыя съ лѣтами и съ обстоятельствами его жизни, а слѣд. должно бы, какъ кажется, и во всякомъ и во всѣхъ находиться въ одинаковой степени сїе чувство; но мы видимъ противное, видимъ что не всѣ люди равно могутъ питать любовь къ Отечеству; причины этому заключаются и въ существѣ самаго человѣка и въ обстоятельствахъ постороннихъ: различїе дарованїй въ людяхъ, различїе предметовъ поражающихъ новыя чувства, различныя обстоятельства жизни дѣйствующїя совершенно на волю и дающїя направленїя ей такъ, или иначе; потомъ воспитанїе, образъ жизни, религїя и даже наконецъ правленїе — вотъ причины неодинаковости сего чувства въ людяхъ! — А потому-то и высшую степень любви къ Отечеству называемую патрїотизмомъ — и предполагающую уже нѣкоторое усовершенствованїе воли — не всякой имѣть можетъ. — Мы удивляемся подвигамъ Леонида и Регула, мужество перваго и твердость

духа послѣдняго поражаютъ насъ; но что причиною въ нихъ высокихъ чувствъ? — Патрїотизмъ, который вдыхаетъ съ собою совершенную преданность Отечеству и отверженїе отъ самаго себя, если нужно это для блага общаго. —

За симъ слѣдуетъ вопросъ: какой гражданинъ имѣетъ болѣе способовъ быть полезнымъ — Отечеству, хотя каждый обязанъ долгомъ общимъ, и всякой ли можетъ быть Патрїотомъ? — Разсматривая порознь членовъ Общества съ перваго взгляда увидимъ различїе ихъ полагаемое самою природою, одарившею каждое лице различными и силами Физическими и способностями Нравственными; что подтверждаетъ и самъ Спаситель въ мудрой притчѣ своей: „И овому убо даде пять талантъ, овому же два, овому же единъ, комуждо противу силы его и пр. (*): — вотъ первое основанїе неравенства людей вопреки мнѣнїю нѣкоторыхъ писателей (прошедшаго вѣка) утверждавшихъ всеобщее равенство. — Потомъ воспитанїе и обстоятельства каждаго увеличиваютъ сїе различїе, а посему и законы гражданскїе, направляющїе, такъ сказать, волю всѣхъ и каждаго ко благу цѣлаго и раздѣляющїе нужды общества, дѣлаютъ уже всѣми видимое отличїе своихъ членовъ. Изъ сего ясно можемъ усмотрѣть и заключить, что человѣкъ, получающїй отъ природы лучшїя дарованїя, усовершившїй ихъ науками, а слѣд. человѣкъ просвѣщенный болѣе имѣетъ средствъ, болѣе способовъ быть полезнымъ Отечеству, ибо понятїя его обнимаютъ большую сферу

(*) Евангелїе отъ Матѳея гл. 25 отъ ст. XIV до XXXI.

дѣйствїй, онъ совершенно знаетъ долгъ свой и нужды Государства, знаетъ болѣе случаевъ дѣлать благо и даже, основываясь на опытахъ вѣковъ прошедшихъ и на здравыхъ своихъ умствованїяхъ, можетъ пресѣчь зло еще въ началѣ, еще въ источникѣ его. — По сему-то исключительно — если неошибаюсь — просвѣщенный человѣкъ можетъ быть Патрїотомъ въ точномъ смыслѣ сего слова. — И такъ, дабы утвердить союзъ гражданъ на основанїи незыблемомъ, дабы здѣлать постояннымъ и продолжительнымъ щастїе народовъ, необходимо, что бы истинное просвѣщенїе, развивая способности каждаго открывало ему пути ко благу и общему и особенному. Ибо ближайшая цѣль всѣхъ наукъ, всѣхъ познанїй есть — содѣлать человѣка лучшимъ, показать ему заблужденїя, часто едва примѣтныя въ источникѣ своемъ и всегда гибельныя въ послѣдствїи, и приближать его опытами всѣхъ вѣковъ и народовъ къ спокойному, щастливому состоянїю. — Посмотримъ на перїодъ невѣжества, продолжавшїйся почти чрезъ все время средней Исторїи Европы и мы увидимъ необозримый театръ — ужасныхъ преступленїй и злодѣянїй, гдѣ являлись цѣлые народы и ужасали своимъ явленїемъ для того только, чтобы вскорѣ потомъ уступить мѣсто другимъ народамъ; можетъ быть по истиннѣ времена сїи называютъ временами варварства: ибо тогда чувства любви къ Отечеству подавлены были презрѣннымъ эгоизмомъ и одни заблужденїя раждали новыя заблужденїя, позабыты были права и долгъ человѣчества, одно насилїе торжествовало надъ слабостїю; но что всего ужаснѣе законъ, святѣйшїй

законѣ Спасителя — употребляемъ былъ по направленїю звѣрскихъ страстей... Вотъ пагубные плоды невѣжества! —

И такъ любовь къ Отечеству произтекая изъ самой природы человѣка, укрѣпляясь болѣе и болѣе съ его лѣтами и воспитанїемъ составляетъ незыблемое основанїе Государства и щастїе его членовъ; она, такъ сказать, есть ключь ко благосостоянїю и славѣ ихъ; она указываетъ каждому члену общества на законы, какъ на священную скрижаль, которую должны они чтить и исполнять; она предпочитаетъ пользу общую частной, и чрезъ удовлетвореніе первой удовлетворяетъ и послѣднюю; она есть цѣпь, связующая тысячи и миллїоны, есть сила, движущая и управляющая сею нравственною махиною къ единой, къ славной, къ высокой цѣли; она раждаетъ заслуги и достоинства, она хранитъ нравы чистые и даже обычаи народа освященные временемъ; она незавидуетъ другимъ, но только соревнуетъ въ подвигахъ добрыхъ и славныхъ, и на щастїи всего человѣческаго рода зиждетъ и укрѣпляетъ свое щастїе; она наконецъ — хранитъ память доблыхъ сыновъ Отечества и воспоминая славныя дѣянїя, воскрешаетъ и ихъ въ сердцахъ потомковъ, свидѣтельствуя къ нимъ почтенїе и признательность! —

Съ сладостнымъ чувствомъ благоговѣнїя обращаюсь теперь къ тебѣ — вселюбезнѣйшее Отечество! — Мысленному взору моему представляется блестящїй сонмъ героевъ, имена которыхъ ознаменовала правдивая Исторїя, неизгладимою печатїю безсмертїя; героевъ любви къ Отечеству истин-

ной, твердой, непоколебимой съ тѣхъ временъ, когда только зажегся свѣтильникъ Исторіи до настоящаго времяни, которое представило возможные степени оной если можно такъ выразиться. — (*) Но я прейду молчаніемъ времена далекія и только почту воспоминаніемъ имена Пожарскаго, Минина, Палицина, Гермогена, Филарета и Ржевскаго (**). — Незабвенный, вѣчнопамятный 1812 годъ открылъ съ собою пространное поле дѣятельности и славы духу Рускому; въ сію годину испытанія небеснаго промысла любовь къ Отечеству — сохранила, прославила Отечество! — какъ говоритъ извѣстный Поэтъ нашъ: —

„Тогда явилось всё величіе народа,
Спасающаго тронъ и святость олтарей,
И тихій гробъ отцевъ, и колыбель дѣтей,
И старцевъ сѣдины, и младость дѣвъ цвѣтущихъ,
И славу прежнихъ лѣтъ, и славу лѣтъ грядущихъ; —

(*) См. Анекдоты Рускіе незабвеннаго 1812 года въ 3хъ час.

(**) См. Лѣтопись по Никонову списку ч. VIII, стр. 167: „съ нимъ же (Ляпуновымъ) убиша Ивана Ржевскаго, Иванъ же ему былъ недругъ велій, а тутъ, видя его правду, за него ста, и умре съ нимъ вмѣстѣ.„ — Левекъ въ своей Histoire de Russie въ кн. III на стр. 394 пишетъ: „Одинъ Руской Дворянинъ, по прозванію Ржевскій, о которомъ Исторія упоминаетъ только для того, чтобы мы удивлялись его концу, давно оказывалъ себя смертельнымъ врагомъ Ляпунову; но тутъ палъ, защищая его. — Что же бы онъ здѣлалъ для друга?„ —

Вы были свидѣтелями П. П. сего славнаго, рѣдкаго въ лѣтописяхъ мїра произшествїя, вы слышали призывающїй гласъ Отечества, который громко отзывался въ сердцѣ каждаго; вы видѣли сїи непритворныя, живыя чувства, съ коими всякїй изъ Россїянъ готовъ былъ принести себя отечеству; но что я говорю видѣли? Вы сами ощущали ихъ; и на пространствѣ шести тысячь верстъ отъ береговъ Океана Восточнаго до Нѣмена и отъ Бѣлаго моря до высокъ Кавказа, въ устахъ миллїоновъ одинъ былъ гласъ: „спасти Отечество или славно умереть за оное!“ — Такъ, вы видѣли, вы ощущали сей крѣпкїй, священный союзъ сердецъ, еще болѣе укрѣпляемой невидимою, всемогущею рукою Вседержителя, которая уничтожила всѣ усилїя вѣроломныхъ сопостатовъ.

И такъ, споспѣшествовать благу Отечества есть — долгъ каждаго гражданина, принести въ жертву ему жизнь — слава его; какъ же назовутъ чувства, съ коими стремились Россїяне, водимые Вѣнценоснымъ Вождемъ своимъ на спасенїе человѣчества? — Не мщенїе, столь же сродное и народамъ, какъ и частному человѣку; не честолюбїе, столь гибельное иногда послѣдствїемъ своимъ; не желанїе славы, столь же льстящей, сколько и обманчивой; нѣтъ, но благо народовъ, но истинное желанїе щастїя человѣчеству призывало Великаго Монарха нашего на спасенїе человѣчества. — Здѣсь, да осмѣлюсь сказать, открылось всё величїе Августѣйшаго ИМПЕРАТОРА нашего и народа Рускаго, ибо не пламенемъ, не разрушенїемъ ознаменованъ былъ слѣдъ нашъ, какъ то дѣ-

лали враги наши, но кротостїю и любовїю; и солнце въ стѣнахъ Парижа освѣтило зрѣлище безпримѣрное, не видѣнное, не представляемое Исторїею всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. — Побѣдитель явился не въ видѣ грознаго завоевателя, несущаго кару и мщенїе, но въ видѣ примирителя, въ видѣ благодѣющаго покровителя народовъ. — И тамъ, гдѣ ликовали о пожарахъ и разрушенїи Москвы, на томъ мѣстѣ, гдѣ торжествовали будущїй плѣнъ нашего Отечества — услышали гласъ не карающїй, но милующїй; не требующїй жертвъ справедливаго мщенїя, но дарующїй свободу, спокойствїе и безопасность. — И такъ свершился подвигъ величайшей славы, какая дается только въ удѣлъ не многимъ Вѣнценосцамъ! Свершился подвигъ по духу Спасителя, который говоритъ: прощайте обиды ваша, добро твориte ненавидящимъ васъ! — Я вижу уже сквозь тьму будущихъ вѣковъ, 1812, 13 и 14й годы ознаменованными блестящими лучами славы имени Благословеннаго... Вижу удивленїе и признательность къ безпримѣрнымъ подвигамъ Его; читаю мысленно изображенїя мрамора и холста какъ бы одушевленныя, искуствомъ рѣзца и кисти, на память избавленїя Европы отъ порабощенїя властолюбїя, то коварнаго, то дерзкаго; представляю въ воображенїи какъ покрытый сѣдинами старецъ, съ благоговѣнїемъ въ душѣ указуетъ юношѣ на славные сїи монументы и повѣствуетъ ему о временахъ прошедшихъ... Не сїе еще будетъ, да и начинаетъ уже совершаться чрезъ признательныхъ сыновъ Отечества. — Между тѣмъ любезнѣйшїе сотоварищи! видя передъ собою, собственными

глазами своими высокïе образцы любви къ Отечеству, явимъ себя во всякомъ случаѣ, въ каждый день и часъ истинными сынами его; будемъ полезны ему и дѣломъ и словомъ; да сохранимъ законъ напечатлѣнный природою въ сердцѣ каждаго изъ насъ, и укрѣпленный усердными наставленïями Достопочтеннѣйшихъ Наставниковъ нашихъ; да каждый подвигъ жизни нашей будетъ подвигомъ любви къ Отечеству, и тѣмъ исполнимъ долгъ благодарности за всѣ блага съ первой минуты жизни нашей въ немъ полученныя и даже за самую жизнь. — Ежели же — что да незбудется никогда — не явитъ кто себя истиннымъ, признательнымъ сыномъ Отечества; да отяготѣетъ надъ нимъ проклятïе его соотчичей, да изсохнутъ всѣ источники радостей и удовольствïй для того сердца, которое не питаетъ въ себѣ сего благороднаго, высокаго чувства! —

СПбГУ

VIII. Подражаніе Псалму 8му.

Студ. Павла Сендецкаго.

Велико имя есть Твое Творецъ мїровъ;
Великолѣпно все отъ рукъ Твоихъ твореньe!
Да воскурится въ вѣкъ отъ всѣхъ земли концевъ
Какъ Ѳимїамъ кадилъ Тебѣ благословенье!
Младенецъ, только лишъ вступившїй жизни въ путь,
И старецъ въ подвигахъ житейскихъ посѣдѣлый;
Отъ сердца пѣснь Тебѣ хвалебную поютъ —
Хвала сїя прейдетъ и гроба за предѣлы.
Воззрюль въ эѳирный сводъ, въ лазурны небеса,
Воззрюль на злачный долъ, на ярыхъ водъ стремнины;
Вездѣ являются предъ мною чудеса
Тобой созданные, Тобой руководимы!
Невольно тутъ въ душѣ раждается моей
Таинственный вопросъ — что я есмь средъ творенья?
Толико славнаго руки Твоей благой,
За что столь много льешъ на мя благотворенья?
Ты малымъ чемъ меня умалилъ отъ Духовъ
Въ служенїе Тебѣ Тобою сотворенныхъ,
Тобою въ бренный сей тѣлесный мой покровъ
Даръ жизни и ума и сердце заключенны,
Главой поставилъ мя надъ дѣломъ рукъ Твоихъ,
И все подъ нози мнѣ Тобою покоренно —

Сколь много пользуюсь для разныхъ нуждъ моихъ
Отъ сихъ даровъ Твоихъ всю жизнь я ежедневно?
Звѣрей земныхъ мнѣ Ты въ служенье покорилъ
И рыбы въ безднахъ водъ мнѣ созданны Тобою,
Позволилъ Ты, чтобъ я и нѣдро горъ разрылъ
И пользу сыскивалъ себѣ и подъ землею! —
Велико имя есть Твое Творецъ мiровъ,
Великолѣпно все отъ рукъ Твоихъ твореньe!
Да воскурится ввѣкъ отъ всѣхъ земли концевъ
Какъ Ѳимiамъ кадилъ Тебѣ благословенье! —

Природа.

(Изъ Делиля).

Природа дивная! отливъ Творца вселенной?
Какiя чувствiя раждаешъ ты во мнѣ!
То радостный восторгъ прелестный, несравненный,
То трепетъ ужаса священнаго въ душѣ —

*

Въ долинѣ, по холмамъ зеленымъ и волнистымъ
Ты гордо шествуешъ и сыплешъ въ мигъ по ней,
Прелестные плоды, цвѣты весны душисты —
Лучь солнца яснаго, улыбки слѣдъ твоей —
Дыханiемъ своимъ зефировъ ты раждаешъ —
Унылымъ шумомъ древъ, журчаньемъ тихихъ волнъ
И пѣньемъ соловья ты голосъ свой являешъ —
Весь мiръ всѣхъ прелестей тобой Богиня полнъ!..

*

То вдругъ въ пустыняхъ тронъ свой дивный
утверждаешъ,
И между мрачныхъ сосенъ, волнующихъ эѳиръ,
На льдистыхъ горъ верхахъ его ты поставляешъ
И мрачнымъ ужасомъ весь одѣваешъ Мïръ...
Изъ нѣдръ твоихъ шумятъ потоки бурны, страшны —
И молньи пламенны твой всюду мещетъ взоръ,
Твой голосъ, грома гулъ порывистый, ужасный
Грохочущïй въ скалахъ и въ страшныхъ дебряхъ
горъ! —

*

Кто можетъ чувствовать изящность, совер-
шенно
Твоихъ всѣхъ перемѣнъ, красотъ что я пою —
И чей отважится умъ гордый, дерзновенный
Достойно описать Природа! мочь твою:
Отъ горъ подоблачныхъ, до пропастей подземныхъ
Отъ кедровъ что верхи теряютъ въ облакахъ,
До скромной лилѣи цвѣтущей на лугахъ,
До злачной муравы цвѣтами испещренной.....

Путешественникъ.

(Съ Нѣмецкаго).

Путникъ въ ясный день весною,
Шелъ дорогою — какъ вдругъ
Сводъ небесъ покрылся мглою
Дождь полился съ черныхъ тучь.
Громъ гремитъ и сильно блещетъ
Въ тверди молнïя густой;

Путникъ въ ужасѣ — трепещетъ
И — не ступитъ впредъ ногой.
Проситъ онъ Зевеса — Бога
Ливный дождь чтобъ пересталъ,
Чтобъ видна была дорога,
Вѣтръ чтобъ буйный не свисталъ —
Но напрасно — Зевсъ не внемлетъ
Прозьбамъ путника сего,
Бурю большую подъемлетъ
Ливный дождь льетъ на него,
Онъ, отъ страха цепенѣя
Зевса началъ поносить,
Что мольбамъ сей Богъ невнемля
Бурю, дождь неукротитъ —
Но межъ тѣмъ какъ укоряетъ
Зевса, путникъ сей глупой,
Изъ куста злодѣй стрѣляетъ
Прямо на него стрѣлой.
И стрѣла не долетѣла:
Вихрь отбилъ смерть отъ него....
Путникъ палъ тутъ на колѣна
И вопилъ къ Творцу всего:
„О Святое Провидѣнье!
„Мудро, благо Ты всегда,
„Хотя нашему моленью
„И не внемлешъ иногда!
„Естлибъ буря укротилась
„И дождь литься пересталъ,
„Въ сердце мнѣбъ стрѣла вонзилась
„Жизнь моюбъ злодѣй отнялъ.....

IX. Велизарій.

(Элегія)

Студ. А. Попова.

Превратности судьбы есть смертнаго удѣлъ,
Какъ блага щастія непрочны и мгновенны!
Величіе и доблесть славныхъ дѣлъ —
Сего дня въ блескѣ зримъ, а завтра — униженны! —
Такъ я люблю — тебя — воспоминать,
Великій мужъ — но рокомъ злымъ гонимый,
И жизнь твою — урокомъ почитать,
Сколь назначенія небесъ непостижимы. —
Предъ кѣмъ Цари въ уничиженьи шли,
Кѣмъ украшалася тріумфа колесница
Народы — славой смертныхъ чли,
Кому готовилась златая багряница;
И славный Карфагенъ и гордый Римъ,
(Недавно свѣта повелитель)
Смирилися и пали передъ нимъ;
Но зависти — змѣи сталъ жертвой побѣдитель! —
Она вездѣ за нимъ ходила по слѣдамъ,
Великій отъ нея нигдѣ не укрывался,
Тогда какъ отъ страны съ побѣдой шелъ къ странамъ,
И славными тріумфами вѣнчался. —
Презрѣнная, склонивши слухъ Царевъ,
Лишъ о погибели могущаго шептала;
И доблесть славная — питая скрытый гнѣвъ,

Всегда лишь грудь злодѣйскую терзала! —
О времяни позоръ! и зависть въ торжествѣ!
Для Велизарія готовится темница. . .
Тиранъ лишилъ всего достойна быть въ вѣнцѣ,
И хочетъ хровію великаго упиться! —
Отнявши свѣтлый санъ — заслугъ отчизнѣ — даръ,
Еще лишить его очей повелѣваетъ! —
И зависть нанеся послѣдній свой ударъ,
Восторгомъ грудь презрѣннымъ наполняетъ. —
Оковы тяжкія на тѣхъ рукахъ звѣнятъ,
Которыя законъ давали всей вселенной;
Кто не хотѣлъ златой короны принимать,
Лишенный зрѣнія томится заточенный! . .
—„О гордый міръ! меня что Богомъ чтилъ,
(Великій въ узахъ восклицаетъ),
Предъ кѣмъ недавно ты главу твою клонилъ,
Смотри! какъ дни свои въ темницѣ онъ кончаетъ!
Кто могъ рукой своей и доблестью держать
И шаткій тронъ Юстиніана,
И міръ враждующій отъ гибели спасать,
Сталъ жертвой мщенія могущаго тирана!
И свѣтъ сталъ чуждъ моихъ очей,
Послѣдняго лишенъ я утѣшенья;
И память прежнихъ, славныхъ дней,
Сугубитъ тягость заточенья. . .
Народы! изъ меня учитесь познавать,
Сколь щастія дары непостоянны;
Сколь кратко блескъ честей насъ можетъ возхищать! —
И все величіе — какъ блескъ зари румянный,
На краткое мгновеніе блеснетъ
И славой озаривъ насъ быстро оставляетъ. . .

Но, слава добрыхъ дѣлъ въ безсмертіи живетъ,
И память ихъ въ вѣкахъ грядущихъ оживаетъ. —
Потомство! славныхъ дѣлъ правдивый судія!
Ты Велизарія въ темницѣ утѣшаешъ;
Сраженный завистью — но ты почтешъ меня,
И доблесть дѣлъ моихъ хвалою увѣнчаешъ! —
Ты будешъ нѣкогда достойно упрекать
Въ несправедливости могущаго тирана. . .
И зависть низкую душою презирать,
Ползущую теперь у ногъ Юстиніана!„ — — —
Умолкъ великаго послѣдній гласъ,
И въ сводахъ мрачныя темницы отозвался;
Съ душой торжественной онъ съ жизнію прощался,
И тихо близился къ нему кончины часъ. — — —

СПбГУ

X. Овидій изгнанникъ.

(Элегія)

Его же.

Въ странѣ изгнанниковъ — гдѣ дикіе народы
Сарматъ и Скифъ и Гетъ добычей лишь живутъ;
Гдѣ на седмъ кратъ дѣлясь Дуная шумны воды,
Холодныя струи въ угрюмой Понтъ несутъ;
Тамъ, на скалѣ надъ моремъ взгроможденной,
Овидій — Рима честь — изгнанье проводилъ,
Отъ родины, отъ милыхъ отлученный,
И потерявши все въ прошедшемъ только жилъ. —
И Понта ропщущія волны,
Бесѣдуютъ съ его унылою душой;
Изгнанникъ чувствій тяжкихъ полный,
Даетъ отвѣтъ водамъ горячею слезой! —
Живой мертвецъ, душою чуждъ веселья,
Одна тоска — мучитель сердца — съ нимъ;
Онъ мучится какъ жертва заточенья,
И чуждъ всего летитъ еще душою въ Римъ. . .
—„О Римъ! отечество! и въ самомъ ты изгнаньи
Священный для меня, — еще живу тобой,
Еще живу тѣхъ дней въ воспоминаньи,
Когда — щастливецъ я — ласкаемъ былъ судьбой.—
Когда величіе мнѣ кротко улыбалось,
И пурпуръ на плечахъ моихъ уже блисталъ;
Казалось, къ щастію ничто неоставалось,

И благъ земныхъ я больше не желалъ:
Любимецъ Цезаря, супругъ супруги вѣрной,
И музамъ дѣвственнымъ неизмѣнявшій жрецъ,
И дружбой нѣжной незабвенной,
И милой дочери заботливый отецъ. . .
Но о судьбы могущей измѣненья!
Любимецъ, другъ Царя теперь изгнанникъ сталъ!
И живъ еще къ *лозоху заточенья*,
Чтобъ каждый день и часъ томился и страдалъ! —
О Сульмо! (*) гдѣ вкусилъ я чувство бытія,
Гдѣ я земнымъ блаженствомъ насладился,
Гдѣ все было, все щастьемъ для меня,
И огнь Поэзіи святой во мнѣ открылся. —
Омиръ зажегъ въ груди сей негасимый жаръ,
Онъ далъ мнѣ чувствовать небесно вдохновенье,
И Музы дѣвственны мой укрѣпляли даръ,
Чтобъ Цезарь былъ предметомъ пѣснопѣнья. —
Я пѣлъ его, пѣлъ славу Рима дней,
Величіе и честь великаго народа,
Пѣлъ повелителя и суши и морей,
И въ Цезарѣ — я видѣлъ Бога! —
Такъ, Цезарь — говорю — возможноль было знать,
За то, что все предъ нимъ и чувства повергая,
Судитъ позорное изгнанье мнѣ принять,
Отъ трона, отъ родныхъ, отъ Рима удаляя? —
Почто, родитель мой! тебѣ я невнималъ,
Когда хотѣлъ отвлечь меня отъ пѣснопѣнья? . . .
Я въ тайнѣ Музамъ дни безцѣнны посвящалъ,
И вотъ, за неба даръ — достойный награжденья!

(*) Городъ въ южной Италіи и мѣсто рожденія Овидія. —

Одинъ, въ изгнанїи, я вяну здѣсь душой,
Свидѣтель лишъ того какъ дикїй сынъ природы,
Сарматъ иль Гетъ свистящею стрѣлой,
Пронзаетъ добычи средь страшной непогоды;
Какъ быстрый, иногда медлительный Дунай,
Покрывшись льдомъ звенитъ подъ варвара ногою;
Какъ сей природою забытый, дикїй край,
Горитъ по временамъ мятежною войною. . .
Овидїй изгнанный здѣсь дни свои ведетъ,
Но мыслей, но душой онъ въ Римѣ обитаетъ;
И смерти — какъ награды — ждетъ,
И щастье прежнихъ дней и Римъ воспоминаетъ...
Увидятъ ли еще — тебя, священный градъ!
Мои отъ слезъ померкшїя зеницы? —
Тебя — народъ — во кругъ Капитолїйскихъ вратъ,
И пышныя трїумфа колесницы? —
Увижули — кого народы Богомъ чтутъ,
Кто славу утомивъ въ величїи явился,
Кому вѣка вѣнецъ безсмертья соплетутъ,
Предъ кѣмъ и Римъ Божественный смирился? —
Увижули еще — тебя — мой мирный кровъ
Омоченный прощанїя слезами? —
И васъ безцѣнныя гробницы праотцовъ,
И урна тихая соединитъ ли съ вами?
Я помлю тотъ нещастный часъ,
Когда громъ Цезаря раздался надо мною,
Объятый ужасомъ, сей слышалъ Бога гласъ,
И Римъ я оставлялъ трепещущей ногою. —
Супруга! я тебя на вѣки покидалъ,
Ты немогла дѣлить позорнаго изгнанья;
Казалось, я себя живаго погребалъ,
И только слышанъ былъ гласъ тяжкаго рыданья. —

Напрасно ты тогда молила всѣхъ Боговъ,
Напрасно въ прахъ съ мольбой разпростиралась;
Они неслышали твоихъ сердечныхъ словъ,
И тщетно алтарей погасшихъ ты касалась. —
О громъ Юпитера! почто не поразилъ
Тогда главу мою позоромъ отягченну? —
О мощный Богъ! почто Ты жизнь мою продлилъ
Нещастїямъ и сраму обреченну? —
Я живъ еще! . . и здѣсь, кто горесть облегчитъ
Среди жестокаго и тяжкаго изгнанья? —
Ахъ! кто участїя слезою подаритъ
Отъ чувствїй нѣжныхъ состраданья? . . .
Всѣхъ чуждъ, лишъ Музы! вы Божественны со мной,
Лишъ вы меня нигдѣ непокидали,
Тогда какъ шелъ я щастїя тропой,
И здѣсь, когда иду стезей печали! — —
Я буду пѣть теперь нещастїя мои. . .
Пусть Цезарь на меня разгнѣвавшись и Боги,
Шлютъ на главу и гнѣвъ и мщенїе свои,
О Музы! васъ молю — ко мнѣ *небудьте строги!* —
Да къ пѣснопѣнїю мой *неугаснетъ* даръ,
И *томная моя но сладостная лира*,
Здѣсь будетъ горесть пѣть и вдохновенья жаръ,
Угаснетъ пусть съ кончиной мїра! — — —
О радость! буду жить въ грядущихъ я вѣкахъ,
Удѣлъ безсмертїя даритъ Назону Генїй! —
И тотъ, кто жизнь кончалъ въ изгнанїи, въ слезахъ,
Отъ всѣхъ почтется поколѣнїй!„ . . .
Такъ, мучимый тоской, пѣвецъ — изгнанникъ пѣлъ,
И мрачныхъ думъ и вдохновенья полный,
Покуда жизни огнь въ груди его горѣлъ,
И пѣснямъ горести внимали только волны. . . —

XI. Посланіе

Василью Андреевичу Жуковскому.

Александръ Склабовскій.

И ты, въ чью душу Фебъ талантъ чудесный влилъ —
Въ златыя струны жизнь переселять съ мечтами;
Кого волшебному искуству научилъ
Не камни, не древа плѣнять — владѣть сердцами;
Кто приобрѣлъ цѣной *въ Поэзіи* заслугъ
Вниманіе Царя и Матери — Царицы:
Краса пѣвцовъ! и ты склонилъ свой слухъ
Ко звукамъ робкія цѣвницы!
Талантъ въ неопытномъ открылъ ученикѣ,
Который, ушаясь отъ свѣта, вдалекѣ
Любилъ подслушивашь украдкой
Твой голосъ лебединой сладкой;
И въ упоеньи дивномъ онъ,
Надежды обольщенъ мечтою,
Старался соглашать простой цѣвницы тонъ
Съ волшебной струнъ твоихъ игрою!..
Соревнованье ты въ заслугу мнѣ вмѣнилъ,
Скрылъ недостатка снисхожденьемъ,
Любовь къ Поэзіи примѣрно наградилъ
Безсмертнымъ Генія *твореньемъ!*
Такой цѣны вѣнокъ за *малость* получить
Въ даръ отъ любимца Музъ — честь націи — Поэта —
Для юнаго пѣвца могло ль что лестнѣй быть,

Не знавшаго еще, сколь пагубно у свѣта, —
Который любитъ все злословить, охуждать,
Храня наружную и правоту и честность —
И самую ничтожную снискать
Ничтожнымъ знанїемъ въ Поэзїи извѣстность!
Чело въ вѣнкѣ и изъ простыхъ листовъ
Всегда тревожитъ, возмущаетъ
Несмѣтныя толпы завистниковъ, глупцовъ, —
И злобу въ ихъ сердцахъ, и мщенье пробуждаетъ.
Чтобъ въ тишинѣ свой вѣкъ прожить, —
Безвѣстность надобно любить,
Въ ней наше счастїе земное:
Вотъ мудрыхъ правило златое!
Но не сомнительноль оно? —
Въ предметѣ всѣхъ людей *одно*:
Безумный и мудрецъ, богатой и убогой —
Всѣ счастья въ храмъ войти хотятъ
Почто же не одной дорогой
Къ желанной цѣли всѣ спѣшатъ?..

Совѣты разума, природы гласъ столь внятный,
Для обольстившихся мечтою не понятны!
Съ мечтоюжъ съ симъ слѣпымъ вождемъ
Нигдѣ мы счастья не найдемъ;
А есть оно: для счастья Провидѣнье
Насъ поселило на земли;
Но пылки страсти, заблужденье
Насъ отъ пути прямаго отвлекли!
Приманчиво въ брегахъ весенныхъ водъ плесканье,
И трепетъ листьевъ молодыхъ
Надъ влагой зеркальною ихъ,
И легкое вершинъ древесныхъ колебанье

При вѣяньи прохладномъ вѣтерка,
И рога звукъ унылый за горою —
Вечерней тихою порою
Чуть слышимый издалека;
Въ часъ пробужденія златой денницы
Плѣнителенъ видъ утренней зарницы, —
Когда съ небесъ едва проглянувшихъ она,
Среди полупотухшихъ звѣздъ одна,
Надъ тихимъ озеромъ сіяетъ
И съ пурпуромъ зари сливаетъ
Свой блескъ на дремлющихъ водахъ;
Приятно древъ развѣсистыхъ подъ тѣнью
На муравѣ душистой отдыхать
И съ неволнуемой ничѣмъ душой внимать
Жужжанью пчелъ, пернатыхъ пѣнью;
Полезно сладко всякой день
Въ своемъ трудиться огородѣ,
Не нѣжить вѣчнаго врага здоровью — *лѣнь*
И подражать въ трудахъ и въ простотѣ природѣ;
Похвально знанія искать,
Свой умъ ученьемъ просвѣщать
Не съ тѣмъ, чтобъ сдѣлаться и славнымъ и извѣстнымъ,
Но быть совѣтами для ближняго полезнымъ;
Еще похвальнѣе врагамъ добро творить
Не изъ тщеславія — великодушнымъ слыть,
Но изъ любви къ добру, — быть дѣятельнымъ, честнымъ —
И не искать за то награды никакой:
Души чувствительной награда въ ней самой! . .
Но люди въ гордости или въ слѣпомъ незнаньи
Такія истинны считаютъ за мечты;

И съ жизнью скромною природы красоты
Въ одномъ лишь любятъ описаньи!
И тутъ имъ трудно угождать:
Тотъ хочетъ въ прозѣ все, а тотъ въ стихахъ
читать;
А что предметы есть, — которыхъ *прозой скудной*
Описывать и совѣстно и трудно, —
Тому и вѣрить не хотятъ!

Прошли тѣ времена счастливы,
Какъ люди не были столь странны, прихотливы;
Когда никто различія незналъ
Между чертогами и хижиной простою;
Червонцовъ звонкихъ блескъ, кафтанъ съ шитьемъ,
съ звѣздою
Очей завистныхъ не плѣнялъ;
Когда красой природы любовались, —
Не въ описаніи: не въ прозѣ, не въ стихахъ
И не въ однхъ пустыхъ мечтахъ
Но жили съ ней весь вѣкъ и ею наслаждались;
Необольщаясь суетой,
За тридевять земель за щастьемъ не ходили, —
Но щастье, радость и покой
Они вседневно находили
Подъ кровомъ хижины родной!

О кровъ отеческій священной!
Какъ ты прелестенъ, милъ душѣ не развращенной
Соблазнами столицъ, *Космополитъ* мечтой!
Въ чертогахъ мраморныхъ, гдѣ всюду злато блещетъ, —
И въ низкой хижинѣ, гдѣ бѣдность съ простотой —

Какъ сердце нѣжное трепещетъ
При мысли о тебѣ одной! . .
Ахъ! и моя душа какъ часто, вспоминая
О прошломъ счастїи, изъ чуждаго ей края
На крыльяхъ мысленныхъ летитъ!
Но что ее къ тебѣ манитъ?
Богатство, роскошь? — Нѣтъ! ты имъ былъ неизвѣстенъ;
Не ими ты душѣ прелестенъ,
Не ими сердце приковалъ! . .
Кудабы вѣтръ челнокъ мой ни умчалъ,
И чтобъ со мной ни приключилось:
Въ туманѣ ль жизнь моя подъ бурею текла,
Или какъ Донъ родной былабъ тиха, свѣтла, —
Мнѣ не забыть тотъ край, гдѣ сердце пробудилось
Отъ сна ничтожества на сладкой жизни гласъ
И въ молодой груди любви огнемъ согрѣто
Затрепетало впервой разъ;
Гдѣ, — былъ ли ясной день, иль небо мглой одѣто,
Шумѣлась буря вкругъ, иль легкой вѣтерокъ
На тихо льющїйся потокъ
Сребристыхъ тополей и ивъ подъ осѣненьемъ,
Едва примѣтнымъ дуновеньемъ,
Легчайши струйки навѣвалъ,
Природа въ наготѣ или въ нарядѣ новомъ
Являлась на холмахъ, — подъ мирныхъ отчимъ кровомъ
Всегда равно счастливъ и веселъ я бывалъ!

Но должно искренно признаться:
Я не умѣлъ красой природы восхищаться;

Конечно отъ того, что не пѣвцомъ рожденъ.
Поета Музы, Фебъ лилѣютъ въ колыбели;
Я ими былъ забвенъ: дни юности летѣли —
Я не имѣлъ вождя на свѣтлый Геликонъ;
Любилъ, не какъ Поэтъ, простую мать — природу:
Взоръ не пылалъ глядя на прелести ея;
Пилъ чистую Донскую воду
Не думая, что бы Кастальская струя
Была вкуснѣе и пріятнѣй;
Чтобъ зелень и цвѣты Парнаса на холмахъ
Свѣжѣе были, ароматнѣй, —
Чемъ на родныхъ весной лугахъ.
Но дивно дѣло Провидѣнья!
Когда я быть пѣвцомъ и сонный не мечталъ,
Но въ таинства себя Фемиды посвящалъ;
Вдругъ вижу Генія творенья,
Которыя мнѣ *Вѣстникъ* сообщалъ: —
Взглянулъ на *слящихъ Дѣвъ*, на мертвеца съ *Людмилой*,
Съ *Свѣтланой* сталъ гадать — *мечтательницей милой*, —
И, ихъ красой плѣнясь, Фемидѣ измѣнилъ.
Съ тѣхъ поръ Поэзія любимѣйшимъ предметомъ
Занятій всѣхъ моихъ была;
И вкругъ меня лежавша мгла
Разсыпана ея волшебнымъ свѣтомъ.
Тогда Фантазія съ крылатою толпой
Мечтаній юныхъ и прелестныхъ,
Снявъ занавѣсъ съ красотъ до толѣ мнѣ безвѣстныхъ,
Съ улыбкой въ міръ иной
Манила за собой.

И въ новомъ блескѣ все созданье
Открылось для моихъ очей:
Свѣтлѣй, игривѣй сталъ ручей
И сладостнѣй его журчанье;
Пышнѣй одѣлись берега,
Роскошнѣй разцвѣли луга;
Прелестнѣй видъ долинъ съ холмами,
Пріятнѣй ароматъ цвѣтовъ
И тихой шопотъ съ вѣтерками
Едва развившихся листовъ;
Хоръ птицъ согласнѣй и нѣжнѣе;
И блескъ прекраснѣе, алѣе
Восточныхъ, западныхъ небесъ, —
Когда проглянетъ день веселый,
Иль скроется за дальній лѣсъ —
Звучащій пѣньемъ Филомелы;
И словомъ, для меня тогда
Въ природѣ все преобразилось,
И сердце веселѣй отъ наслажденья билось,
Жизнь розою цвѣла! — Но, правда, иногда
Ненастье и для ней при свѣтлыхъ дняхъ бывало!
Ахъ! правда: въ жизни много бѣдъ,
А благъ прямыхъ такъ мало!
Предъ кѣмъ всегда равно свѣтилъ надежды свѣтъ?
Чье сердце не страдало? —
Но кто съ Поэзіей знакомъ,
Кому всѣ прелести ея открыты,
Къ кому слетаются тайкомъ
Порою Музы и Хариты, —
Кто къ нимъ святую страсть
Въ душѣ своей питаетъ;
Тотъ не предастъ себя отчаянью во власть,

Тотъ менѣе другихъ страдаетъ:
Въ часъ скорби лирною игрой
Онъ облегчаетъ жребій свой
И — муки сердца услаждаетъ!

Преданье говоритъ: Фебъ нѣкогда имѣлъ
Блистательный, завиднѣйшій удѣлъ:
На высотѣ Олимпа возсѣдая, —
Безсмертныхъ сонмомъ окруженъ, —
Неразъ ихъ погружалъ въ восторгъ, въ забвенье онъ,
На лирѣ золотой играя.
Самъ Зевсъ игрѣ его съ волненіемъ внималъ, —
Къ рукѣ, даржащей громъ, божественной главою
Въ мечтаніи склонясь, — и свѣтлою вѣнчалъ
Его короной золотою.
Но рѣдко счастіе за славой идетъ въ слѣдъ:
Она даровъ его не ищетъ, не желаетъ, —
И рѣдко тотъ не встрѣтитъ въ жизни бѣдъ,
Кого сія прелестница ласкаетъ!
И Юпитеръ, который наградилъ
Такъ щедро дивное искуство Феба, —
Внявъ зависти, его съ превыспренняго неба
Въ страну сыновъ земли къ изгнанью осудилъ!
Но злобы, зависти гоненье
Ничто для тѣхъ, съ кѣмъ лира, вдохновенье!
На свѣтлыхъ берегахъ, — гдѣ воды льетъ Пеней
Въ поляхъ Ѳессаліи прелестныхъ, —
При звукѣ Аполлонъ своей
Волшебной флейты, все: и жителей небесныхъ,
И нектаръ ихъ, и шумъ ихъ божескихъ пировъ,
И блескъ величія правителя Боговъ,
И Гебы красоты младыя —

Всѣ наслажденья не земныя
Средь грубыхъ пастуховъ забвенью предавалъ;
Имъ пѣсни пѣлъ, и истинъ свѣтъ высокихъ
Въ простыя души ихъ вливалъ,
И тайны сердца повѣрялъ
Онъ эху скалъ, дубравъ далекихъ.
Такъ Богъ гармонїи, бывъ изгнанъ и забвенъ,
Въ долинахъ мирныхъ Θессалїйскихъ
Пусть меньше славенъ былъ, — но болѣе блаженъ,
Чемъ въ радужныхъ чертогахъ Олимпїйскихъ!
Да будетъ сей примѣръ урокомъ для пѣвцовъ, —
Не тѣхъ, которыхъ даръ и зависть уважаетъ;
Но тѣхъ, кого она еще не много знаетъ!
Когда не задушилъ ея самъ Богъ стиховъ,
Какъ Геркулесъ змѣю младенческой рукою;
Когда съ небесъ отъ ней былъ принужденъ бѣжать:
Что сдѣлалабъ она со мною,
Когдабъ отличныхъ я успѣховъ сталъ искать
На поприщѣ Поэзїи прекрасномъ?
Хотя бы *я и могъ и долженъ ихъ найти*, —
(Какъ мнѣ не вѣрить Вамъ?) — осмѣлюсь ли итти
Путемъ блистательнымъ, но труднымъ и опаснымъ?
Могуль пожертвовать я для молвы одной
Безвѣстности покоемъ прочнымъ? . .
Всей преданный Поэзїи душой,
Всѣмъ чувствомъ сердца непорочнымъ, —
Я стану въ тишинѣ курить ей θимїамъ,
Ея плѣняться красотами,
И окружа себя веселыми мечтами,
Порой цѣвницу брать и пѣть стихи друзьямъ.
Даръ скудный! какъ же быть! тутъ все, что я имѣю;
Что есть, тѣмъ радъ ихъ отъ души дарить.

Тебѣжъ, любимецъ Музъ, дерзаю посвятить
На первый разъ одну — *Помлею!*
Прими ее какъ тебя достойный даръ, —
Не образцовое она произведенье; —
Но какъ усердія живаго приношенье.
Пусть благодарнаго, простаго сердца жаръ,
Почтенье, и любовь, и преданность безъ лести
Всѣ недостатки въ ней собой вознаградятъ, —
И *новаго* пѣвца достойнымъ сотворятъ
Оказанной ему тобой отличной чести!

56761.

СПбГУ

Пен. Гос. Ун-т

12р

СПбГУ

СПбГУ

СПбГУ

СПбГУ